БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ

ГЛАВНЫЕ ДѢЯТЕЛИ И ПРЕДШЕСТВЕННИКИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

К. К. АРСЕНЬЕВА

ВѢСТНИКЪ И БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ

1904

ГАЛЛЕРЕЯ
РУССКИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ

СЛАВНЫЕ ДѢЯТЕЛИ И ПРЕДШЕСТВЕННИКИ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ
К. К. АРСЕНЬЕВА

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ
КЪ „ВѢСТНИКУ И БИБЛІОТЕКѢ САМООБРАЗОВАНІЯ“
НА 1904 ГОДЪ.

БРОКГАУЗЪ И ЕФРОНЪ

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 25 октября 1904 г.

Типографія Акц. Общ. Бр. Гранатъ-Ефронъ. Пранешный пер., № 6.

Предисловіе.

20-го Ноября 1904-го года исполнится сорокъ лѣтъ со дня изданія судебныхъ уставовъ Императора Александра II-го. Время не уменьшило значенія этого законодательнаго акта, не затмило славы его вдохновителей. «Свѣтлѣй и ярче перваго разсвѣта» горитъ ореолъ, окружающій великую реформу. Возведенное ею зданіе не осталось неприкосновеннымъ—но тѣмъ живѣе чувствуется, тѣмъ выше цѣнится его первоначальная стройность. Съ восторженнымъ удивленіемъ вспоминаются имена людей, рѣшительно и смѣло положившихъ конецъ хаосу и тьмѣ старыхъ судебныхъ порядковъ *). Право на благодарную память имѣютъ и тѣ, кто еще раньше поднялъ край завѣсы, сотканной канцелярскою тайной и прикрывавшей царство безправія и ябеды.

Неправосудіе, во всѣхъ его видахъ и со всѣми его послѣдствіями, было завѣщано московскою Русью Петровской Россіи и дожило, въ едва смягченной формѣ, до второй половины XIX-го вѣка. «Всуе законы писать, когда ихъ не хранить или ими играть какъ въ карты, прибирая масть къ масти, чего нигдѣ въ свѣтѣ такъ нѣтъ, какъ у насъ было, а отчасти и еще есть, и зѣло тщатся всякія мины чинить подъ фортецію правды». Напрасно эти образныя, сильныя слова красовались на зерцалѣ, поставленномъ, по повелѣнію ихъ автора, на столѣ, за которымъ засѣдалъ судъ. Можно было подумать, что указанный въ нихъ кривой путь—не тотъ, котораго должны избѣгать судьи, а тотъ, котораго они вправѣ держаться: до такой степени процвѣтала «игра» законами, до такой степени страдала отъ «минъ» корысти и произвола «фортеція правды». Обычай, взлелѣянный вѣками, пережилъ крутыя мѣры Петра, просвѣтительныя наставленія Екатерины, благожелательныя намѣренія Александра, суровыя приказанія Николая I, севастопольскую эпопею—и дошелъ невредимымъ до крушенія всего до-реформеннаго строя. Гоголь имѣлъ передъ собою тотъ самый судейскій міръ, который, почти полустолѣтіемъ раньше, былъ изображенъ Капнистомъ. Въ сороковыхъ годахъ его нашелъ такимъ же Аксаковъ, въ пятидесятыхъ—Салтыковъ; тогда же весь его ужасъ испыталъ на себѣ Сухово-Кобылинъ. Сводъ Законовъ, на который возлагались сначала большія надежды, сдѣлался, въ опытныхъ рукахъ, такой-же «колодой картъ», какою были до него разрозненные указы; неприступность его, какъ «фортеціи», оказалась совершенно мнимой. Ничто, очевидно, не могло смягчить застарѣлое зло: его необходимо было вырвать съ корнемъ. Поставить и разрѣшить эту задачу можно было только при подъемѣ общественныхъ силъ, не знающемъ ни непреодолимыхъ препятствій, ни сомнѣній въ успѣхѣ. Повторилось то, что много разъ, при аналогичныхъ условіяхъ, наблюдалось и въ Россіи, и въ другихъ государствахъ: для крупнаго дѣла нашлись крупные люди. Исторія освобожденія крестьянъ и судебнаго преобразованія служитъ, съ этой точки

*) Въ составъ настоящей «Галлереи» вошли, по понятнымъ причинамъ, только умершіе участники реформы.

зрѣнія, отраднымъ предзнаменованіемъ для будущаго. Какія бы трудныя минуты ни предстояли русскому обществу, изъ его среды—въ этомъ можно быть твердо увѣреннымъ—явятся новые Милютины и Самарины, новые Зарудные и Ровинскіе, и вторая «эпоха великихъ реформъ», когда она наконецъ наступитъ, не останется позади первой.

Судебная реформа не встрѣтила такого упорнаго, ожесточеннаго противодѣйствія, съ какимъ пришлось считаться освобожденію крестьянъ. Необходимость ея чувствовалась, въ большей или меньшей степени, всѣми; ничьихъ интересовъ она, повидимому, прямо не нарушала, да и энергія партіи застоя была исчерпана, на время, только что окончившеюся борьбою за крѣпостное право. Графъ Д. Н. Блудовъ, отъ котораго до тѣхъ поръ исходила иниціатива полумѣръ, призналъ, если не активно, то пассивно, неизбѣжность полнаго разрыва съ единодушно осужденнымъ прошлымъ. Быстро установленныя и провозглашенныя во всеобщее свѣдѣніе, основныя положенія 1862-го года устранили возможность дальнѣйшихъ колебаній. Прочность фундамента способствовала безостановочному и правильному ходу постройки. Никогда еще законодательная работа не приводила, въ столь короткое время, къ столь блестящимъ результатамъ. Съ одинаковой вѣрой и одинаковой любовью относились къ ея задачамъ и непосредственные ея исполнители, и тѣ, отъ кого зависѣла критическая ея повѣрка. Ничто не нарушало гармоніи, столь рѣдкой въ нашей государственной жизни. Рука объ руку шли и вѣдомства (Государственная Канцелярія, Второе Отдѣленіе Собственной Е. И. В. Канцеляріи, Министерство Юстиціи), и отдѣльные дѣятели. Различія въ умственномъ складѣ и въ характерѣ дарованій не мѣшали, а наоборотъ, благопріятствовали успѣху. Теоретики и систематики (Зарудный, Буцковскій) не расходились съ знатоками судебныхъ порядковъ (Стояновскій, Ковалевскій) и народной жизни (Ровинскій). Этюды А. Ѳ. Кони показываютъ наглядно, какую роль дружное соединеніе разнородныхъ силъ сыграло, напримѣръ, въ вопросѣ о судѣ присяжныхъ: подходя къ нему съ разныхъ сторонъ Зарудный, Ровинскій и Буцковскій доставили торжество рѣшенію, смѣлость котораго незадолго предъ тѣмъ казалась граничащею съ дерзостью. Наиболѣе характерной чертой составителей судебныхъ уставовъ была именно послѣдовательность, чуждая уступокъ и компромиссовъ. Несмѣняемость судей, безповоротность окончательныхъ судебныхъ рѣшеній, гласность и устность процесса, самостоятельность адвокатуры, свобода защиты, отдѣленіе судебной власти отъ административной, участіе общества въ отправленіи правосудія—всѣ эти краеугольные камни нормально организованнаго суда были заложены во всей ихъ цѣлости, во всемъ ихъ объемѣ, безъ урѣзокъ и робкихъ приспособленій. Результатъ реформы оправдалъ и широту ея замысла, и прямолинейность исполненія: созданные ею судебные порядки скоро заставили забыть дурную славу стараго суда и сдѣлались однимъ изъ лучшихъ украшеній обновленной русской жизни.

Исключительное сочетаніе условій, благодаря которому могла состояться во всей полнотѣ судебная реформа, продолжалось недолго. Задѣтыя ею учрежденія, группы и лица подняли противъ нея агитацію, повлекшую за собою сначала сравнительно небольшія передѣлки, потомъ большую медленность въ расширеніи сферы дѣйствій судебныхъ уставовъ и, наконецъ, существенно важныя отступленія отъ основныхъ началъ преобразованія. Когда, десять лѣтъ тому назадъ, предпринятъ былъ пересмотръ судебныхъ уставовъ, въ видахъ согласованія ихъ текста съ многочисленными новеллами, онъ привелъ къ дальнѣйшимъ шагамъ назадъ, до сихъ поръ, къ счастію, только проектированнымъ, но не осуществленнымъ. Больше чѣмъ когда-либо, поэтому, своевременно воскресить въ памяти русскаго общества образы глав-

ныхъ дѣятелей судебной реформы и, вмѣстѣ съ ними, настроеніе ея первыхъ дней незабвенныхъ для жившихъ тогда сознательною жизнью, но мало знакомыхъ позднѣйшимъ поколѣніямъ. До очевидности яснымъ станетъ тогда печальное значеніе перемѣнъ, которыя принесло съ собою истекшее сорокалѣтіе. Нарушено единство суда, функціи котораго въ значительной мѣрѣ перешли къ органамъ административной власти. Выборный мировой судъ замѣненъ назначенными земскими начальниками. Роль кассаціоннаго суда, по отношенію къ главной массѣ судебныхъ дѣлъ, раздѣлена между многочисленными коллегіями, въ которыхъ судебный элементъ представленъ до крайности слабо. Сфера дѣйствій суда присяжныхъ значительно съужена, съ соотвѣтственнымъ расширеніемъ сферы дѣйствій суда съ сословными представителями. Поколеблена въ своихъ основахъ несмѣняемость судей. На цѣлыхъ три десятилѣтія пріостановлена корпоративная жизнь адвокатуры въ большей части судебныхъ округовъ. Гласность процесса поставлена въ зависимость отъ усмотрѣнія высшей судебной администраціи. Параллельно съ законами измѣнились и нравы: ослабѣло если не сознаніе служебнаго долга, въ судебномъ вѣдомствѣ все еще стоящее сравнительно высоко, то сознаніе отвѣтственности передъ обществомъ и народомъ; померкла преданность великимъ идеямъ, внушившимъ реформу. Ничего, однако, не испорчено безнадежно: съ помощью уцѣлѣвшихъ устоевъ нетрудно возстановить остальные и не только возвратиться къ традиціямъ 60-хъ годовъ, но и возобновить недоконченную тогда работу. Не всѣ предположенія составителей судебныхъ уставовъ получили силу закона; не все вошедшее въ уставы оказалось отвѣчающимъ своему назначенію. Существенныхъ поправокъ и дополненій требуютъ напримѣръ, постановленія о предварительномъ слѣдствіи... Привести къ желанной цѣли новый пересмотръ судебныхъ уставовъ можетъ только при обстановкѣ, напоминающей время ихъ составленія — только какъ часть цѣлаго цикла преобразованій, продолжающихъ и завершающихъ великія реформы Императора Александра II.

К. Арсеньевъ.

Содержаніе.

стр.

Предисловіе, *К. К. Арсеньева.*

Императоръ Александръ II, какъ участникъ въ судебной реформѣ. Очеркъ *Н. В. Давыдова.* 1

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, какъ авторъ первоначальныхъ проектовъ судебнаго преобразованія. Очеркъ *В. П. Ширкова* 4
Съ фототипіей.

Сергѣй Ивановичъ Зарудный. Очеркъ почетнаго академика *А. Ѳ. Кони* 8
Съ фототипіей.

Дмитрій Александровичъ Ровинскій. Очеркъ почетнаго академика *А. Ѳ. Кони* 15
Съ фототипіей.

Николай Ивановичъ Стояновскій. Очеркъ почетнаго академика *А. Ѳ. Кони* 27
Съ фототипіей.

Николай Андреевичъ Буцковскій. Очеркъ почетнаго академика *А. Ѳ. Кони* 33
Съ литографиров. портретомъ.

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ. Очеркъ почетнаго академика *А. Ѳ. Кони* 36
Съ литографиров. портретомъ.

Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій. Очеркъ почетнаго академика *А. Ѳ. Кони* 41

Князь Николай Алексѣевичъ Орловъ. Очеркъ *А. Г. Тимофеева* 43
Съ литографиров. портретомъ.

Василій Васильевичъ Капнистъ. Очеркъ *Е. А. Ляцкаго* 45

Николай Васильевичъ Гоголь. Очеркъ *С. С. Хрулева* 49
Съ фототипіей.

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ. Очеркъ *В. Д. Набокова* 53
Съ фототипіей.

Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ. Очеркъ *К. К. Арсеньева* 58
Съ фототипіей.

Императоръ Александръ II,

какъ участникъ въ судебной реформѣ.

Н. В. Давыдова.

Въ исторіи русскаго государства было немало примѣровъ реформаторской дѣятельности его правителей; достаточно вспомнить время Петра I и всю ломку, произведенную его несокрушимой энергіей въ государственномъ организмѣ. Благодаря его усиліямъ и выдающимся способностямъ, Россія при немъ создалась въ могущественную военную державу, пріобрѣла вѣсъ въ Европѣ. Внутренняя народная жизнь переустраивалась Петромъ тоже по всѣмъ отраслямъ ея; но это внутреннее переустройство, вызывавшееся желаніемъ дать Россіи порядокъ, просвѣщеніе и законность, не было проникнуто тѣмъ исключительно гуманнымъ духомъ, которымъ отличались всѣ реформы Александра II. Петръ стремился къ достиженію силы, но внѣшней и средствами внѣшними, безъ единенія съ духовными и правовыми потребностями и взглядами русскаго общества того времени. Въ результатѣ многія нововведенія и мѣры Петра еще при немъ утратили свое значеніе (напримѣръ указъ его о единонаслѣдіи) и не привились вовсе къ народной жизни, другія-же были отмѣнены и замѣнены его преемниками и не оставили по себѣ даже слѣда; удержалось лишь военное и до нѣкоторой степени административное устроеніе, данное имъ Россіи. Не таковы были реформы Александра II: не ограничиваясь переустройствомъ механизма государственнаго управленія, онѣ шли въ глубь народной жизни, впервые создавали нормы правового существованія народонаселенія, давали удовлетвореніе назрѣвшимъ потребностямъ и хотя также вели къ укрѣпленію государства, но путемъ призванія народныхъ силъ къ сознательному развитію, притомъ мѣрами не принудительными, согласными съ воззрѣніями лучшей части общества. Реформы царствованія Александра II не подлежатъ «отмѣнѣ и забвенію»: онѣ вошли въ плоть и кровь русскаго народа, безъ нихъ Россія уже не можетъ существовать. Нельзя отмѣнить данную Государемъ свободу и ввести вновь крѣпостное право; немыслимъ иной порядокъ набора войскъ, какъ путемъ общей воинской повинности; немыслимо отнятіе у суда его самостоятельности и уничтоженіе института присяжныхъ засѣдателей; невозможно обойтись безъ мѣстнаго самоуправленія. Преобразовательная дѣятельность Александра II, въ своей замѣчательной послѣдовательности и стройности, дала основаніе для всѣхъ будущихъ реформъ, которыя надлежитъ лишь, не отклоняя ихъ отъ даннаго имъ Царемъ-Освободителемъ направленія, вести дальше въ томъ же духѣ.

Уже въ началѣ царствованія Александра II, въ то самое мгновеніе, какъ замолкъ, по волѣ Императора, воинственный громъ пушекъ и Государю была наконецъ дана возможность обратить свои заботы на внутреннее состояніе Россіи, имъ была, въ манифестѣ о прекращеніи войны, очерчена программа будущей его дѣятельности. Въ манифестѣ было сказано: «при помощи Небеснаго Промысла, всегда благодѣющаго Россіи, да утверждается и совершенствуется ея внутреннее благоустройство; *правда и милость да царствуютъ въ судахъ ея*; да развивается повсюду и съ новой силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности, и каждый, *подъ сѣнію законовъ для всѣхъ равно справедливыхъ*, равно покровительствующихъ, да наслаждается въ мирѣ плодами трудовъ невинныхъ».

Отъ этой программы Александръ II не отступалъ во все время своего царствованія. Его личной заслугой было то, что реформы осуществились въ полномъ своемъ объемѣ, не ограничиваясь частичными исправленіями, какъ это часто бывало раньше. Не было, въ ближайшей къ Государю средѣ и внѣ ея, недостатка въ совѣтахъ умалить такъ или иначе значеніе вводимыхъ реформъ, не идти столь прямымъ путемъ впередъ, а слѣдовать правиламъ осторожной постепенности; не было недостатка и въ противодѣйствіи всевозможными способами задуманнымъ Государемъ преобразованіямъ. Не легко было Государю идти нерѣдко противъ ближайшихъ къ нему теченій «одному», какъ ему приходилось выразиться по поводу освобожденія крестьянъ.

Гуманность и мягкость, законность и справедливость, — черты, сказавшіяся столь опредѣленно въ созданномъ при Александрѣ II новомъ судѣ,—были присущи Государю еще въ ранней молодости, составляя характерную особенность духовной личности его, и были умѣло развиты воспитателемъ его В. А. Жуковскимъ, имѣвшимъ сильное вліяніе на своего воспитанника. Въ составленной Жуковскимъ запискѣ о воззрѣніяхъ своихъ на способъ, цѣль и планъ воспитанія наслѣдника престола поэтъ-педагогъ говоритъ: «*уважай законъ*... люби и распространяй просвѣщеніе, оно—сильнѣйшая подпора благонамѣренной власти...

Уважай общее мнѣніе,—оно часто бываетъ просвѣтителемъ монарха... *Люби свободу, то есть правосудіе,* ибо въ немъ и милосердіе царей, и свобода народовъ; свобода и порядокъ—одно и то же... Имѣй въ душѣ идеалъ прекраснаго». Непосредственнымъ проявленіемъ указанныхъ нами свойствъ Цесаревича Александра было его ходатайство передъ императоромъ Николаемъ Павловичемъ, во время его путешествія по Сибири, о смягченіи участи ссыльныхъ поселенцевъ, въ томъ числѣ нѣсколькихъ декабристовъ. Воцарившись, Александръ II помиловалъ государственныхъ преступниковъ, лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія и сосланныхъ въ Сибирь по дѣламъ о декабристахъ и о Петрашевцахъ.

Свѣдѣнія о выдающемся значеніи для государства суда и процесса Цесаревичъ Александръ Николаевичъ почерпнулъ изъ уроковъ Сперанскаго, занимавшагося съ нимъ законовѣдѣніемъ и практическимъ судопроизводствомъ. По окончаніи теоретическаго образованія Наслѣдникъ престола былъ и практически ознакомленъ съ внутреннимъ положеніемъ Россіи и съ движеніемъ дѣлъ въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, путемъ нѣсколькихъ путешествій по Россіи и назначеніемъ присутствовать въ названныхъ учрежденіяхъ, между прочимъ и въ Государственномъ Совѣтѣ. Въ одномъ изъ засѣданій Государственнаго Совѣта, какъ о томъ свидѣтельствуетъ въ своихъ запискахъ баронъ Корфъ («Русская Старина» 1899 г., № 10), Цесаревичу пришлось лично убѣдиться въ ужасномъ состояніи и беззаконной дѣятельности существовавшихъ тогда судовъ. Въ Государственномъ Совѣтѣ, въ присутствіи Наслѣдника, была доложена ревизія, произведенная петербургскому надворному суду и обнаружившая цѣлый рядъ невѣроятныхъ злоупотребленій. По свидѣтельству барона Корфа, на Наслѣдника докладъ объ этой ревизіи произвелъ глубокое впечатлѣніе: «слушая докладъ съ напряженнымъ вниманіемъ, онъ безпрестанно мѣнялся въ лицѣ»... Непригодность нашего тогдашняго судоустройства и судопроизводства, неудовлетворительная дѣятельность судовъ всѣхъ категорій были не только очевидны всему обществу и непосредственно ощущались лицами, имѣвшими дѣло до суда, особливо же людьми низшаго состоянія, но были признаны и правительствомъ, которое, начиная съ сороковыхъ годовъ, заботилось объ улучшеніи нашего процесса. Еще при Николаѣ I былъ учрежденъ (въ 1850 и 1852 гг.), при второмъ отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, подъ предсѣдательствомъ графа Блудова, комитетъ для составленія проектовъ уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Работы этого комитета, на успѣшность и производительность которыхъ едва ли, въ виду общаго направленія тогдашней законодательной дѣятельности, можно было разсчитывать, далеко еще не завершились, когда въ 1855-мъ году воспослѣдовало восшествіе на престолъ Императора Александра II.

Вскорѣ, подъ всесильнымъ вліяніемъ охватившаго лучшую часть общества и представителей власти преобразовательнаго движенія, во главѣ котораго сталъ самъ Государь, законодательныя работы оживились и приняли совсѣмъ другое направленіе, отличное отъ прежней кодификаціонной системы съ частичными и робкими перемѣнами, оставлявшими въ силѣ коренные недостатки пересматривавшихся учрежденій. Комитетъ графа Блудова съ 1856 по 1860 годъ составилъ проекты судебныхъ уставовъ, принявшіе такія положенія, какъ публичность, состязательность, защита и т. п., безъ допущенія, однако, института присяжныхъ засѣдателей. Работамъ Блудовскаго комитета не суждено было обратиться въ законъ. Въ 1861-мъ году Государь, ознакомившись, по докладу государственнаго секретаря Буткова съ существомъ названныхъ проектовъ и съ ходомъ работъ государственной канцеляріи, согласился съ мнѣніемъ докладчика о томъ, что проекты уставовъ недостаточно между собою согласованы и что предварительно приступа къ законодательной ихъ санкціи надлежало-бы извлечь изъ нихъ основныя начала проектируемаго новаго судоустройства и судопроизводства. На основаніи этого Высочайшаго соизволенія къ государственной канцеляріи были прикомандированы юристы — Буцковскій, Стояновскій, Ровинскій, Побѣдоносцевъ, Плавскій,—а руководство работами перешло фактически отъ гр. Блудова къ Буткову и его сотрудникамъ, между которыми первое мѣсто занималъ С. И. Зарудный. Коммиссіи этой въ 1862 г. было Высочайше повелѣно «изложить въ общихъ чертахъ соображенія государственной канцеляріи и прикомандированныхъ къ ней юристовъ о тѣхъ главныхъ началахъ, несомнѣнное достоинство коихъ признано въ настоящее время наукой и опытомъ европейскихъ государствъ и по коимъ должны быть преобразованы судебныя части въ Россіи». «Главныя начала» были, при энергичномъ содѣйствіи приглашенныхъ юристовъ, быстро извлечены изъ проектовъ гр. Блудова, съ присоединеніемъ къ нимъ и новыхъ положеній (судъ присяжныхъ). Уже въ Сентябрѣ 1862-го года они были утверждены Государственнымъ Совѣтомъ и затѣмъ распубликованы во всеобщее свѣдѣніе—пріемъ тогда новый, не примѣнявшійся еще у насъ въ техникѣ законодательнаго дѣла, но вызвавшій большое оживленіе въ обществѣ и представленіе въ государственную канцелярію большого количества замѣчаній на «основныя начала». По Высочайшемъ утвержденіи основныхъ положеній была образована особая коммиссія для составленія, на точномъ основаніи этихъ положеній, судебныхъ уставовъ. Коммиссія, раздѣлившаяся на три секціи—гражданскую, уголовную и судоустройства, — въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ успѣла создать проекты судебныхъ уставовъ, снабдивъ ихъ подробною объяснительной запиской. Въ Декабрѣ 1863 г. проекты поступили въ Государственный Совѣтъ, который 2 Октября 1864 г. окончилъ разсмотрѣніе ихъ, внеся въ нихъ лишь незначительныя измѣненія, а 20 Ноября уставы были Высочайше утверждены и получили силу закона. «Мы находимъ—сказано было при ихъ распубликованіи,—что они вполнѣ соотвѣтствуютъ *желанію Нашему* водворить въ Россіи *судъ скорый, правый, милостивый, равный* для всѣхъ подданныхъ Нашихъ, *возвысить судебную власть*, дать ей надлежащую *самостоятельность* и вообще *утвердить* въ народѣ то *уваженіе къ закону*, безъ коего невозможно общественное благосостояніе и которое должно быть постояннымъ руководителемъ всѣхъ и каждаго, отъ высшаго до низшаго». Всенародно, такимъ образомъ, былъ объявленъ личный взглядъ Государя на великое значеніе суда, какъ охранителя законныхъ правъ всѣхъ и каждаго, на самостоятельное и независимое положеніе его въ государствѣ и вообще на новыя, но уже признанныя наукой непреложными начала, положенныя въ основу созданнаго уставами судоустройства и судопроизводства (гласность, состязательность, равноправность, выборный судъ, несмѣняемость судей и т. д.). Государь исполнилъ обѣщанное имъ въ полной мѣрѣ, и судебный кодексъ 20-го Ноября 1864 года, созданный по Его иниціативѣ и въ согласіи съ Его волею, являетъ собою и понынѣ одинъ изъ совершеннѣйшихъ законодательныхъ актовъ, отвѣчая и по главнымъ началамъ своимъ, и въ подробностяхъ, требованіямъ *справедливости, человѣчности* и *цѣлесообразности*. Уже одного этого кодекса, которому съ полнымъ основаніемъ присвоено

именованіе Судебныхъ Уставовъ Императора Александра II, достаточно для права на благодарную память потомства, не перестающаго черпать изъ великаго законодательнаго памятника не старѣющія этическія начала и пониманіе требованій человѣколюбія въ примѣненіи хотя-бы и суровыхъ нормъ уголовнаго законодательства. Въ этомъ актѣ воплотились лучшія духовныя качества Императора Александра II.

Хотя судебные уставы подверглись, съ теченіемъ времени, частичнымъ измѣненіямъ, но утвержденныя Императоромъ Александромъ Николаевичемъ еще въ 1861 г. «главныя основанія» нашего судоустройства и судопроизводства и теперь могутъ быть начертаны на фронтонѣ зданія судебныхъ установленій. Составители уставовъ, поставленные одобреніемъ ихъ работъ со стороны Государя въ исключительно выгодныя для законодательной дѣятельности условія, создали кодексъ не предвзято, безъ искусственнаго проведенія въ немъ тѣхъ или иныхъ временныхъ и преходящихъ тенденцій, безъ опасенія вызвать работой своей недовольство какого-либо общественнаго класса или отдѣльныхъ, но имѣющихъ особый вѣсъ, лицъ: они руководствовались исключительно дѣйствительною необходимостью, выводами свободной науки, примѣрами западно-европейскаго законодательства и нашимъ историческимъ прошлымъ. Благодаря этимъ условіямъ и выдающейся талантливости и духовной одаренности создателей уставовъ, былъ призванъ къ жизни кодексъ, стоящій, какъ то и надлежитъ судебнымъ уставамъ, внѣ условій того или иного политическаго режима, пригодный къ примѣненію, благодаря его строгой объективности и неоспоримости, вѣчности его общечеловѣческихъ принциповъ, и при спокойномъ теченіи государственной жизни, и въ моменты болѣе или менѣе остраго общественнаго движенія. Судебные уставы поставили судъ на надлежащее мѣсто, внѣ всякихъ партій, оградили его отъ посторонняго воздѣйствія и не допустили его стать орудіемъ какой-либо общественной группы. Перечисленныя качества уставовъ придали судебной реформѣ Александра II законченность и создали длящуюся и понынѣ популярность ея.

17 Апрѣля 1866 года состоялось открытіе въ С.-Петербургѣ первыхъ судебныхъ установленій, созданныхъ по новымъ уставамъ. Еще раньше, 14 Апрѣля, Государь лично посѣтилъ вновь отдѣланное зданіе Судебной Палаты и Окружнаго Суда и обратился къ собранному тамъ только что назначенному составу судебныхъ дѣятелей съ слѣдующими словами: «Я надѣюсь, господа, что вы оправдаете оказанное вамъ довѣріе и будете исполнять новыя ваши обязанности добросовѣстно, по долгу чести и вѣрноподданнической присяги, что впрочемъ одно и то же. Итакъ, въ добрый часъ: начинайте благое дѣло».

Новый судъ, по свидѣтельству современниковъ, вскорѣ пріобрѣлъ довѣріе и расположеніе всего населенія, благодаря въ особенности дѣятельности первыхъ мировыхъ судей, гласное разбирательство которыми многочисленныхъ дѣлъ, хотя и мелкихъ, но наиболѣе живо затрогивающихъ повседневные интересы обывателей, убѣдило населеніе, что въ лицѣ избранныхъ имъ самимъ судей оно дѣйствительно нашло возвѣщенный съ высоты престола судъ «скорый, правый и милостивый», равный для всѣхъ. Нарушенія закона, обиды, насилія, учиненныя хотябы «сильными міра сего», прежде остававшіяся безъ послѣдствій, встрѣчали немедленно справедливое возмездіе въ приговорахъ мировыхъ судей, благодаря которымъ, а также присяжнымъ засѣдателямъ и первымъ судебнымъ слѣдователямъ, въ народѣ даже забыли о томъ, что еще столь недавно «взятка» царила въ судахъ, была однимъ изъ почти неизбѣжныхъ способовъ добиться желательнаго судебнаго рѣшенія.

Репутація неподкупности, законномѣрности, нелицепріятія утвердилась за дѣятелями суда, въ противоположность заслужившимъ справедливое презрѣніе общества юристамъ-крючкотворамъ дореформеннаго суда, и сохранилась до нашихъ дней. Такое отрадное положеніе достигнуто не столько выдающимися личными качествами судей, сколько образовательнымъ и просвѣщающимъ вліяніемъ судебныхъ уставовъ Александра II, постоянное общеніе съ которыми, вѣра въ которые облагораживаетъ примѣняющаго ихъ и среднему человѣку помогаетъ подняться до значительной нравственной высоты и чистоты въ отправленіи обязанностей, указанныхъ въ этой настольной книгѣ каждаго судебнаго дѣятеля.

О томъ, какъ вѣрно были поняты и охраняемы Александромъ II основы судебныхъ уставовъ, провозгласившихъ полное отдѣленіе власти судебной отъ исполнительной и законодательной, свидѣтельствуетъ фактъ, занесенный въ «Дневникъ» академика Никитенко. Бывшій въ 1867-мъ году министромъ внутреннихъ дѣлъ П. А. Валуевъ, недовольный тѣмъ, что присяжные засѣдатели, признавъ невмѣняемымъ преданнаго суду за оскорбленіе дѣйствіемъ вице-директора одного изъ департаментовъ чиновника Протопопова, оправдали его, добивался отмѣны приговора, но не могъ склонить къ тому Государя. Такое же значеніе имѣетъ разсказъ одного изъ первыхъ дѣятелей новаго суда П. Н. Обнинскаго («Первый банковый крахъ») о томъ, какъ въ 1876-мъ году, во время слѣдствія по дѣлу о злоупотребленіяхъ въ Московскомъ ссудно-коммерческомъ банкѣ («Струсберговскій процессъ»), когда Наслѣдникомъ было доложено Государю относившееся къ этому процессу ходатайство, Государь отвѣтилъ: «это дѣло суда и не намъ съ тобой въ него вмѣшиваться». Иного отношенія и нельзя было ожидать отъ творца судебныхъ уставовъ.

Графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ,

какъ авторъ первоначальныхъ проектовъ судебнаго преобразованія.

В. П. Ширкова.

I.

ДМИТРІЙ Николаевичъ Блудовъ родился 5 апрѣля 1785 года въ родовомъ селѣ Романовѣ, Владимірской губерніи. Еще въ раннемъ дѣтствѣ онъ лишился отца, оставшись на попеченіи матери. Подъ ея надзоромъ Д. Н. получилъ серьезное воспитаніе и прекрасное образованіе. Ему давали уроки лучшіе учителя и профессора университетскаго пансіона. Самое сильное вліяніе на него въ дѣтствѣ имѣлъ эмигрантъ графъ де-Фонтень, разсказывавшій ему «то о блистательномъ циклѣ французскихъ энциклопедистовъ, восторжествовавшихъ надъ предразсудками вѣка и касты, то о французской литературѣ, имѣвшей въ то время сильное вліяніе въ Европѣ, то, наконецъ, объ ужасахъ революціи». По свидѣтельству его біографа Е. П. Ковалевскаго, Д. Н. принадлежалъ къ тому русскому коренному дворянству, которое, живя вдали отъ двора, близко зная народъ и его нужды, отличалось любовью къ отечеству и преданностью монархическому принципу. Переѣхавъ въ Петербургъ въ началѣ царствованія императора Александра I-го, когда Россія жила чаяніемъ лучшихъ свѣтлыхъ дней, Д. Н. не могъ удовольствоваться своими служебными занятіями въ коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Съ жаромъ принялся онъ за разборъ всего того, что выходило тогда по преобразованію государственныхъ учрежденій, и «громко порицалъ старые порядки». Страстный, рѣзкій въ своихъ сужденіяхъ, онъ вызывалъ во многихъ неудовольствіе. Онъ близко сошелся съ Карамзинымъ, Жуковскимъ и другими выдающимися писателями того времени. Благодаря многостороннему образованію, живости и остротѣ ума, Д. Н. имѣлъ всѣ задатки, чтобы сдѣлаться блестящимъ писателемъ. Служебныя занятія препятствовали ему отдаться этому призванію, но онъ принималъ горячее участіе въ литературномъ движеніи, стремившемся сбросить съ себя старыя, обветшалыя формы ложно-классицизма, и боровшемся съ Шишковскою славянщиной. Имя Блудова тѣсно связано съ образованіемъ и происхожденіемъ общества «Арзамасъ», къ которому примкнуло все, что было въ это время даровитаго въ обществѣ и литературѣ. Близкое, можно сказать дружеское общеніе съ передовыми людьми эпохи произвело благотворное воздѣйствіе на Д. Н. Такое же вліяніе, безъ сомнѣнія, имѣло на него и пребываніе на дипломатической службѣ въ Швеціи и особенно въ Англіи, странѣ съ развитою гражданскою свободою, проникнутой уваженіемъ къ закону. Колебанія въ направленіи хода нашей внутренней политики не заставляли Д. Н. измѣнить дѣлу просвѣщенія. Ему, напр., наши университеты обязаны тѣмъ, что въ тяжелую эпоху 1848-го года они не были закрыты. Нельзя, однако, не считаться и съ вліяніями иного порядка. Блудовъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Карамзинымъ, консерватизмъ котораго ярко выразился въ поданныхъ Александру I запискахъ «О древней и новой Россіи» и «Мнѣніе русскаго гражданина»; не даромъ же Карамзинъ нашелъ впослѣдствіи возможнымъ рекомендовать Д. Н. императору Николаю I, какъ лицо, способное занять мѣсто среди представителей высшей администраціи. Въ царствованіе Николая I Д. Н., впослѣдствіи графъ, занималъ посты товарища министра народнаго просвѣщенія, министра внутреннихъ дѣлъ, министра юстиціи и, наконецъ, главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи, члена Государственнаго Совѣта и предсѣдателя департамента законовъ. Продолжительная работа въ сферахъ высшаго управленія и законодательства Николаевской эпохи, когда всѣ усилія правительства въ области внутренней политики сводились къ проведенію въ жизнь дисциплины, когда стремились каждому указать строго опредѣленное мѣсто, когда отъ каждаго требовалось, чтобы онъ мыслилъ и чувствовалъ согласно предписанію,—не могла не отразиться на настроеніи Блудова. Послѣ выхода въ 1845 г. Уложенія о Наказаніяхъ, которое самъ творецъ его—графъ Блудовъ—признавалъ лишь усовершенствованнымъ сводомъ, было приступлено къ пересмотру судебныхъ законовъ; но намѣченныя тогда гр. Блудовымъ предположенія не выходили изъ ряда частичныхъ улучшеній и носили чисто палліативный характеръ, въ родѣ отмѣны рукоприкладства, сокращенія числа инстанцій и т. п.

Все измѣнилось въ 1855-мъ году. Императоръ Александръ II былъ проникнутъ горячимъ желаніемъ обновленія Россіи. Настроеніе общества сдѣлалось жизнерадостнымъ и бодрымъ. Можетъ быть невольно тогда вспомнились старому Арзамасцу—графу Блудову — первые годы его дѣятельности, когда русское общество также жило вѣрою въ лучшіе дни. Не было уже и тѣхъ преградъ судебному преобразованію, которыя лежали въ характерѣ внутренней политики Николаевской эпохи. Въ этотъ важный моментъ исторіи Россіи графъ Блудовъ сталъ безъ ко-

Графъ Бобринскій

лебаній на сторону друзей народа. Онъ былъ одинъ изъ числа немногихъ членовъ секретнаго комитета, искренно стоявшихъ за «освобожденіе крестьянъ», а не стремившихся свести все дѣло на нѣкоторое «улучшеніе быта» крѣпостныхъ. Не подлежитъ сомнѣнію и его искреннее сочувствіе дѣлу судебнаго преобразованія. Въ домашней ли бесѣдѣ, при отправленіи ли служебныхъ обязанностей, всегдашнею его мыслью было преобразованіе или совершенное измѣненіе существующаго у насъ порядка судопроизводства и судоустройства. Въ качествѣ главноуправляющаго вторымъ отдѣленіемъ Собственной Его Величества Канцеляріи на него выпала задача подготовленія новыхъ процессуальныхъ законовъ. Намѣченное имъ преобразованіе было, однако, во многомъ и очень существенномъ далеко отъ того, что въ концѣ концовъ сдѣлалось 20 ноября 1864 г., дѣйствующимъ закономъ. Это объясняется тѣми разнообразными, иногда прямо противоположными вліяніями, подъ которыми сложилось міросозерцаніе графа Блудова, а также внѣшними условіями, въ коихъ ему приходилось работать.

До 19 февраля 1861 г.—дня освобожденія крестьянъ—судебная реформа не могла имѣть того характера, который она получила съ этого момента. «Если бы въ 1861-мъ году—писалъ въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ важнѣйшій дѣятель судебнаго преобразованія, С. И. Зарудный,—не состоялось освобожденіе крестьянъ съ землею, то ни въ какомъ случаѣ не были бы утверждены 20 ноября 1864 г. судебные уставы. При крѣпостномъ правѣ въ сущности не было надобности въ справедливомъ судѣ». Конечно, графъ Блудовъ писалъ свои проекты въ предвидѣніи великаго дня освобожденія, но предвидѣніе—одно, а дѣйствительный фактъ — другое. Съ другой стороны, графъ по самой натурѣ своей не былъ способенъ къ радикальной ломкѣ.

Въ этомъ отношеніи очень характерно одно его изреченіе, приведенное его біографомъ Ег. Петр. Ковалевскимъ. «Виды будущаго, въ разныхъ состояніяхъ, можно сравнить съ горизонтами плавателей. Одинъ, своимъ легкимъ челнокомъ, едва разсѣкаетъ струи узкой рѣчки; онъ отовсюду стѣсненъ берегами и взоры его не могутъ летѣть въ отдаленность: зато ему ясно видима вся окрестность—тамъ лѣса и холмы, гдѣ онъ былъ вчера, гдѣ будетъ завтра, тамъ родительская хижина, тамъ жатва имъ произращенная; всѣ предметы ему знакомы и всякая точка есть пристань. Между тѣмъ его братъ, на пышномъ кораблѣ своемъ, мчится по огромнымъ зыбямъ океана; передъ нимъ простирается горизонтъ полный величія, влекущій къ себѣ любопытство, возвышающій воображеніе и безпредѣльный, какъ надежда; но ахъ! сколь часто туманный, обманчивый, грозный! Мореходецъ, будь остороженъ! наблюдай за стрѣлкой, наставницей руля твоего! Можетъ быть свѣтъ науки и трудъ безпрестанный спасутъ тебя отъ опасностей, неизвѣстныхъ мелкимъ плавателямъ».

Творцы Судебныхъ Уставовъ, получившіе въ свои руки дѣло судебнаго преобразованія съ 1861 г., были смѣлыми отважными мореплавателями. Широкіе, красивые горизонты, открывшіеся передъ ними, не были обманчивымъ миражемъ. Любовь къ дѣлу, вѣра въ русскій народъ, обширныя знанія привели ихъ въ прочную пристань. Смѣлость и отвага не лежали въ природѣ графа Блудова, да и тяжелое наслѣдіе прошлаго мѣшало ему рѣшительно устремиться впередъ. Всего этого не могло преборотъ даже глубокое сознаніе необходимости преобразованія въ корнѣ расшатаннаго, можно сказать прогнившаго судебнаго строя.

II.

Первоначально графомъ Блудовымъ былъ представленъ на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта проектъ новаго устава судопроизводства гражданскаго (1857 года). Сравнительно съ предположеніями сороковыхъ годовъ этотъ проектъ составлялъ значительный, можно сказать крупный шагъ впередъ. «Съ перваго взгляда можетъ показаться—говорилъ гр. Блудовъ,—что было бы достаточно ограничиться лишь нѣкоторыми частными исправленіями нынѣшняго порядка производства дѣлъ гражданскихъ... Сей образъ дѣйствій при исправленіи узаконеній о производствѣ имѣетъ и долженъ имѣть многихъ защитниковъ, ибо оному удобнѣе и легче слѣдовать на практикѣ. Сверхъ того, какъ обыкновенно, а въ большей части случаевъ и справедливо замѣчаютъ, успѣхъ вводимыхъ постепенно и медленно преобразованій вѣроятнѣе и надежнѣе. Мнѣ также казалось, при началѣ моего труда, что можно было бы улучшить наше судопроизводство гражданское посредствомъ исправленія лишь нѣкоторыхъ отдѣльныхъ онаго постановленій. Но чѣмъ тщательнѣе вникалъ я въ сущность порученнаго мнѣ Высочайшимъ довѣріемъ дѣла, разсматривая съ разныхъ сторонъ всѣ неудобства нынѣшняго порядка судопроизводства гражданскаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ причины и, буде смѣю употребить сіе слово, самое *происхожденіе* сихъ неудобствъ, имѣя при томъ въ виду, что между всѣми постановленіями существуетъ естественная, неразрывная связь — тѣмъ очевиднѣе и сильнѣе мнѣ представлялась истина, уже признанная многими свѣдущими и опытными по сей части людьми, что черезъ частныя измѣненія мы не только не достигнемъ желаемой, указанной нами цѣли, но едва ли даже въ нѣкоторомъ отношеніи не удалимся отъ нея. Дабы исправить надлежащимъ, удовлетворительнымъ образомъ наши узаконенія о производствѣ дѣлъ гражданскихъ, не довольно усовершенствованія той или другой изъ сторонъ онаго: надобно стараться устранить причины зла, т. е. безпорядокъ, въ самомъ ихъ корнѣ, а для сего необходимо принять другую, совершенно отличную отъ настоящей систему, основанную на тѣхъ общихъ, непреложныхъ началахъ, безъ коихъ не можетъ быть правильнаго судопроизводства гражданскаго въ строгомъ смыслѣ слова».

Эта новая, отличная отъ прежней система заключалась въ началѣ состязательности, въ противоположность слѣдственному началу. При прежнемъ порядкѣ судопроизводства было не рѣдкостью начатіе гражданскихъ дѣлъ безъ просьбы заинтересованныхъ лицъ. Собраніе доказательствъ зависѣло отъ усмотрѣнія судовъ, что давало имъ возможность усиливать и ослаблять доказательства, на которыя ссылались тяжущіеся, и черезъ это имѣть прямое вліяніе на рѣшеніе дѣла. Судебныя мѣста, иногда въ угожденіе тяжущемуся, находившему выгоду въ отсрочкѣ, а чаще для того, чтобы въ вѣдомостяхъ показать, что дѣла не рѣшенныя остаются не за ними, требовали свѣдѣній вовсе къ дѣлу не относящихся и не одновременно. Проектъ графа Блудова слѣдовалъ общему правилу, что судъ начинаетъ дѣло лишь по ходатайству истца, собираетъ только тѣ доказательства, на которыя ссылаются тяжущіеся, и подвергаетъ повѣркѣ лишь тѣ изъ нихъ, по коимъ объявлены споръ или сомнѣніе лицами, противъ коихъ они представлены.

Особенность проекта устава судопроизводства гражданскаго составляло также допущеніе нѣкоторой публичности и участія сторонъ при собраніи и повѣркѣ доказательствъ и при докладѣ дѣла. Сторонамъ предоставлялось право допрашивать свидѣтелей

и экспертовъ, указывать при осмотрѣ мѣста и предметы, которые слѣдуетъ осмотрѣть, а при докладѣ дѣла указывать на обстоятельства и доводы, заслуживающіе особеннаго вниманія суда, и на законы, могущіе послужить основаніемъ для рѣшенія дѣла.

III.

При составленіи проекта устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ графъ Блудовъ не рѣшился руководствоваться «непреложными началами», устранить причины зла въ самомъ ихъ корнѣ. Здѣсь онъ былъ сторонникъ постепеннаго перехода отъ стараго къ новому. «Сколь ни желательно было бы—говорилъ онъ,—воспользоваться вдругъ всѣми усовершенствованіями, до которыхъ другіе народы дошли путемъ долговременныхъ, постепенныхъ преобразованій, однакожъ прежде нежели мы рѣшимся на какое-либо коренное измѣненіе, должно тщательно обозрѣть и взвѣсить имѣющіяся къ тому средства, дабы предпринявъ слишкомъ много, не повредить дѣлу». Разсматривая съ этой точки зрѣнія преимущества обвинительной системы, графъ Блудовъ хотя и признавалъ ея достоинства и отрицательно относился къ системѣ слѣдственной, тѣмъ не менѣе не рѣшился на принятіе обвинительнаго процесса, находя, что внезапное его введеніе безъ предварительнаго къ тому приготовленія и въ народѣ, и въ самыхъ правительственныхъ установленіяхъ, легко можетъ, вмѣсто усовершенствованія, повести къ столкновеніямъ и запутанности и удалить отъ желаемой цѣли. Препятствія къ тому графъ Блудовъ видѣлъ и въ трудности надлежащаго устройства прокурорскаго надзора и защиты и въ малочисленности и малоопытности судей.

Не всталъ графъ Блудовъ на сторону радикальнаго пересмотра и вопроса о доказательствахъ. Относясь вполнѣ скептически къ легальной теоріи доказательствъ, онъ всетаки не рѣшался перейти къ оцѣнкѣ доказательствъ по внутреннему убѣжденію судьи. Къ исключенію изъ будущаго устава судопроизводства уголовнаго постановленій о силѣ доказательствъ онъ относился недовѣрчиво, въ виду слабаго распространенія у насъ юридическаго образованія и невозможности, при маломъ количествѣ судовъ, провести въ полномъ объемѣ устность судебнаго разбирательства, а также въ виду слабой надежды, чтобы у насъ, по крайней мѣрѣ на первое время, нашлись хорошіе обвинители и защитники. Имѣя все это въ виду, при невозможности въ тоже время начертать полную, разрѣшающую положительно каждый отдѣльный случай законную теорію доказательствъ, онъ находилъ, что должно стараться улучшить существующія о томъ правила, дать руководство судьямъ относительно силы каждаго доказательства. Не раздѣляя доказательствъ на совершенныя и несовершенныя, полныя или неполныя, половинныя и т. п., графъ Блудовъ ограничивался указаніемъ, что̀ именно и при какихъ условіяхъ можетъ быть признано законнымъ доказательствомъ и какимъ образомъ доказательства должны взаимно подтверждаться и подкрѣпляться.

Естественно, что при отрицательномъ разрѣшеніи вопроса объ обвинительномъ началѣ и объ оцѣнкѣ доказательствъ по внутреннему убѣжденію, графу Блудову казалось преждевременнымъ и введеніе суда присяжныхъ. Онъ не былъ принципіальнымъ противникомъ его, «не оспаривалъ выгодъ суда черезъ присяжныхъ, особливо въ дѣлахъ уголовныхъ», но былъ убѣжденъ, что «у насъ рѣшеніе дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ должно *пока* остаться на обязанности самихъ судей». Онъ считалъ русскій народъ неподготовленнымъ къ воспріятію суда присяжныхъ. «Легко себѣ представить,—писалъ графъ—дѣйствіе такого суда, когда бо̀льшая часть нашего народа не имѣетъ еще не только юридическаго, но даже самаго первоначальнаго образованія, когда понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ до того неразвиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, особливо посягательство на чужую собственность, признается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ, иныя преступленія—удальствомъ, а преступники—только несчастными. Допущеніе такихъ людей къ рѣшенію важнаго, иногда чрезвычайно труднаго вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, угрожаетъ не одними неудобствами, но едва ли и не прямымъ беззаконіемъ».

По другимъ кореннымъ вопросамъ уголовнаго процесса—устности, гласности и формальной защитѣ — графъ Блудовъ предлагалъ нѣкоторыя довольно существенныя, сравнительно съ прежнимъ порядкомъ, нововведенія. Провести въ полномъ объемѣ устность судебнаго разбирательства онъ считалъ невозможнымъ только въ виду малаго количества судовъ, къ самому же принципу относился вполнѣ сочувственно. При письменномъ производствѣ, говорилъ онъ, «судья рѣдко можетъ до такой степени вникнуть въ дѣло и всѣ оттѣнки онаго, чтобы о какой-либо его части получить внутреннее убѣжденіе. Для сего ему нужно быть лично при допросѣ подсудимаго и свидѣтелей и не только слышать рѣчи ихъ, но наблюдать и за самымъ образомъ и, если смѣемъ сказать, самымъ тономъ ихъ объясненій, такъ чтобы имѣть въ виду не одни вещественныя доказательства».

Указывая, далѣе, что у насъ производство слѣдствій въ полномъ присутствіи суда было бы весьма затруднительно, при маломъ количествѣ судовъ, графъ Блудовъ призналъ, однако, необходимымъ сдѣлать шагъ впередъ и постановить въ проектѣ, что «судъ долженъ, когда сіе окажется нужнымъ или по крайней мѣрѣ полезнымъ для бо̀льшаго объясненія докладываемаго дѣла, призывать къ новому въ полномъ своемъ присутствіи допросу какъ подсудимаго, такъ и свидѣтелей, а когда надобно, требовать и экспертовъ, дабы они, также при докладѣ дѣла могли представить дополнительныя, относящіяся къ ихъ части объясненія».

Важность и значеніе состязанія сторонъ и формальной защиты графъ Блудовъ ясно сознавалъ и считалъ ихъ необходимыми. Въ своемъ проектѣ устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ онъ допускалъ участіе защитника, для представленія суду всего нужнаго въ защиту подсудимаго, на томъ же основаніи, какъ это было предположено, имъ въ проектѣ устава судопроизводства гражданскаго. «Для судьи, долженствующаго уразумѣть дѣло до достиженія внутренняго убѣжденія — писалъ графъ въ своей объяснительной запискѣ, — недостаточно одного допроса подсудимаго и свидѣтелей чрезъ слѣдователя и простыхъ отвѣтовъ ихъ; ему необходимы подробный разборъ и категорическое разъясненіе всего что представляется по дѣлу противъ и въ пользу обвиняемаго а сіе достигается лишь преніями обвинителя съ защитникомъ подсудимаго».

Защитниками по Блудовскому проекту могли быть только присяжные повѣренные. Объ организаціи ихъ граф. Блудовымъ было составлено особое положеніе. Въ этомъ положеніи проводилась мысль о желательности принятія въ число присяжныхъ повѣренныхъ преимущественно лицъ, получившихъ высшее образованіе. Присяжнымъ повѣреннымъ было предположено предоставить самоуправленіе, хотя и въ болѣе ограниченномъ объемѣ сравнительно съ тѣмъ, какъ оно вылилось по судебнымъ

уставамъ. Въ каждомъ городѣ присяжные повѣренные, если ихъ не менѣе десяти, избираютъ Совѣтъ, предсѣдателемъ коего является въ уѣздномъ городѣ уѣздный стряпчій, а въ губернскомъ и столицахъ—прокуроръ. Совѣтъ можетъ подвергать присяжныхъ повѣренныхъ выговорамъ и денежному взысканію до ста рублей. Исключеніе изъ сословія допускается только по суду. При принятіи въ число присяжныхъ повѣренныхъ Совѣтъ передаетъ просьбу желающаго, со своимъ мнѣніемъ, въ судъ, къ которому поступающій желаетъ приписаться, а судъ, со своимъ заключеніемъ, передаетъ все дѣло на окончательное разрѣшеніе особаго Губернскаго Присутствія, состоящаго, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ предсѣдателя судебной палаты, совѣстнаго судьи, губернскаго предводителя дворянства, прокурора и городского головы. Отъ того же присутствія зависитъ и преданіе суду присяжныхъ повѣренныхъ.

Въ начальномъ моментѣ движенія производства уголовнаго дѣла графомъ Блудовымъ были проэктированы серьезныя улучшенія, сохранившія свои существенныя черты въ судебныхъ уставахъ. Будучи горячимъ, убѣжденнымъ сторонникомъ отдѣленія судебной власти отъ административной, графъ Блудовъ стремился возможно болѣе ограничить роль и права полиціи. Онъ признавалъ необходимымъ учредить при судебныхъ мѣстахъ судебныхъ слѣдователей, ограничить роль полиціи лишь простыми, негласными развѣдываніями, а для устраненія произвола въ дѣйствіяхъ самихъ слѣдователей постановить, чтобы всѣ важнѣйшія мѣры—обыски домовъ, задержаніе подозрѣваемыхъ и т. п.,—были вообще, за исключеніемъ нѣкоторыхъ не весьма обыкновенныхъ случаевъ, принимаемы не иначе, какъ съ разрѣшенія суда. Въ этомъ отношеніи графъ Блудовъ шелъ дальше составителей Судебныхъ Уставовъ, какъ и въ томъ, что признавалъ въ числѣ «главнѣйшихъ правилъ» огражденія лицъ, состоящихъ подъ слѣдствіемъ, дозволеніе подозрѣваемому, при окончательномъ его допросѣ слѣдователемъ, требовать, чтобы при томъ находился кто-либо изъ его родственниковъ, знакомыхъ или друзей, или же избранный имъ одинъ изъ состоящихъ при судѣ присяжныхъ повѣренныхъ.

IV.

Изъ основного начала графа Блудова—отдѣленія судебной власти отъ административной, развитію котораго въ исторіи нашего законодательства посвящены интересныя страницы въ его объяснительной запискѣ къ проекту устава о судоустройствѣ,—вытекала и его мысль объ учрежденіи мировыхъ судей. «Основаніемъ учрежденія мировыхъ судей — писалъ онъ, — были два важныхъ обстоятельства: уничтоженіе крѣпостного состоянія и *рѣшительное отдѣленіе власти судебной отъ административной*. Доселѣ крестьяне помѣщичьи, составляющіе почти половину всего народонаселенія, можно сказать, не имѣли никакихъ дѣлъ гражданскихъ... Но когда въ одно время предполагается не только освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но и устраненіе полиціи отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла судебныя, то власть и дѣятельность становыхъ приставовъ необходимо замѣнить судебнымъ установленіемъ, которое будетъ гораздо полезнѣе, ибо оному можно будетъ ввѣрить и вѣдѣніе маловажныхъ гражданскихъ дѣлъ». Въ ранѣе составленной общей объяснительной запискѣ къ проекту устава судопроизводства по преступленіямъ и проступкамъ графъ Блудовъ мотивировалъ необходимость устройства мировыхъ судовъ для рѣшенія дѣлъ о маловажныхъ преступленіяхъ и проступкахъ исключительно отдѣленіемъ судебной власти отъ административной.

Порядокъ производства мировыми судьями дѣлъ долженъ быть, по мнѣнію графа Блудова, самый простой и скорый, свободный отъ многосложныхъ обрядовъ и формъ. Мировой судья — писалъ графъ Блудовъ, — долженъ разбирать дѣла по словеснымъ объясненіямъ сторонъ, избѣгая всякаго письмоводства. Согласно съ симъ онъ старался «правила производства дѣлъ въ мировыхъ судахъ ограничить указаніемъ, такъ сказать, первыхъ основаній сего разбирательства, предоставляя благоразумію судьи развитіе оныхъ для примѣненія къ разнымъ случаямъ и вопросамъ».

Вмѣстѣ съ тѣмъ графъ Блудовъ стремился оградить мирового судью отъ полицейскихъ обязанностей по производству розысканій, находя, что такой порядокъ обратилъ бы его въ обыкновеннаго полицейскаго чиновника и былъ бы противенъ правосудію.

Должность мирового судьи графъ Блудовъ намѣревался сдѣлать выборною, предполагая первоначально предоставить избраніе мировыхъ судей одному дворянскому сословію. Впослѣдствіи, по освобожденіи крестьянъ, онъ согласился на предоставленіе избранія всѣмъ тремъ сословіямъ. Въ самомъ порядкѣ выборовъ графъ Блудовъ предлагалъ существенныя нововведенія: установленіе образовательнаго ценза (среднее образованіе), возможность избранія не только изъ «среды себя», но и изъ другихъ сословій, предоставленіе избирательнаго права не только по имущественному, но также и по служебному и образовательному цензу.

Соотвѣтственно господствовавшей тогда системѣ, по проекту судоустройства графа Блудова выборными должны были быть не только мировые судьи, но и предсѣдатели и засѣдатели палатъ, предсѣдатели и засѣдатели уѣздныхъ судовъ.

V.

Изложенныя предначертанія графа Блудова даютъ основаніе заключить, что онъ былъ не принципіальнымъ противникомъ, а скорѣе сторонникомъ многихъ основныхъ началъ правильнаго процессуальнаго законодательства. Его сочувствіе, въ принципѣ, обвинительному началу, устности, гласности, защитѣ и рѣшенію дѣла по внутреннему убѣжденію судьи не подлежитъ сомнѣнію. Какъ онъ самъ объяснялъ въ своихъ запискахъ, послѣдовательному проведенію этихъ началъ препятствовали чисто внѣшнія причины, которыя, въ существѣ, сводились къ малочисленности судовъ и недостатку образованныхъ людей.

Это препятствіе не остановило, однако, составителей судебныхъ уставовъ. Они дали намъ судью въ настоящемъ, лучшемъ смыслѣ этого слова—судью независимаго, проникнутаго уваженіемъ и любовью къ закону. Самъ графъ Блудовъ сознавалъ, что улучшеніе нашего судопроизводства невозможно (онъ говорилъ: «почти невозможно») «безъ хорошаго судоустройства, для котораго необходимы способные, благонадежные члены и производители съ достаточными средствами»—но во всемъ, что могло бы обозначить приливъ къ суду лучшихъ силъ, вдохнуть «душу живу» въ новый судебный строй, онъ не шелъ дальше обычныхъ проторенныхъ тропъ. Тѣмъ не менѣе справедливость заставляетъ отмѣтить, что Блудовскіе проекты во многомъ легли въ основаніе судебныхъ уставовъ, во многомъ послужили отправною точкой для юристовъ, призванныхъ Высочайшею

волею къ завершенію судебнаго преобразованія. Нельзя отрицать и чисто внѣшнюю заслугу графа Блудова: въ его многочисленныхъ, обширныхъ объяснительныхъ запискахъ, написанныхъ изящнымъ, яснымъ языкомъ, данъ богатый матеріалъ по исторіи нашего законодательства и тщательная разработка многихъ капитальныхъ вопросовъ. Польза и значеніе трудовъ графа Блудова въ этомъ отношеніи достаточно видна уже изъ того, что въ изданіе судебныхъ уставовъ, сдѣланное Государственною Канцеляріею, включены многочисленныя выдержки изъ названныхъ записокъ.

Въ самомъ разгарѣ работъ по составленію судебныхъ уставовъ графъ Блудовъ началъ сходить со сцены (скончался онъ 19 февраля 1864 г.). «Новшества», которыя въ это время проникали въ судебную реформу, не встрѣтили съ его стороны оппозиціи. Онъ, очевидно, считалъ ихъ естественнымъ завершеніемъ начатаго имъ дѣла.

Сергѣй Ивановичъ Зарудный.

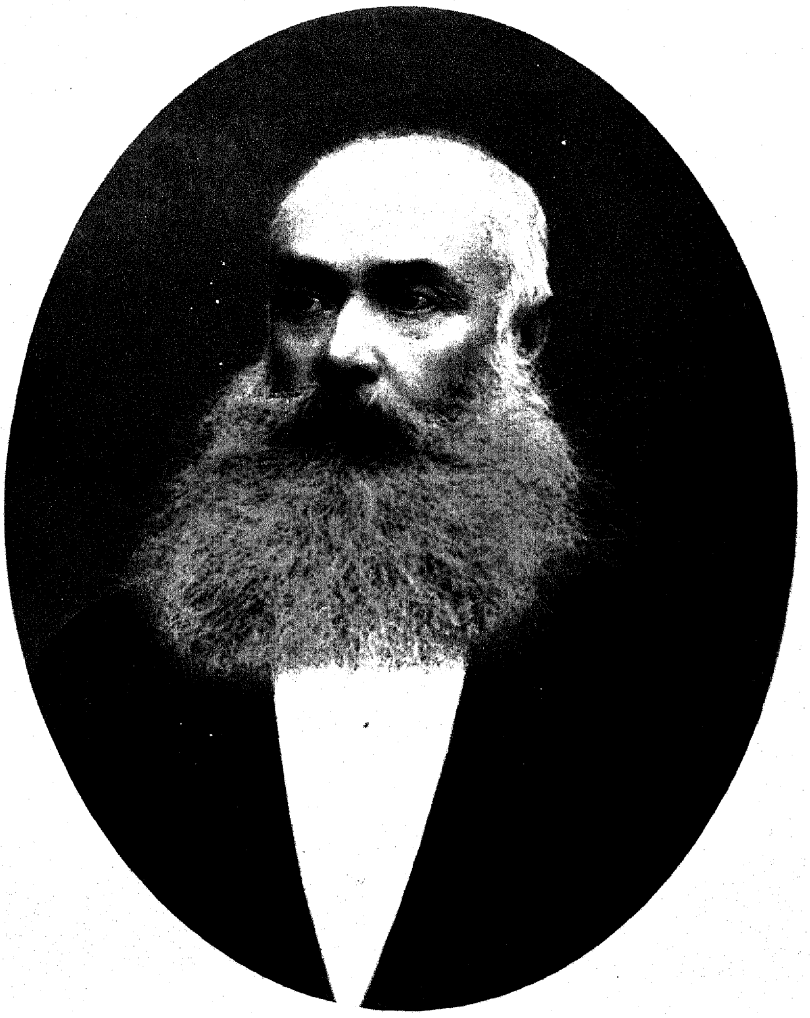
А. Ѳ. Кони.

Имя *Сергѣя Ивановича Зарудnаго* — родившагося 17 марта 1821 года въ небогатой украинской семьѣ, проживавшей въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи — связано съ двумя величайшими преобразованіями царствованія Александра Второго. Человѣкъ труда и выдающихся дарованій, обладавшій глубокими и животворными юридическими познаніями, онъ принялъ дѣятельное участіе въ работахъ по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости и былъ однимъ изъ главныхъ и восторженныхъ творцовъ Судебныхъ Уставовъ 1864-го года.

Между отдѣльнымъ человѣческимъ организмомъ и общественнымъ тѣломъ есть много общаго—и одни и тѣ же явленія въ нихъ приводятъ къ одинаковымъ результатамъ. Часто одностороннее развитіе ихъ силъ принимается за избытокъ послѣднихъ, отсутствіе высшихъ духовныхъ запросовъ—за душевное равновѣсіе. Но приходятъ удары судьбы—и сила оказывается слабостью, а духъ безпомощнымъ и неудовлетвореннымъ. Такимъ ударомъ была для Россіи крымская война. Вмѣсто повелительнаго отношенія къ внутреннему устройству сосѣдей Россіи пришлось кровью погибшихъ на развалинахъ Севастополя сыновъ своихъ расписаться въ несостоятельности своего гражданскаго быта. Отъ такихъ ударовъ можетъ погибнуть дряхлый народъ, но молодой и полный силъ возрождается къ новой жизни. Это возрожденіе не могло, однако, идти отъ народа или отъ лучшихъ людей общества: народъ терпѣлъ и смутно ждалъ, лучшіе люди могли лишь надѣяться и желать. Нужно было хотѣть, а могъ хотѣть и захотѣлъ, твердо и великодушно, Монархъ, которому дано было довершить начатое Великимъ Петромъ дѣло преобразованія страны изъ обширной вотчины въ государство. Петръ собралъ, по его словамъ, разсыпанную храмину и выдвинулъ организованное имъ государство въ Европу, давъ ему мощный голосъ въ ея дѣлахъ. Но пока у насъ господствовало крѣпостное право и безсудіе, государство не могло съ полнымъ правомъ назваться европейскимъ. Освобожденіе отъ этихъ темныхъ сторонъ быта было совершено волею Государя, которому пришлось встрѣтить массу затрудненій и препятствій и свершить свое дѣло, прямодушно отказавшись отъ нѣкоторыхъ своихъ прежнихъ взглядовъ, среди противорѣчивыхъ вліяній, среди заботъ о приведеніи въ порядокъ завѣщанной ему «разстроенной команды»... Слова манифеста 19 февраля 1861 г. о свободномъ трудѣ вмѣсто принудительнаго, о *правахъ* сельскаго населенія, которое знало лишь однѣ безграничныя *обязанности*, о человѣческомъ достоинствѣ во всѣхъ и каждомъ—открывали новую и свѣтлую страницу русской исторіи.

Личность и дѣло человѣка похожи на солнце: они всего виднѣе не въ зенитѣ, а при восходѣ и закатѣ. Стоитъ сравнить Россію при восшествіи на престолъ императора Александра II съ тѣмъ, чѣмъ въ своемъ внутреннемъ строѣ она была при его кончинѣ, чтобы видѣть все величіе его дѣла. Тѣми, кто еще помнитъ пятидесятые годы, никогда не забудется рѣзкій контрастъ между живою вещью, рабомъ, не имѣющимъ ни правъ, ни личности, ни собственности—и лично-свободнымъ земледѣльцемъ-собственникомъ; между приказнымъ устарѣлаго торжища правосудія—и присяжнымъ засѣдателемъ гласнаго суда, за приговоромъ котораго не слѣдуетъ болѣе позорное тѣлесное наказаніе; между почти на всю жизнь оторваннымъ отъ семьи и родины солдатомъ, носившимъ званіе, въ которое можно было «разжаловывать» и «сдавать»—и краткосрочнымъ новобранцемъ, котораго общая воинская повинность призываетъ изъ всѣхъ слоевъ общества; между безконтрольнымъ административнымъ хозяйничаньемъ—и общественнымъ хозяйствомъ... Контрастъ этотъ явился какъ живое осуществленіе желаній лучшихъ и не всегда многочисленныхъ людей земли русской, желаній раздѣленныхъ и властно осуществленныхъ... Поэтому многимъ изъ присутствовавшихъ при открытіи въ 1898 г. памятника въ Москвѣ, когда при громѣ пушекъ, не возвѣщавшемъ истребленіе, а сопровождавшемъ мечты о мирѣ, и при звонѣ кремлевскихъ колоколовъ пала завѣса со статуи незабвеннаго Царя,—живо вспомнились годы его реформъ и исторія его царствованія представилась не какъ внѣшняя цѣпь событій, а какъ откровеніе общечеловѣческихъ идей.

Приведеніе въ исполненіе высокихъ намѣреній Государя требовало сподвижниковъ и сотрудниковъ, которые приступили бы къ этому со страхомъ и вѣрою,—со страхомъ за свою нравственную отвѣтственность передъ родиной и съ вѣрою въ духовныя силы своего народа. Они должны были дѣйствовать



Сергій Зарудний

не думая о себѣ и зная, что солнце той зари, загорѣться которой они помогли, взойдетъ только послѣ ихъ упорнаго и безкорыстнаго труда и, быть можетъ, даже не надъ ними.

Однимъ изъ такихъ людей былъ *Сергѣй Ивановичъ Зарудный*, и въ этомъ его особенное право на благодарное воспоминаніе. Проведя тяжелое въ матеріальномъ отношеніи отрочество, одиноко проживая въ Харьковѣ съ 14-лѣтняго возраста, онъ мечталъ о поступленіи въ Морской корпусъ, чувствуя призваніе къ морской службѣ. Но этому помѣшали разныя обстоятельства. Окончивъ курсъ кандидатомъ математики въ Харьковскомъ университетѣ и пріѣхавъ въ Петербургъ, чтобы поступить въ Пулковскую обсерваторію,—онъ оказался въ гражданской службѣ, гдѣ пришлось испытывать не морскія, а самыя сухопутныя бури и быть можетъ вспоминать извѣстную остроту великаго князя Михаила Павловича о смущеніи знаменитаго астронома, увидѣвшаго въ свитѣ посѣтившаго Пулковскую обсерваторію Николая I «много звѣздъ не на своемъ мѣстѣ». Природа и жизнь разно одарили Зарудпаго. Первая дала ему горячую южную кровь, мѣткій малороссійскій юморъ, чрезвычайную способность къ работѣ, воспріимчивое и впечатлительное сердце и ненасытную жажду дѣятельности; вторая создала на его жизненномъ пути рядъ контрастовъ между его личными свойствами и дѣйствительностью, дала ему узнать въ широкой мѣрѣ иронію судьбы и въ небольшую чашу исполненныхъ намѣреній влила достаточную для отравы счастія каплю.

Юридическая служба Зарудпаго началась въ 1843-мъ году, въ Департаментѣ Министерства Юстиціи. Скромная должность помощника столоначальника конечно никогда не дала бы возможности выработаться серьезному правовѣду изъ математика. Но къ счастію какъ разъ въ это время графъ Блудовъ, стоявшій во главѣ II-го отдѣленія Собственной Е. В. Канцеляріи, рѣшилъ заняться пересмотромъ нашего гражданскаго процесса и обратился къ Министру Юстиціи графу Панину, прося доставить отзывы о недостаткахъ нашихъ судопроизводственныхъ правилъ со стороны предсѣдателей гражданскихъ палатъ и губернскихъ прокуроровъ. Всѣ эти отзывы, машинально воспринимаемые и передаваемые по назначенію начальствующими лицами, стали проходить чрезъ руки очень заинтересовавшагося ими Зарудпаго. Онъ сталъ изучать нашъ тогдашній процессъ съ его *отрицательной*, т. е. самой видной его стороны, и это изученіе, въ связи съ домашнимъ чтеніемъ историко-юридическихъ трудовъ Рейтца и Неволина, выработало правовое чувство и тонкій критическій анализъ будущаго судебно-законодательнаго дѣятеля, которому не довелось ни слушать блестящія лекціи Кавелина и глубокія чтенія Мейера, ни имѣть счастіе наслаждаться художественнымъ начертаніемъ античныхъ гражданскихъ институтовъ въ яркомъ изложеніи московскаго профессора Н. И. Крылова. Поѣздки за границу, преимущественно во Францію, ознакомили его съ жизнью въ правосудіи и съ правосудіемъ въ жизни. Въ новую свою, съ 1849-го года, дѣятельность—юрисконсульта консультаціи Министерства Юстиціи—Зарудный внесъ первыя попытки примѣнить къ разбору дѣлъ начала широкаго, историко-догматическаго толкованія закона.

Между тѣмъ отзывы губернскихъ юристовъ продолжали поступать къ Блудову. Они не могли привести къ какимъ-либо дѣйствительнымъ результатамъ. Не имѣя въ виду опредѣленной и твердо поставленной цѣли, для которой требовались эти отзывы, авторы ихъ ограничивались полу-правдою, которая, къ тому же, вывѣтривалась въ разлагающей атмосферѣ условныхъ понятій и выраженій петербургскихъ канцелярій. Самъ Блудовъ — прекрасный знатокъ русскаго слова, образованный юристъ и искусный кодификаторъ — былъ человѣкомъ нерѣшительнымъ, задававшимъ себѣ, по поводу дѣлъ, требовавшихъ дѣятельнаго почина, гамлетовскіе вопросы. Съ годами эти свойства его усиливались... Онъ предпочиталъ осторожно наблюдать жизнь, не спѣшилъ отвѣтами на ея запросы и, глубоко понимая, какъ видно изъ собственныхъ его «афоризмовъ», все несовершенство окружающаго его судебнаго и законодательнаго строя, называлъ себя «развалиною недостроеннаго зданія». Поэтому, даже и послѣ извѣстной негодующей резолюціи Императора Николая въ 1847 году «о непомѣрной медленности» по дѣлу Баташевыхъ, длившемуся 20 лѣтъ (дѣло о пропажѣ изъ Московскаго уѣзднаго казначейства мѣдной монеты на 115 тысячъ производилось еще дольше — 21 годъ...), онъ полагалъ возможнымъ ограничиться въ дѣлѣ оздоровленія гражданскаго правосудія лишь частичными улучшеніями. Только впослѣдствіи, путемъ долгихъ размышленій, пришелъ онъ къ мнѣнію о возможности положить въ основаніе этого оздоровленія начала, отличныя отъ прежнихъ, и, наконецъ, высказалъ убѣжденіе, что эти начала должны не только отличаться отъ существующихъ, но и быть имъ прямо противуположны...

Однако, даже и проектируемыя Блудовымъ улучшенія встрѣчали рѣзкій и упорный отпоръ со стороны Министра Юстиціи, графа В. Н. Панина, человѣка высокаго образованія, но отрѣшеннаго отъ жизни на своемъ бюрократическомъ Олимпѣ и совершенно чуждаго всякому живому почину. За 23 года его управленія министерствомъ не было предпринято ни одного серьезнаго улучшенія порученнаго ему дѣла—и дѣятельность министра выражалась, главнымъ образомъ, въ трудно объяснимыхъ и совершенно произвольныхъ перемѣщеніяхъ подчиненныхъ ему губернскихъ чиновъ и въ настойчивомъ поддержаніи въ судебномъ строѣ того направленія, которое Гёте характеризуетъ словами: «die richtende gefühllose Menschheit». Поэтому даже и противъ такихъ предлагаемыхъ Блудовымъ улучшеній, какъ порученіе доклада дѣла вмѣсто секретаря одному изъ членовъ судебнаго мѣста, уничтоженіе пустого и лицемѣрнаго обряда рукоприкладства, уменьшеніе судебныхъ инстанцій съ трехъ на двѣ и сокращеніе частныхъ производствъ, чрезвычайно тормозившихъ ходъ дѣла и часто возвращавшихъ его, чрезъ нѣсколько лѣтъ, къ первоисточнику—графъ Панинъ отвѣчалъ, съ особымъ канцелярскимъ пафосомъ, рѣшительнымъ: нѣтъ! Увидѣвъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, всю безплодность переписки съ Министромъ Юстиціи и «неразрѣшимость ихъ разномыслій», Блудовъ рѣшился прибѣгнуть къ учрежденію, въ 1852-мъ году, особаго комитета «для обсужденія предположенныхъ измѣненій гражданскаго процесса», дѣлопроизводителемъ котораго былъ назначенъ Зарудный.

Человѣку впечатлительному и воспріимчивому, узнавшему жизнь не только въ департаментскихъ стѣнахъ, но и за границею, и въ глухой русской провинціи—видѣвшему, какова она въ мертвящихъ условіяхъ дѣйствительности и какою могла бы быть, Зарудному пришлось много перечувствовать и перестрадать отъ участія въ томъ «кипѣньи въ дѣйствіи пустомъ», изъ котораго, съ большою тратою времени и крайними усиліями, медлительно рождалось частичное улучшеніе... Не бывши никогда ни любителемъ, ни умѣлымъ техникомъ въ дѣлѣ отписокъ и бумажныхъ турниpовъ, Зарудный интересовался не войною словъ, а войною идей—и съ большимъ трудомъ склонялъ къ послѣдней комитетъ, главною рабочею силою котораго онъ сдѣлался. Ему приходилось, кромѣ того, бороться въ лицѣ

графа Панина съ обычною у насъ косностью по вопросамъ, лично не задѣвающимъ чувствительно тѣхъ, кто призванъ ихъ разработывать. Эта косность выразилась съ особою силою въ томъ, что — когда были исчерпаны и опровергнуты всѣ возраженія по существу противъ улучшеній — былъ настойчиво возбужденъ вопросъ, не лучше-ли, не осторожнѣе-ли попробовать, въ видѣ ни къ чему не обязывающаго опыта, приложить улучшенія къ небольшому и ограниченному пространству, напримѣръ къ С.-Петербургской губерніи?

Такъ шло дѣло до начала царствованія Александра II. Властное пожеланіе: «да правда и милость царствуютъ въ судахъ», высказанное въ манифестѣ новаго Государя, было въ сущности равносильно словамъ «да будетъ судъ!»... Оно вывело работы по судебной части съ тропинки улучшеній на широкій путь преобразованій и влило энергію въ графа Блудова, который, отказавшись отъ прежней нерѣшительности и колебаній во взглядахъ, далъ ходъ способностямъ и смѣлому почину Зарудnаго. Назначенный въ 1857 году помощникомъ статсъ-секретаря департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта, Зарудный существенно повліялъ на составленіе въ 1860-мъ году записки графа Блудова, сопровождавшей рядъ внесенныхъ имъ проектовъ, гдѣ твердо и убѣжденно были намѣчены вполнѣ отличныя отъ прежнихъ начала судоустройства. Необходимыми элементами правильной судебной организаціи были признаны освобожденіе судовъ отъ всякаго вмѣшательства властей административныхъ и устройство адвокатуры, о которой въ предшествующіе годы нельзя было и заикаться, такъ какъ типическими ея представителями, по интересному удостовѣренію одного изъ близкихъ друзей Зарудnаго, Н. М. Колмакова («Русская Старина» 1886 г.), считались Мирабо, Маратъ и Робеспьеръ (хотя адвокатомъ, въ дѣйствительности, былъ только послѣдній). Въ выработкѣ всѣхъ этихъ проектовъ Зарудный, побывавшій въ 1858 г. въ спеціальной юридической командировкѣ за границею, принялъ самое дѣятельное, то явное, то невидное, но ощутимое, участіе. Въ разгарѣ его работъ въ этомъ отношеніи, въ 1859-мъ г., онъ составилъ одиннадцать записокъ, касавшихся самыхъ жизненныхъ вопросовъ будущаго устройства судебной части: учрежденія, согласно указаніямъ нашей исторіи и здравой доктрины права, *единаго кассаціоннаго суда*, введенія *мировой юстиціи*, установленія *охранительнаго судопроизводства* и созданія сословія *присяжныхъ повѣренныхъ*, при чемъ, по мнѣнію Джаншіева, самые термины: «охранительный» и «повѣренный» придуманы Зарудnымъ. Къ этому же времени относится его монографія: «Объ отдѣленіи вопросовъ факта отъ вопросовъ права», въ которой онъ, съ замѣчательною тонкостью и съ употребленіемъ строго математическихъ пріемовъ, разработалъ начала, источное усвоеніе которыхъ составляетъ до сихъ поръ одно изъ самыхъ больныхъ и уязвимыхъ мѣстъ нашей судебной практики. Тогда же написаны Зарудnымъ статья «Объ изслѣдованіи системы русскихъ гражданскихъ законовъ» и рядъ всесторонніхъ записокъ о состязательномъ началѣ.

Такимъ образомъ, трудами его постепенно создавался очеркъ новаго судебнаго строя. Начертывая его, Зарудный руководился тѣмъ довѣріемъ къ людямъ и любовью къ своему народу, которыя, не смотря ни на что, одушевляли его до гробовой доски. «Противу изложенныхъ основаній—писалъ онъ—можетъ быть, между прочимъ, представлено возраженіе: *хорошо да не вовремя*. Противъ этого *софизма*, который сдѣлалъ много зла на свѣтѣ, можно сказать одно только: если основанія правильны, то они и благовременны. Трудно думать, *чтобы люди гдѣ-либо и когда-либо были не приготовлены и не зрѣлы для хорошаго*. Правильное устройство судебныхъ учрежденій составляетъ вопросъ самый настоятельный для Россіи; притомъ же правильный законъ никогда не сдѣлаетъ зла; можетъ быть, по какимъ-либо обстоятельствамъ и даже по самому свойству закона *новаго*, онъ не будетъ нѣкоторое время исполняемъ согласно съ точнымъ его разумомъ, но гораздо вѣроятнѣе, что онъ тотчасъ пуститъ глубоко свои корни и составитъ могущественную опору спокойствія и благоденствія народа».

Было, однако, одно коренное препятствіе для существеннаго преобразованія судебнаго строя въ Россіи: новый судъ тамъ, гдѣ три четверти населенія подчинялись личной расправѣ и не имѣли никакихъ имущественныхъ правъ, былъ бы лишь заплатой на ветхомъ рубищѣ. Другая великая реформа должна была совершиться ранѣе преобразованія суда. Къ ней былъ пріобщенъ Зарудный, въ качествѣ помощника государственнаго секретаря Буткова. Будучи облеченъ званіемъ статсъ-секретаря департамента законовъ, онъ получилъ назначеніе быть членомъ коммиссіи о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ. Эта коммиссія подготовила институтъ мировыхъ посредниковъ, оставившій такія свѣтлыя и безупречныя воспоминанія и помогшій правильному и спокойному введенію крестьянской реформы. Между членами ея находились Н. И. Стояновскій, В. А. Арцимовичъ, К. К. Гротъ и М. Е. Салтыковъ-Щедринъ.

Знаменитыя редакціонныя коммиссіи окончили въ 1860-мъ г. свой незабвенный трудъ, подвергшійся ожесточенной критикѣ. Въ правящихъ сферахъ и въ обществѣ циркулировали, съ надеждою на вліяніе и окончательное воздѣйствіе, записки, преимущественно направленныя противъ освобожденія *съ землею*, въ которомъ, не безъ основанія, видѣли безповоротное прекращеніе крѣпостного права, тогда какъ при освобожденіи *безъ земли* крѣпостное право въ видѣ батрачества могло бы, выгнанное въ одну дверь, скоро войти въ другую, лишь въ другой окраскѣ и внѣшнихъ условіяхъ. По сущности главнѣйшихъ изъ этихъ записокъ ихъ можно было раздѣлить на *ироническія*, доводившія ad absurdum начала освобожденія и предлагавшія *всю землю* помѣщиковъ отдать крестьянамъ,—*устрашительныя*, въ которыхъ, въ силу какой-то непонятной логики, по поводу надѣла говорилось о «народной Немезидѣ съ обнаженнымъ мечемъ» — и *сентиментальныя*, въ родѣ той, въ которой предлагалось освобождать людей отъ крѣпостной зависимости постепенно, послѣ ряда предварительныхъ испытаній, въ видѣ *награды за благонравіе*. Но мысль Государя была уже твердо направлена на довершеніе величайшаго изъ дѣлъ его жизни. 26-го января 1861 г., въ соединенномъ засѣданіи Комитета Министровъ и Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, состоявшемся подъ его личнымъ предсѣдательствомъ, говоря о необходимости освобожденія крестьянъ, онъ выразился, что не только желаетъ этого, но требуетъ и повелѣваетъ, а 28-го января въ общемъ собраніи Государственнаго Совѣта произнесъ обширную, богатую историческими данными, трогательную и вмѣстѣ твердую рѣчь, въ которой выразилъ непреклонную волю объ окончаніи дѣла, безъ затяжекъ и отсрочекъ, съ улучшеніями не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Указывая на историческій ходъ возникновенія и развитія крѣпостного права, Государь сказалъ, что самодержавная власть, установившая крѣпостное право, должна его и упразднить и, приглашая своихъ ближайшихъ совѣтниковъ откинуть личные интересы и взгляды и дѣйствовать исключительно какъ государственные сановники, призывалъ на предстоящій имъ трудъ благо-

словеніе Божіе. Передающимъ это благословеніе своей странѣ представляется онъ и на своемъ памятникѣ въ Москвѣ, съ простертою рукою и приподнятою головою, на которой нерѣдко шапка Мономаха прикрывала терновый вѣнецъ...

Зарудный имѣлъ счастіе быть докладчикомъ въ этомъ и во всѣхъ послѣдующихъ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Первоначально въ нихъ обнаружилось опасное для благопріятнаго исхода дѣла раздѣленіе голосовъ. Многіе высказались за отсрочку рѣшенія еще на шесть мѣсяцевъ; затѣмъ большинство стало поддаваться соблазну подчинить освобожденіе не безотлагательному требованію закона, а «добровольному соглашенію». При этомъ мнѣніи, однако, осталось лишь 15 голосовъ; 17 высказались за полное принятіе проэкта Положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, 13—за «дополнительную провѣрку» расчетовъ, сдѣланныхъ Редакціонными Коммиссіями, а семь голосовъ были поданы условно, такъ какъ подававшіе, повидимому, оказались, по образному выраженію XVI вѣка, «духомъ перегибательны». Наконецъ изъ разнородныхъ элементовъ, послѣ ежедневныхъ засѣданій подъ предсѣдательствомъ гр. Блудова, образовалось окончательное большинство въ 37 голосовъ. 16-го февраля законодательная работа была окончена. 18-го февраля Государственный Секретарь Бутковъ повезъ къ Государю «Положеніе», въ надеждѣ присутствовать при торжественной минутѣ, когда три небольшихъ слова: «быть по сему» зазвучатъ какъ благовѣстъ въ сердцахъ 20-ти милліоновъ людей. Ему не удалось, однако, лично присутствовать при начертаніи этихъ словъ. Есть минуты — рѣдкія минуты въ жизни—когда душа человѣка, выражаясь въ исполненіи своего высокаго долга, чуждается проникновенія посторонняго взора въ ея отчетъ предъ Богомъ. Такія минуты должны быть и у Верховнаго законодателя...

«Положеніе» было возвращено лишь на другой день, въ знаменательный день 19 февраля, вмѣстѣ съ подписаннымъ Государемъ манифестомъ о свободномъ трудѣ. Воспоминаніе объ участіи въ работахъ по освобожденію крестьянъ всю жизнь согрѣвало Зарудnаго. Онъ съ восхищеніемъ говорилъ объ этомъ времени, съ гордостью носилъ свою золотую медаль на александровской лентѣ и былъ усерднымъ гостемъ обѣдовъ 19-го февраля, на которые собирались съ каждомъ годомъ рѣдѣвшіе сотрудники Царя въ этомъ великомъ дѣлѣ. Не даромъ Бутковъ, извѣщая его о томъ, что Государь «счелъ священнымъ долгомъ искренно благодарить государственнаго секретаря и всѣхъ его помощниковъ» за добросовѣстные и неутомимые труды по дѣлу освобожденія крестьянъ, добавилъ отъ себя, что особенно радуется возможности сообщить объ этомъ ему, «какъ одному изъ дѣятельнѣйшихъ участниковъ въ работѣ».

Освобожденіемъ крестьянъ было положено прочное основаніе для судебной реформы. Оно открыло широкіе горизонты и дало работамъ для совершенія послѣдней рѣшительное движеніе впередъ къ ясно сознанной цѣли. Этимъ воспользовался Зарудный; въ значительной мѣрѣ подъ вліяніемъ его докладовъ Государственный Совѣтъ призналъ бывшіе въ его разсмотрѣніи проэкты преобразованія судебной части подлежащими переработкѣ и извлеченію изъ нихъ общихъ началъ для дальнѣйшихъ трудовъ. Налагая руку на собственныя упорныя и многолѣтнія работы и убѣдивъ гр. Блудова и Буткова въ необходимости признать ихъ несоотвѣтствующими нуждамъ времени, когда необходимо проложить «новый курсъ», Зарудный дѣйствовалъ какъ истинный государственный человѣкъ, ревнующій не о собственномъ самолюбіи и о непогрѣшимости своихъ прежнихъ трудовъ, а объ удовлетвореніи насущной общественной потребности во всю мѣру возможнаго. Согласно его предположеніямъ состоялись докладъ графа Блудова о передачѣ дѣла судебной реформы въ вѣдѣніе Государственной Канцеляріи и (въ январѣ 1862-го года) новаго предсѣдателя Государственнаго Совѣта, князя Гагарина и о начертаніи основныхъ началъ судебной реформы, согласно указаніямъ науки и опыта европейскихъ государствъ, съ разрѣшеніемъ привлечь къ работамъ юристовъ-спеціалистовъ. Первый камень къ возведенію величественнаго зданія Судебныхъ Уставовъ былъ положенъ—и душою, страстною и неустанною, всего дѣла сталъ Зарудный. Закипѣла работа, при дружномъ содѣйствіи приглашенныхъ имъ свѣжихъ и энергичныхъ людей Буцковскаго, Плавскаго, Побѣдоносцева, Ровинскаго и Стояновскаго. Пришлось, такъ сказать, выжать сокъ изъ прежнихъ проэктовъ, объединить лучшее изъ намѣченнаго общею связующею мыслью и приготовить серьезныя опроверженія на обычныя у насъ возраженія противъ всякаго новаго дѣла, предпринимаемаго не только «для виду». Эти возраженія извѣстны: сначала говорится, что хорошо бы, да средствъ на это нѣтъ, а когда отысканы или указаны источники для послѣднихъ—то говорится обыкновенно, что людей нѣтъ! Зарудный шагъ за шагомъ, словесно и письменно опровергалъ эти возраженія. Онъ несъ на себѣ огромную работу радостно, не чувствуя ни усталости, ни сомнѣнія въ ея счастливомъ исходѣ. Онъ докладывалъ, совѣщался, спорилъ, убѣждалъ, горячился, писалъ и разработывалъ въ особыхъ запискахъ рядъ главнѣйшихъ, коренныхъ основаній реформы... Черезъ три мѣсяца непрерывной работы основныя положенія, сопровождаемыя подробными соображеніями, были готовы, затѣмъ доложены, при участіи Зарудnаго, какъ статсъ-секретаря, Государственному Совѣту, утверждены Государемъ 24 сентября 1862-го года и распубликованы во всеобщее свѣдѣніе, вызвавъ оживленную работу юридической мысли, призываемой на творческую дѣятельность.

Среди благотворныхъ новшествъ, намѣчавшихъ общія черты настоящаго суда со всѣми свойственными ему атрибутами, въ основныхъ положеніяхъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ занимало учрежденіе суда присяжныхъ. Графъ Блудовъ былъ рѣшительнымъ противникомъ этой формы суда для Россіи. Взгляды его на несвоевременность введенія суда чрезъ присяжныхъ изложены въ нашемъ очеркѣ дѣятельности Д. А. Ровинскаго; тамъ же приведены и практическія, почерпнутыя изъ вдумчиваго опыта жизни, возраженія послѣдняго Блудову, встрѣчавшему, однако, поддержку въ нѣкоторыхъ ученыхъ работахъ, проникнутыхъ пессимизмомъ по отношенію къ правовому чувству русскаго народа, и во мнѣніи авторитетнѣйшихъ представителей старой судебной практики. Такимъ былъ, между прочимъ, извѣстный сенаторъ Карніолинъ-Пинскій, впослѣдствіи первый предсѣдатель нашего Уголовнаго Кассаціоннаго Суда. «Присяжныхъ, присяжныхъ и присяжныхъ!—писалъ онъ—вотъ крики, съ нѣкотораго времени летящіе со всѣхъ сторонъ нашего дорогого отечества. Во всѣхъ этихъ крикахъ мало смысла, хотя много увлеченія и еще болѣе подражанія. Закричалъ одинъ, какъ не заревѣть другому?! Разсудительные люди не кричатъ, они увѣрены, что все доброе и полезное насъ не минуетъ, а блестящаго, но сомнительнаго—хотя бы и не бывало»... Нельзя, впрочемъ, отрицать, что въ учрежденіи суда присяжныхъ была сторона, немного тревожившая тѣхъ, кому было дорого правильное осуществленіе новаго судебнаго устройства на практикѣ. Кромѣ чувства долга и добросовѣстности, отъ лю-

дей, призываемыхъ помогать отправленію правосудія, а иногда даже играть въ немъ рѣшительную роль, требовалось извѣстное, стоявшее, въ виду недавнихъ общественныхъ условій, подъ вопросительнымъ знакомъ, развитіе гражданскаго чувства и пониманія. Присяжныхъ желали, ихъ ждали... Это вѣрно, хотя и рѣзко, изобразилъ Карніолинъ-Пинскій. Въ нихъ хотѣлось вѣрить заранѣе. Присяжный засѣдатель былъ дорогъ всякому, съ сочувствіемъ думавшему о новомъ судѣ. Подобно Татьянѣ въ письмѣ къ Онѣгину, русское развитое общество того времени могло сказать этому еще не появившемуся на сцену присяжному: «незримый—ты мнѣ былъ ужъ милъ»... Но невольное сомнѣніе закрадывалось въ душу. Этотъ незримый и невѣдомый теоретическій присяжный долженъ былъ облечься, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, въ реальный образъ простолюдина, всего нѣсколько лѣтъ назадъ освобожденнаго отъ крѣпостной зависимости, въ образъ того мужика, котораго незадолго предъ тѣмъ Тургеневъ, устами одного изъ своихъ героевъ, назвалъ «таинственнымъ незнакомцемъ...» И что-же? Теперь, черезъ сорокъ лѣтъ, можно сказать, что этотъ таинственный незнакомецъ оправдалъ оказанное ему довѣріе и не посрамилъ ни здраваго смысла, ни нравственнаго чувства русскаго народа. Безпристрастная исторія нашего суда присяжныхъ покажетъ со временемъ, въ какія тяжкія, неблагопріятныя условія былъ онъ у насъ поставленъ, какъ долгіе годы онъ оставался безъ призора и ухода, какъ его недостатки не исправлялись любовно и рачительно, а предоставлялись злорадно или близоруко дальнѣйшему саморазвитію. Будущій историкъ этого суда долженъ будетъ признать, что между приговорами, которые ставились въ вину присяжнымъ, были такіе, съ которыми трудно согласиться, но не было почти ни одного, который, зная данное дѣло, нельзя было бы понять и объяснить себѣ... Когда, въ 1895-мъ году, особое совѣщаніе старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ, внимательно и всесторонне разсмотрѣло всѣ дѣйствительные и мнимые недостатки нашего суда присяжныхъ, оно было вынуждено признать, что это судъ жизненный, имѣющій облагораживающее вліяніе на народную нравственность, служащій проводникомъ народнаго правосознанія и обреченный не отходить въ область преданій, а упрочиться въ нашей жизни. Русскій присяжный засѣдатель, особливо изъ крестьянъ—а таковыхъ огромное большинство,—относящійся къ своему дѣлу, какъ къ служенію совѣсти, кладущій зачастую призывную повѣстку, сулящую ему тяжелый трудъ и матеріальныя лишенія, за образа—честно и стойко вынесъ и выноситъ тотъ опытъ, которому подвергъ его законодатель.

Сорокъ слишкомъ лѣтъ назадъ нужно было имѣть большую и непоколебимую вѣру въ духовныя свойства и нравственныя силы русскаго народа, чтобы рѣшиться предоставить ему, съ первыхъ же шаговъ обновленной судебной дѣятельности, наиболѣе важное по своимъ послѣдствіямъ участіе въ ней. Значеніе этой рѣшимости увеличивалось еще и тѣмъ, что стоявшіе за судъ присяжныхъ должны были впервые насадить его, а не возродить только, ибо выборные цѣловальники XVI вѣка при судѣ воеводъ и намѣстниковъ были давно забыты, а сословные засѣдатели старыхъ судовъ ничего общаго съ присяжными засѣдателями не имѣли.

Вращаясь въ законодательной средѣ, гдѣ еще такъ недавно говорить о судѣ присяжныхъ считалось совершенно недозволительно, Зарудный понималъ, что рядомъ со ссылками Блудова на правовую неподготовленность простого русскаго человѣка, неумѣющаго будто бы отличать законъ отъ приказанія начальства, правосудіе—отъ помилованія и преступника—отъ несчастнаго, существуетъ мнѣніе, стоящее на совсѣмъ другой почвѣ и съ неменьшею силою направленное противъ призванія къ дѣлу суда представителей общественной совѣсти. «Судъ присяжныхъ—говорили представители этого мнѣнія—есть учрежденіе политическое и по своему происхожденію, и по своему характеру. Онъ—одно изъ звеньевъ въ цѣлой цѣпи государственныхъ учрежденій западнаго образца, не имѣющихъ ничего общаго съ самодержавнымъ строемъ Россіи». Такой взглядъ, повидимому, опиравшійся на исторію, могъ стать могущественнымъ средствомъ въ рукахъ противниковъ суда присяжныхъ, ибо указывалъ на будущую опасность отъ введенія этого суда не только для правильнаго отправленія правосудія, но и для цѣлесообразнаго устройства и дѣйствія всего государственнаго организма, построеннаго на строго монархическихъ началахъ. Предоставивъ, поэтому, Ровинскому спорить съ гр. Блудовымъ о способности русскаго народа выдѣлить изъ себя судей о виновности на ряду съ казенными судьями о наказуемости, Зарудный, въ двухъ замѣчательныхъ трудахъ—«Общія соображенія о составѣ суда уголовнаго» и «О спеціальныхъ присяжныхъ для особаго рода дѣлъ въ Англіи, Франціи и Италіи»—предпринялъ умѣлый и рѣшительный походъ противъ мнѣнія о политическомъ характерѣ суда присяжныхъ въ Россіи. Утверждая, что для соотвѣтствія дѣйствій уголовнаго суда цѣлямъ справедливости онъ долженъ имѣть два состава—постоянный (коронные судьи) и перемѣнный (выборные изъ всѣхъ слоевъ общества на краткіе сроки)—Зарудный указывалъ, что правосудіе въ широкомъ смыслѣ требуетъ не только твердости и непреклонности въ рѣшеніяхъ, но и глубокаго знанія всѣхъ мелочей обыденной жизни и снисходительности къ неизбѣжнымъ слабостямъ человѣка. Поэтому, опираясь, между прочимъ, на авторитетъ извѣстнаго ученаго криминалиста Миттермайера, онъ доказывалъ, что въ такой постановкѣ суда нѣтъ ничего противнаго началамъ монархическаго правленія. Прослѣдивъ развитіе суда присяжныхъ въ Западной Европѣ и измѣненіе взглядовъ на него въ наукѣ и въ средѣ самихъ правительствъ, Зарудный окончательно опредѣлялъ эту форму суда какъ лучшій судебный методъ, какъ лучшее средство въ рукахъ правительства, независимо отъ формы правленія, ограждать себя отъ нравственной отвѣтственности за ошибки зависимыхъ отъ него служебно судей, впавшихъ въ рутину и равнодушіе. Мысли Зарудаго, изложенныя въ особыхъ запискахъ, нашли себѣ видное и вліятельное мѣсто въ соображеніяхъ Государственной Канцеляріи. Судъ присяжныхъ, освѣщенный съ разныхъ сторонъ Зарудымъ и Ровинскимъ, не встрѣтилъ серьезныхъ возраженій при окончательномъ обсужденіи основныхъ положеній въ Государственномъ Совѣтѣ—и былъ, такимъ образомъ, заложенъ въ фундаментъ Судебныхъ Уставовъ. Этимъ было выражено довѣріе къ русскому народу, построенное на признаніи зрѣлости его ума и воспріимчивости его совѣсти. Въ этомъ великая заслуга тѣхъ, чьими трудами создались Судебные Уставы. Она не должна быть забыта исторіей нашего гражданскаго развитія; не смотря ни на какіе, временные и случайные недочёты суда присяжныхъ, она даетъ людямъ, подобнымъ Зарудному и Ровинскому, право стоять на ряду съ дѣятелями великаго дѣла освобожденія крестьянъ.

Опубликованныя, по мысли и почину Зарудаго, во всеобщее свѣдѣніе «Основныя Положенія» поступили затѣмъ—вызвавъ массу цѣнныхъ и оригинальныхъ замѣчаній со стороны юри-

стовъ-практиковъ со всѣхъ концовъ Россіи,—для дальнѣйшаго развитія въ образованную подъ предсѣдательствомъ государственнаго секретаря Буткова Коммиссію, состоявшую изъ трехъ отдѣленій, съ 27 членами.

Въ отдѣленіи гражданскаго судопроизводства предсѣдателемъ былъ Зарудный, уголовнаго судопроизводства—Буцковскій, судоустройства — Плавскій. Хотя Зарудный оффиціально завѣдывалъ однимъ лишь гражданскимъ отдѣленіемъ Коммиссіи, но его живой умъ, сообщительность и горячій интересъ ко всему, что касалось судебной реформы, вовлекали его въ участіе въ работахъ другихъ отдѣленій. Притомъ всѣ три отдѣленія собирались въ общія собранія. За время существованія Коммиссіи послѣднихъ было 21, а засѣданій отдѣленія, которымъ руководилъ Зарудный—91. На него же возложенъ былъ Бутковымъ и докладъ работъ Коммиссіи въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. «Хотя работа въ Коммиссіи и была раздѣлена,—говоритъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ его сотрудниковъ (Шубинъ-Поздѣевъ), —но направленіе всѣхъ отдѣловъ всецѣло принадлежало ему. Вездѣ была его инициатива—и въ приглашеніи дѣятелей, и въ направленіи работъ. Составъ Коммиссіи разросся до громадныхъ размѣровъ: были привлечены всѣ лучшія силы почти изъ всѣхъ вѣдомствъ, преимущественно судебнаго, и со всѣхъ концовъ Россіи. Кромѣ постоянныхъ членовъ, въ трудахъ и совѣщаніяхъ принимали участіе и лица постороннія по разнымъ спеціальностямъ, начиная отъ профессоровъ университета и кончая полицейскими чинами. Было написано и напечатано множество матеріаловъ и проэктовъ по всѣмъ частямъ; работы обсуждались въ частныхъ коммиссіяхъ и совѣщаніяхъ, исправлялись, передѣлывались, вновь печатались и обсуждались въ цѣлыхъ отдѣлахъ Коммиссіи и т. д. Для засѣданій не щадили ни времени, ни трудовъ; работающіе собирались и днемъ, и по вечерамъ. Споровъ было множество. Выступали ораторы всякаго рода—и скромные, и задорные, и уклончивые. Душою всего дѣла былъ и оставался постоянно Зарудный. Самъ онъ работалъ болѣе всѣхъ, цѣлыя ночи проводилъ весьма часто за работою, которую никогда не откладывалъ». Благодаря неустанной и одушевленной работѣ Коммиссіи, въ одиннадцать мѣсяцевъ создались Судебные Уставы, представляющіе по своей формѣ и содержанію, по стройности частей и единству руководящей мысли, величайшую изъ русскихъ законодательныхъ работъ XIX вѣка. 20 ноября 1864-го года эти уставы были Высочайше утверждены и вслѣдъ затѣмъ обнародованы при указѣ, возвѣщавшемъ о дарованіи русской землѣ суда скораго, праваго, милостиваго и равнаго для всѣхъ и о возвышеніи судебной власти предоставленіемъ ей надлежащей самостоятельности для утвержденія въ народѣ уваженія къ закону, безъ котораго невозможно общественное благосостояніе.

22 ноября Государственный Секретарь Бутковъ, препровождая Зарудному первый отпечатанный экземпляръ Судебныхъ Уставовъ, сдѣлалъ на немъ слѣдующую надпись: «Этотъ экземпляръ вручается Сергѣю Ивановичу Зарудному, какъ лицу, которому новая судебная реформа въ Россіи болѣе другихъ обязана своимъ существованіемъ. Онъ занимался этимъ дѣломъ со времени поступленія въ Государственный Совѣтъ первыхъ проэктовъ II-го отдѣленія и велъ все дѣло до его конца. Онъ участвовалъ въ работахъ по составленію основныхъ положеній, руководилъ работами по уставу гражд. судопр., дѣятельно занимался при обсужденіи всѣхъ другихъ проэктовъ. При такихъ его трудахъ, цѣлью коихъ было одно—искреннее желаніе совершить всю реформу, столь необходимую для пользы Россіи,—конечно первый отпечатанный экземпляръ по праву долженъ принадлежать Сергѣю Ивановичу». Получивъ эту книгу,—на которую едва ли кто-нибудь изъ привѣтствовавшихъ ея появленіе можетъ смотрѣть безъ воспоминанія о свѣтломъ времени, полномъ надеждъ, любви къ прекрасному дѣлу и вѣры въ то, что хорошія учрежденія создадутъ и хорошихъ людей на службу правосудію,—Зарудный не успокоился на лаврахъ. Онъ, повидимому, зналъ, что мы сдѣланы изъ глины, которая быстро нагрѣвается, но жаръ хранитъ недолго и скоро остываетъ, — что мы не любимъ традицій и воспоминаній, а предпочитаемъ жить настоящимъ днемъ. Поэтому онъ хотѣлъ закрѣпить сдѣланное съ такимъ одушевленнымъ трудомъ. Имъ составлены три собранія матеріаловъ по судебному преобразованію, въ 74 томахъ каждое, представляющія драгоцѣнный историко-юридическій памятникъ, въ который, между прочимъ, вошли восемь его обширныхъ записокъ по разнообразнымъ вопросамъ судопроизводства и судоустройства и три сдѣланныхъ имъ большихъ перевода иностранныхъ процессуальныхъ законовъ. Имъ изданы затѣмъ Судебные Уставы съ комментаріями, т. е. съ разсужденіями, на которыхъ они основаны. Это — трудъ въ своемъ родѣ научный, не говоря уже о его значеніи для юристовъ-практиковъ. Со страницъ его вѣетъ тѣмъ духомъ, которымъ были проникнуты составители Судебныхъ Уставовъ, въ средѣ которыхъ Зарудный игралъ такую выдающуюся роль.

Совершить законодательную работу — еще не значитъ ее осуществить на практикѣ, особливо если встрѣчаются неблагопріятныя для нея теченія. Поэтому участнику большой законодательной работы можетъ предстоять: или стоять на стражѣ своего труда, ревниво охраняя его отъ ломки и порчи, или же идти его осуществлять на практикѣ въ житейскомъ приложеніи. Судьба не судила Зарудному ни того, ни другого. Новая судебная практика, какъ всякое новое дѣло, вызвала различныя тренія и шероховатости, и хотя верховная воля признавала Судебные Уставы согласными съ строемъ Россіи, но во многихъ случаяхъ нравы общества—неуловимые и упорные, сложившіеся отчасти подъ вліяніемъ заразы крѣпостныхъ отношеній—вызывали страстныя нареканія при каждомъ щекотливомъ соприкосновеніи съ новымъ порядкомъ вещей, при каждой невольной ошибкѣ и промахѣ ея служителей. И въ печати, и въ правящихъ сферахъ стали раздаваться вліятельные протестующіе голоса и началось обратное теченіе. Зарудный, почуявъ опасность для нѣкоторыхъ частей своего возлюбленнаго труда, забилъ тревогу. Но годы предшествующей работы не могли способствовать укрѣпленію его нервовъ. Онъ былъ страстенъ въ спорахъ, рѣзокъ въ отзывахъ, его юморъ принималъ иногда острый характеръ. Привыкнувъ играть на своемъ посту вліятельную роль, онъ крайне настойчиво проводилъ свои взгляды, навязывая ихъ, какъ выражались его противники. Роль простого докладчика и редактора не удовлетворяла его живую натуру. У него не было мнѣній, дружелюбный обмѣнъ которыхъ никого не задѣваетъ. Его мнѣнія проходили чрезъ его сердце, оставляя въ немъ неизгладимый слѣдъ, и становились убѣжденіями, объ обмѣнѣ которыхъ говорить было бы какъ-то странно. Притомъ онъ не обращалъ никакого вниманія на личности, а имѣлъ въ виду любимое дѣло, которое поглощаетъ отдѣльное лицо. Все это складывало взглядъ на него, какъ на неуживчиваго, тягостнаго человѣка, тѣмъ болѣе, что въ совѣщаніяхъ, полныхъ безучастнаго спокойствія, онъ высказывался съ обычною рѣзкостью и даже нетерпимостью, не обращая никакого вниманія на столь обыч-

ныя у насъ соображенія о томъ — ловко ли? удобно ли? не преждевременно ли?

1-го Января 1869 г. онъ получилъ повышеніе и былъ назначенъ сенаторомъ. Повышеніе было вполнѣ въ порядкѣ вещей, такъ какъ всегда заслуженные статсъ-секретари переходили въ Сенатъ; но лично для Зарудnаго это повышеніе было сопряжено съ невозможностью продолжать, по своему умѣнію и разумѣнію, охранять Судебные Уставы отъ измѣненій на законодательной почвѣ. За то, повидимому, открывался широкій просторъ для службы имъ, въ ихъ практическомъ осуществленіи, для занятія кассаціонною дѣятельностью. Но и тутъ судьба отнеслась къ нему иронически. Онъ, одинъ изъ творцовъ новыхъ судовъ, вбивавшій въ ихъ организацію каждый гвоздикъ съ любовью, горячій защитникъ чистаго состязательнаго начала и внутренняго убѣжденія по дѣламъ уголовнымъ, съ 1843 г. критиковавшій обветшалые суды съ ихъ отсутствіемъ истиннаго состязательнаго начала и формальною теоріею доказательствъ — онъ былъ назначенъ присутствовать въ старомъ судебномъ департаментѣ Сената и въ старомъ общемъ собраніи. Онъ хотѣлъ даже подать въ отставку, но вѣроятно семейныя соображенія не давали для этого возможности, да и надежда его не покидала. Не даромъ каждый годъ, въ теченіе долгаго времени, онъ собиралъ у себя въ день изданія Судебныхъ Уставовъ, 20 ноября, друзей и знакомыхъ и радостно праздновалъ его, считая себя, среди новыхъ судебныхъ дѣятелей, своимъ по праву. Но годы шли; кружокъ друзей и его лично, и судебныхъ Уставовъ вообще, рѣдѣлъ, мѣнялись люди и взгляды. То, что было для него горячимъ воспоминаніемъ души, становилось для вновь выступившихъ на сцену равнодушно слушаемымъ разсказомъ о почти безразличныхъ событіяхъ, скучнымъ повѣствованіемъ о разбитыхъ жизнью непрактическихъ иллюзіяхъ. Онъ воевалъ противъ 2-й части XV тома, возставалъ противъ примѣненія формальной мѣрки къ дѣламъ, гдѣ живой человѣкъ, живущій гдѣ-то далеко, погребенъ подъ ворохомъ бумагъ письменнаго производства, ратовалъ противъ безконечной волокиты частныхъ производствъ по гражданскимъ дѣламъ, спорилъ, горячился, трепеталъ, какъ рыба, вытащенная на песокъ. Въ дѣлахъ Общаго Собранія Сената сохранился рядъ его особыхъ мнѣній, которыми онъ старался внести въ рѣшенія возможно большій просторъ началу внутренняго убѣжденія въ оцѣнкѣ доказательствъ, желая, въ то же время, по собственному признанію, создать въ этихъ рѣшеніяхъ слогъ средній между *старою* казуистикою и *новымъ* краснорѣчіемъ, между старою преднамѣренною краткостью и *новымъ* многословіемъ... Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зорко слѣдилъ за дѣятельностью преобразованнаго суда и чутко относясь ко всему, что касалось суда присяжныхъ, тревожился по поводу неблагопріятныхъ для его существованія слуховъ, горячо привѣтствуя всѣ печатныя и письменныя попытки его защитить.

Но все это не удовлетворяло его кипучую натуру. Душа его жаждала широкой дѣятельности, про которую можно было бы сказать ему словами поэта: «иныя ждутъ тебя страданья, другихъ восторговъ глубина». Ища забвенія въ литературно-юридическихъ трудахъ, онъ уже въ 1869-мъ году издалъ обширную работу подъ названіемъ «Гражданское Уложеніе Итальянскаго королевства и Русскіе Гражданскіе законы», а въ 1870 г.— такую же работу «о торговыхъ законахъ Италіи и Россіи». Въ 1873 г. для Московскаго Юридическаго Общества онъ составилъ докладъ «о необходимости полнаго изданія гражданскихъ законовъ 1857 г. и о согласованіи ихъ съ послѣдующими узаконеніями». Зная въ совершенствѣ итальянскій языкъ, онъ издалъ переводъ избранныхъ стихотвореній Лермонтова, Майкова, Кольцова и Жемчужникова, съ предисловіемъ извѣстнаго Анжело де-Губернатиса, подъ названіемъ: «Fiori della poesia russa». Кромѣ того, онъ перевелъ по-итальянски стихотвореніе Пушкина «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», слова котораго «ma io non voglio fratelli, morir, mi preme vivere, pensar e soffrir» — такъ соотвѣтствовали его жаждѣ творческой и живой дѣятельности.

Самыми замѣчательными трудами этого періода его уже надломленной жизни являются переводы сочиненія Беккаріи «О преступленіяхъ и наказаніяхъ» и Дантовскаго «Ада». Было бы ошибкою думать, что это только переводы, превосходные по точности и красотѣ языка, о чистотѣ котораго онъ всегда очень заботился. Въ каждомъ изъ нихъ онъ отозвался на историко-правовые и бытовые вопросы нашей общественной жизни, въ каждомъ изъ нихъ наряду съ искуснымъ переводчикомъ выступаетъ мыслитель-юристъ и страдающій внутренно человѣкъ... Посвященный памяти его сотрудника по созиданію Судебныхъ Уставовъ, Н. А. Буцковскаго, первый переводъ названъ «матеріалами для разработки сравнительнаго изученія теоріи и практики уголовнаго законодательства». Онъ содержитъ въ себѣ блистательное и подробное доказательство непосредственнаго вліянія на проектъ «обряда криминальнаго суда» въ знаменитомъ «Наказѣ» Екатерины II сочиненія Беккаріи, который желалъ горячимъ словомъ убѣжденія и строго математическимъ изложеніемъ своихъ мыслей «защищать общечеловѣческія права и требованія непобѣдимой истины и тѣмъ спасти отъ ужасовъ и мученій смерти хотя бы одну несчастную жертву жестокости и невѣжества, одинаково безпощадныхъ» (§ 1 введенія въ трактатъ). Переводъ снабженъ Зарудnымъ обширными примѣчаніями, объясненіями и приложеніями, дающими возможность съ одной стороны прослѣдить отраженіе и развитіе на страницахъ Судебныхъ Уставовъ возвышенныхъ началъ, провозглашенныхъ Беккаріею, а съ другой увидѣть ясно отсталость, непригодность и бездушную черствость тѣхъ пріемовъ нашего стараго судопроизводства, примѣнять которые, вопреки всему своему душевному складу, былъ призванъ Зарудный. Второй переводъ, посвященный бывшему Министру Народнаго Просвѣщенія А. В. Головнину, представляетъ оригинальную передачу безсмертнаго творенія великаго поэта, котораго справедливо называютъ «центральнымъ человѣкомъ среднихъ вѣковъ». Предъ каждой пѣснью «Ада» Зарудnымъ помѣщено толкованіе, богатое историческими данными и остроумными замѣчаніями, и эпиграфы, иногда очень своеобразные и отзывающіеся на злобу дня. Особенно оригинальна составленная имъ «лѣстница наказаній», существующихъ въ Дантовомъ Аду. Юристъ сказался и въ прекрасныхъ толкованіяхъ понятія о законѣ, и въ доказательствахъ, что въ Дантовомъ Аду грѣшниковъ караютъ не за то, что они сдѣлали на землѣ, а за то, чѣмъ они *сами сдѣлались*. Во всѣхъ примѣчаніяхъ и въ особенности въ предисловіи звучитъ грустная нота жажды покоя, скорби по угасающимъ силамъ, которымъ нѣтъ ни выхода, ни простора. Онъ называетъ большія способности великимъ и ужаснымъ даромъ природы и думаетъ, что Дантъ иносказательно хотѣлъ изобразить адъ на землѣ. Не смотря на такое мрачное настроеніе, Зарудный занимался переводомъ съ любовью и въ особенно торжественной обстановкѣ своего рабочаго кабинета читывалъ его немногимъ друзьямъ.

Переводъ «Ада» былъ послѣднимъ трудомъ Зарудnаго. Судьба нанесла ему предпослѣдній иронической ударъ. Онъ пріобщился, наконецъ, къ новому, созданному Судебными Уставами, Сенату, но не въ качествѣ сочлена, а въ качествѣ обвиняемаго. Находя

непримѣнимымъ къ условіямъ деревенской жизни и къ ея интересамъ циркулярный указъ Соединеннаго Присутствія о ежедневномъ разборѣ мировыми судьями дѣлъ, Зарудный убѣдилъ Купянскій мировой съѣздъ, гдѣ онъ былъ почетнымъ судьей, пріостановиться исполненіемъ уже разосланнаго судьямъ указа и представить на основаніи I тома Свода Законовъ о встрѣченномъ затрудненіи Сенату. Представленіе было встрѣчено сурово и съѣзду, во всемъ его составѣ, было объявлено отъ Сената дисциплинарное замѣчаніе. Это крайне тяжело подѣйствовало на Зарудnаго, который оказался невольнымъ виновникомъ кары, постигшей его, довѣрившихся его авторитету, товарищей. А затѣмъ подошли недуги и стала издали грозить смерть. Зарудный могъ ее встрѣтить спокойно. Онъ не зарылъ, по доброй волѣ свой талантъ въ землю, а служилъ родной землѣ всѣми силами ума и сердца, покуда имѣлъ возможность. Но душа его была измучена безплодными порывами къ широкой дѣятельности и уколами его убѣжденіямъ, когда общество стало охладѣвать къ тому, что было ему такъ дорого... Поэтому для него въ рукахъ смерти, по выраженію Баратынскаго, «была олива мира, а не губящая коса». Въ концѣ 1887 г. его повезли въ Ниццу, куда его манили небо и солнце, но новая—и на этотъ разъ послѣдняя — иронія судьбы послала ему 18-го декабря кончину въ вагонѣ, за нѣсколько верстъ до Ниццы, когда вдали уже засиѣло южное, теплое и ласкающее море...

Дмитрій Александровичъ Ровинскій.

А. Ѳ. Кони.

ДМИТРІЙ Александровичъ Ровинскій принадлежитъ къ числу наиболѣе выдающихся дѣятелей по выработкѣ судебной реформы и по проведенію ея въ жизнь. Опытный юристъ-практикъ, вдумчивый законовѣдъ, изучившій народный бытъ путемъ непосредственныхъ наблюденій, глубокій знатокъ искусства, родной исторіи и археологіи, — онъ наполнилъ всю свою жизнь неустаннымъ трудомъ на пользу родины и въ каждомъ родѣ своей многообразной дѣятельности занялъ видное и почетное мѣсто. Когда онъ, поработавъ, какъ пахарь добрый, смежилъ глаза на вѣчный, столь заслуженный имъ, покой, Императорская Академія Наукъ, коей онъ былъ почетнымъ членомъ, почтила его память торжественнымъ засѣданіемъ, въ которомъ его научная, художественная (онъ былъ также и почетнымъ членомъ Императорской Академіи Художествъ), литературная, общественная и государственная дѣятельность нашла себѣ подробную оцѣнку въ пяти рѣчахъ, посвященныхъ почившему. Объемъ и цѣль настоящаго изданія позволяетъ, однако, лишь упомянуть о его многочисленныхъ работахъ, сосредоточивъ вниманіе исключительно на его трудахъ въ правовой области.

Сынъ популярнаго въ Москвѣ и очень типичнаго для своего времени полиціймейстера, Д. А. Ровинскій родился 16 августа 1824 года. Государственная служба его началась съ 13 іюля 1844 г., когда, не имѣя еще полныхъ двадцати лѣтъ, онъ былъ опредѣленъ въ VII департаментъ Сената, находившійся въ Москвѣ, тотчасъ по окончаніи, однимъ изъ первыхъ, курса въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Съ начала 1848 г., оставивъ Сенатъ, онъ исполнялъ обязанности московскаго губернскаго казенныхъ дѣлъ стряпчаго,—съ лѣта 1850-го года, въ теченіе почти трехъ лѣтъ, обязанности товарища предсѣдателя московской уголовной палаты, а въ августѣ 1853-го года былъ назначенъ на особо важный, трудный и отвѣтственный постъ московскаго губернскаго прокурора. Должность эта, составляя наслѣдіе Петровскихъ временъ и одно изъ лучшихъ украшеній Екатерининскихъ учрежденій, имѣла огромное значеніе въ нашемъ до-реформенномъ строѣ. Упраздненіе связанныхъ съ нею правъ и обязанностей по надзору за ходомъ не судебныхъ дѣлъ слѣдуетъ, къ сожалѣнію, признать ошибкою составителей Судебныхъ Уставовъ, такъ какъ оно противорѣчитъ условіямъ нашей административной жизни и идетъ въ разрѣзъ съ внутренними потребностями нашего губернскаго строя. Губернскій прокуроръ, съ губернскими стряпчими, составлялъ особое, во многихъ отношеніяхъ совершенно независимое отъ мѣстной администраціи, учрежденіе—такъ называемую «прокурорскую камеру». Онъ имѣлъ надзоръ за всѣми губернскими и уѣздными присутственными мѣстами, опредѣленія которыхъ только тогда признавались соотвѣтствующими закону и приводились въ исполненіе, когда на нихъ была извѣстная прокурорская помѣта: «читалъ». Имѣя право безпрепятственнаго входа во всѣ губернскія учрежденія и занимая мѣсто въ присутствіи при докладѣ дѣлъ, губернскій прокуроръ и стряпчіе въ уѣздахъ были живымъ напоминаніемъ закона и во многихъ случаяхъ его обязательными истолкователями. Въ дѣлахъ судебныхъ губернскій прокуроръ былъ всегдашнимъ ходатаемъ по искамъ казны, обществъ и установленій. На обязанности его лежало возбужденіе *безгласныхъ* дѣлъ. Онъ охранялъ—*интересы казны*, участвуя въ пріемѣ казеннаго имущества и въ производствѣ торговъ на казенные подряды и поставки,—*интересы населенія*, не допуская съ него никакихъ не установленныхъ закономъ сборовъ, — *интересы частныхъ лицъ*, свидѣтельствуя, въ составѣ особаго присутствія губернскаго правленія, подлежавшихъ опекѣ по безумію или сумасшествію и требуя учрежденія слѣдственныхъ коммиссій по дѣламъ особой важности. Наконецъ, онъ охранялъ *права арестантовъ*, будучи главнымъ блюстителемъ ихъ содержанія «безъ употребленія орудій, закономъ запрещенныхъ», и ходатаемъ по ихъ дѣламъ. Имѣя обязанность увѣдомлять губернское начальство о всѣхъ замѣченныхъ имъ безпорядкахъ и злоупотребленіяхъ, губернскій прокуроръ сносился въ то же время непосредственно съ министромъ юстиціи, свободный отъ какихъ-либо аттестацій со стороны начальника губерніи. Будучи, по существу своихъ правъ и обязанностей, делегатомъ центральной прави-

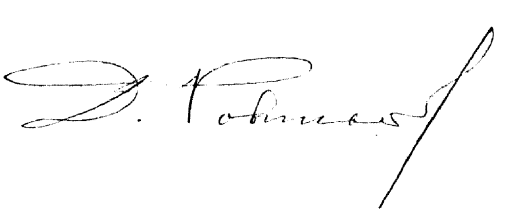
тельственной власти, вдвинутымъ въ среду мѣстнаго управленія, онъ, при добромъ желаніи и сознаніи долга, могъ не безъ основанія считать себя «окомъ царевымъ».

Исторія министерства юстиціи съ тридцатыхъ до шестидесятыхъ годовъ представляетъ немало примѣровъ энергической борьбы губернскихъ прокуроровъ съ мѣстными злоупотребленіями. Борьба эта не всегда была успѣшна, но даже самое возникновеніе ея, основанное на *предписаніи* закона, опредѣлявшаго обязанности губернскаго прокурора, дѣйствовало благотворно, не говоря уже о тѣхъ случаяхъ, когда послѣдствіемъ ея являлись сенаторскія ревизіи, несшіяся, какъ грозовыя тучи, на мѣстность, пораженную правовою засухою. Быть можетъ, много тягостныхъ пререканій, гдѣ голосъ оскорбленныхъ самолюбій и властолюбій заглушалъ ропотъ искажаемой истины, было бы устранено и немало окольныхъ путей для жалобъ и взаимныхъ обвиненій «поросло бы травой забвенія», если бы въ широкія рамки обязанностей губернскаго прокурора была въ 1864-мъ году заключена энергія тѣхъ молодыхъ и полныхъ любви къ дѣлу силъ, которыя обречены были упражнять свое стремленіе къ законности и талантливое трудолюбіе исключительно на обвинительномъ поприщѣ.

Сдѣлавшись губернскимъ прокуроромъ, Ровинскій принесъ на эту должность всю свою молодую — ему было еще только 29 лѣтъ—жизненность и отзывчивость, но вмѣстѣ съ тѣмъ и большой опытъ. Прежняя служба дала ему богатый матеріалъ для обращенія вниманія на наиболѣе больныя мѣста судебной и въ особенности административной дѣятельности. Задача московскаго губернскаго прокурора—именно московскаго- -за его время была очень не легкая. Не говоря уже о массѣ дѣла, требовавшей внимательнаго труда въ виду особаго значенія, которое могло имѣть прокурорское «читалъ» для жителей столицы и одной изъ населеннѣйшихъ губерній, — область дѣятельности прокурора находилась въ совершенно особомъ положеніи. Въ Москвѣ былъ, кромѣ губернатора, еще и графъ Арсеній Андреевичъ Закревскій, снабженный особыми полномочіями, легендарный генералъ-губернаторъ, всевластно правившій въ Москвѣ съ 1848-го года въ теченіе десяти лѣтъ и назначенный туда послѣ семнадцатилѣтней опалы. Безукоризненно честный въ матеріальныхъ отношеніяхъ, большой хлѣбосолъ и нѣжный до слабости отецъ, онъ творилъ судъ и быструю расправу по-своему, не стѣсняясь закономъ и своеобразно возстановляя порядокъ повсюду, даже и въ чужихъ семьяхъ, разными необычайными средствами, въ родѣ, напримѣръ, арестованія жены и родственниковъ неисправнаго подрядчика, забравшаго впередъ деньги, и т. д. Вторженіе Закревскаго во всякія дѣла, и въ томъ числѣ судебныя, особенно гражданскія, было явленіемъ частымъ и, безъ сомнѣнія, составляло соблазнительный примѣръ и для ближайшихъ его подчиненныхъ, такъ что губернскому прокурору нужно было много такта и умной настойчивости, чтобы охранять законъ и исполнять свои обязанности, «не взирая на лица». Неслышное и по большей части незамѣтное для окружающаго общества прямое и косвенное отстаиваніе закона отнимало много времени у Ровинскаго и дѣлало его положеніе, какъ онъ самъ впослѣдствіи сознавался, подчасъ болѣе чѣмъ затруднительнымъ.

Тяжела была и дѣятельность по чисто судебной части. Права губернскаго прокурора были большія; онъ могъ, съ 1846-го года, останавливать своими протестами исполненіе приговоровъ уголовныхъ палатъ; но не слѣдуетъ забывать, что надъ судомъ и надъ прокуроромъ стояла теорія формальныхъ, предустановленныхъ доказательствъ, которая связывала и угнетала свободное приложеніе судейскаго разумѣнія къ даннымъ дѣла. Какое бы вниманіе, какую бы серьезность ни вносилъ прокуроръ въ оцѣнку опредѣленія уголовной палаты, онъ былъ безсиленъ отвратить эту палату отъ того уклончиваго и ложнаго пути, который кончался знаменитымъ, никого не удовлетворявшимъ «оставленіемъ въ подозрѣніи». Громкія уголовныя дѣла, волновавшія Москву въ пятидесятыхъ годахъ, нерѣдко оканчивались приговоромъ, въ которомъ изъ-за формальной правильности и полнаго соотвѣтствія дѣйствовавшимъ узаконеніямъ о доказательствахъ, ярко сквозило матеріальное неправосудіе, при чемъ во всей красѣ сказывались и молчаніе связанной по рукамъ и ногамъ судейской совѣсти, и апатичная работа притупившагося на механическомъ примѣненіи Уложенія о Наказаніяхъ ума. Дѣла о возмутительныхъ преступленіяхъ надъ личностью и о надругательствахъ сильнаго надъ слабымъ, полныя краснорѣчивыхъ косвенныхъ уликъ, попавъ на дорогу, вырытую формальными доказательствами, быстро и почти безповоротно выцвѣтали, обростая тиною разныхъ крючкотворныхъ подходовъ и подъяческихъ подвоховъ, затемнявшихъ истину. Губернскій прокуроръ, обремененный массою другихъ обязанностей, долженъ былъ вчитываться и вдумываться въ каждое рѣшеніе, чтобы не покрыть своимъ «читалъ» иногда вопіющую, но правильно и искусно оформленную неправду.

Не меньше вниманія надо было отдавать и слѣдствію. Оно было въ грубыхъ и не всегда чистыхъ рукахъ, а между тѣмъ составляло не только фундаментъ, но въ сущности единственный матеріалъ для сужденія о дѣлѣ. Изъ рѣчи, сказанной Ровинскимъ въ 1860-мъ году молодымъ людямъ, вновь назначеннымъ на должность слѣдователя, видно, что̀ такое были въ его время, въ Москвѣ, нѣкоторые производители слѣдствій, и какъ они дѣйствовали. Безотчетный произволъ, легкомысленное лишеніе свободы, напрасное производство обысковъ, отсутствіе всякой системы и раздуваніе дѣлъ были характерными чертами производства слѣдствій чинами наружной полиціи. «Главная причина всего этого», говорилъ Ровинскій, «кроется сколько въ неспособности полицейскихъ слѣдователей, столько и въ томъ, что многіе изъ нихъ, при ничтожномъ содержаніи и ежедневно возрастающихъ потребностяхъ, привыкли, по необходимости, смотрѣть на взятіе подъ стражу, освобожденіе арестанта, вызовъ, высылку, вообще на все слѣдствіе, какъ на средства къ своему существованію. Вотъ почему полицейскіе слѣдователи тянутъ свои слѣдствія цѣлые годы, оправдываясь медленностью высшихъ инстанцій и разсчитывая на полную безнаказанность со стороны своего начальства. Вотъ почему трактиръ, полпивная и всякое заведеніе, при самомалѣйшей возможности притянуть ихъ, непремѣнно перебываютъ у слѣдователя съ своимъ хозяиномъ, прислугою, чуть не со всею посудою». Но не одна неумѣлость и желаніе «покормиться» искажали производство слѣдствія. Это искаженіе шло гораздо дальше тамъ, гдѣ нужно было выслужиться или отличиться. Ровинскій приводилъ слѣдователямъ «всплывшіе изъ глубины канцелярской тайны» случаи—доведенія мѣщанина вывернутіемъ руки до «чистосердечнаго сознанія» въ убійствѣ, совершеннымъ совсѣмъ другимъ лицомъ, и сѣченія невиновной, какъ то оказалось, въ кражѣ дѣвочки шестнадцати лѣтъ плетью по животу для полученія такого же сознанія. Въ объясненіяхъ къ своимъ «Народнымъ картинкамъ» онъ указываетъ на обычный даже и въ его время въ глухихъ мѣстностяхъ пріемъ полицейскаго слѣдствія, состоявшій въ недаваніи пить заподозрѣнному, на-



кормленному соленымъ сельдемъ и посаженному въ жарко истопленную баню, и ссылается на производившееся еще во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ Сената дѣло частнаго пристава Стерлигова, который вѣшалъ обвиняемаго со связанными назадъ (навсегда, послѣ того, отнявшимися) руками на перекосякъ, «исправлявшій должность дыбы».

Губернскій прокуроръ могъ быть, если хотѣлъ, вліятельнымъ лицомъ въ тюремномъ управленіи. Ровинскій предавался этой сторонѣ своей служебной дѣятельности съ горячимъ усердіемъ и любовью. Примѣръ трогательнаго человѣколюбца, тюремнаго доктора Ѳедора Петровича Гааза, отдавшагося всецѣло дѣлу помощи заключенному, утѣшенію его и заботѣ о немъ, вызывалъ въ Ровинскомъ глубоко-сочувственное къ себѣ отношеніе и въ словѣ, и въ дѣлѣ. Впослѣдствіи, въ оффиціальныхъ запискахъ по поводу тюремной реформы и судебнаго преобразованія, онъ не разъ съ особымъ уваженіемъ указывалъ на дѣятельность Гааза, девизомъ котораго были удивительныя по своей простотѣ и глубинѣ слова: «*Торопитесь дѣлать добро!*».

Каждую субботу и праздникъ объѣзжалъ Ровинскій разнообразныя московскія тюремныя помѣщенія и тщательно обходилъ пересыльную тюрьму и губернскій замокъ, въ сопровожденіи стряпчихъ и секретарей уголовной палаты, магистрата и надворнаго суда, разрѣшая жалобы арестантовъ, пробуя ихъ пищу и тутъ же, на мѣстѣ, наводя справки по дѣламъ и ускоряя послѣднія. Простота его обращенія привязывала къ нему всѣхъ, а по отношенію къ должностнымъ лицамъ его настойчивыя просьбы пріобрѣтали характеръ требованій, которыхъ нельзя было не исполнить. Въ эпоху взяточничества и всякаго темнаго своекорыстія личность московскаго губернскаго прокурора, всегда скромно и почти бѣдно одѣтаго, вѣчно занятаго живымъ дѣломъ, а не отписками у себя въ камерѣ, все знающаго и «видящаго насквозь», производила глубокое нравственное впечатлѣніе на окружающихъ. Ему было трудно отказать въ его просьбахъ, его было совѣстно ослушаться, да и «втереть ему очки»—нечего было и думать. Вѣрный завѣтамъ Гааза, Ровинскій съ успѣхомъ продолжалъ хлопоты о сокращеніи числа лицъ, подвергаемыхъ тягостному бритью половины головы, въ предупрежденіе побѣговъ. Изъ его записки о тюремныхъ помѣщеніяхъ Московской губерніи сквозитъ, не смотря на крайнюю скромность автора, рядъ мѣръ, предпринятыхъ по его распоряженію съ цѣлью улучшить бытъ арестантовъ, выведя ихъ изъ пагубной праздности и вооруживъ ихъ для послѣдующей жизни хоть какимъ-нибудь практическимъ знаніемъ. Особенное вниманіе обращалъ онъ на «частные дома», съ ихъ такъ-называемыми «съѣзжими». Тамъ часто можно было найти арестованныхъ безъ всякаго законнаго основанія; тамъ было мѣсто примѣненія личной расправы съ людьми, отпускаемыми затѣмъ безъ всякаго суда; тамъ, наконецъ, производилась знаменитая, глубоко вошедшая въ тогдашніе нравы «экзекуція». Если нѣкоторыя городскія части Москвы пріобрѣли себѣ особенную славу по части тѣлесныхъ наказаній, то Басманный частный домъ отличался въ другомъ отношеніи. Тамъ негодующій Ровинскій нашелъ семь немедленно имъ уничтоженныхъ подвальныхъ темницъ, куда никогда не проникалъ лучъ свѣта. Онѣ назывались «могилами», и въ нихъ разстраивали себѣ зрѣніе и даже вовсе теряли его люди, числившіеся «за приставомъ».

Немало тревожныхъ заботъ доставляли Ровинскому и дѣла о крестьянахъ и дворовыхъ. Иго крѣпостного рабства, которымъ, по выраженію Хомякова, была «клеймена Россія», давило въ началѣ пятидесятыхъ годовъ всею своею тяжестью и оказывало свое растлѣвающее вліяніе на все общество. Въ Московской губерніи постоянно возникали дѣла о злоупотребленіяхъ помѣщичьей власти, и хотя графъ Закревскій сурово относился въ этихъ случаяхъ къ виновнымъ, но въ то же время онъ былъ, по замѣчанію Ровинскаго, ярымъ защитникомъ крѣпостного права, не допускавшимъ и мысли о ненормальности создаваемыхъ этимъ правомъ отношеній. Кромѣ всесильнаго генералъ-губернатора, на безпощадной стражѣ этого права стоялъ и уголовный законъ, подвергавшій, на основаніи ст. 1983 тома IX-го, крестьянъ, непокорныхъ не только своимъ господамъ, но даже и тѣмъ, кому послѣдніе передали, вполнѣ или съ ограниченіями, свою власть, наказанію, установленному за возстаніе противъ властей, то есть каторжной работѣ на очень длинные сроки и плетямъ. Понятно, какъ легко, при такихъ условіяхъ, могли быть возбуждаемы, по самымъ ничтожнымъ поводамъ, въ сущности сводившимся къ недоразумѣніямъ, дѣла о возстаніяхъ крестьянъ, и какому одностороннему разрѣшенію они подвергались, особенно если имѣть въ виду, что, по ст. 221 второй части XV-го тома, крѣпостные люди подсудимыхъ могли быть допрашиваемы при слѣдствіи лишь *за недостаткомъ* другихъ свидѣтелей. Ровинскому приходилось часто и горячо отстаивать и предъ графомъ Закревскимъ, и въ уголовной палатѣ спокойный и трезвый взглядъ на дѣла о «возстаніяхъ» крѣпостныхъ и, лавируя въ узкомъ проливѣ между формальными доказательствами, отыскивать въ дѣлѣ трудно добываемыя данныя, правдиво рисующія житейскую его сторону. А это было необходимо, чтобы убѣдить графа Закревскаго въ томъ, что тамъ, гдѣ предполагалось «дерзкое колебаніе коренныхъ основъ общества», было подъ часъ вопіющее злоупотребленіе власти, и что обиженная въ своихъ правахъ и безмятежности «жертва» была иногда сама злобною и изобрѣтательною мучительницею,—и тѣмъ обратить его гнѣвъ на дѣйствительно виновную сторону.

Въ 1856-мъ году впервые раздалось властное слово объ освобожденіи крестьянъ. Ровинскому, какъ вліятельному губернскому прокурору, представилась возможность проводить въ жизнь взгляды на крѣпостное право, но неожиданно онъ чуть не былъ лишенъ всякой дѣятельной роли. По причинамъ, которыхъ теперь доискаться невозможно, министръ юстиціи графъ В. Н. Панинъ рѣшилъ зачислить его за оберъ-прокурорскій столъ въ Сенатъ. Для кипучей, полной страсти къ живому труду, натуры Ровинскаго это было бы тяжкимъ ударомъ. Жестокое по отношенію къ такому человѣку, какъ онъ, новое назначеніе—своего рода «сдача въ архивъ»—являлось лишеннымъ смысла и по отношенію къ дѣлу, которое въ умѣлыхъ рукахъ Ровинскаго наладилось и шло хорошо. Графъ Панинъ, своеобразная личность котораго еще ждетъ своего историка, любилъ поражать неожиданными назначеніями, на странность и бездушную ироніо которыхъ можетъ, въ качествѣ примѣра, указывать приводимый въ біографіи художника Перова, изданной Ровинскимъ, фактъ перевода въ Архангельскъ отца Перова, губернскаго прокурора въ Тобольскѣ, просившагося *въ болѣе умѣренный климатъ*, потому что здоровье его *не выносило суровой зимы*. Но генералъ-губернаторъ, цѣнившій, не смотря на разногласія, личность и дѣятельность Ровинскаго, вступился за «своего» губернскаго прокурора и, благодаря его письму отъ 19 апрѣля 1857 года, послѣдній остался на мѣстѣ. Впрочемъ, служебные дни самого графа Закревскаго уже близились къ концу. Вокругъ него кипѣла новая, необычная для него жизнь; съ высоты Пре-

стола, какъ святой благовѣстъ, неслись призывы къ усовершенствованіямъ, къ подъему человѣческаго достоинства, къ правдѣ и милости, а онъ продолжалъ смотрѣть на Москву, какъ смотритъ рачительный, но суровый хозяинъ на свою вотчину. Не допуская и мысли о возможности отмѣны крѣпостного права, онъ, уже послѣ извѣстнаго Высочайшаго рескрипта на имя Назимова, преслѣдовалъ въ Москвѣ всякіе знаки сочувствія къ предпринятому Государемъ великому дѣлу, и повелительно указалъ Кокореву на дверь, когда тотъ «позволилъ себѣ заявить себя на сторонѣ *петербургскихъ глупостей*», утверждая громогласно, что «въ Петербургѣ *одумаются*, и все пойдетъ по старому».

Послѣдовавшее въ 1859-мъ году избраніе Ровинскаго въ депутаты звенигородскаго дворянства въ московскомъ комитетѣ по освобожденію крестьянъ дало ему возможность поработать для давно наболѣвшаго у него вопроса и образовать вокругъ себя крупное меньшинство, которое, по его предложенію, высказалось за уничтоженіе въ будущемъ строѣ крестьянскаго дѣла тѣлесныхъ наказаній, какъ «безполезнаго орудія возмутительнаго произвола». Замѣчательно, что, почти одновременно съ этимъ, Яковъ Ивановичъ Ростовцевъ писалъ императору Александру II изъ Карлсруэ, 9 сентября 1858-го года: «Главную осмотрительность слѣдуетъ соблюсти въ постановленіяхъ для мірской общины и въ опредѣленіи рода наказаній по приговору міра; и то, и другое каждая община опредѣлитъ сама лучше всякихъ законодательныхъ теорій; о наказаніяхъ тѣлесныхъ не слѣдуетъ упоминать, — это будетъ тяжко для освобожденія, да и есть мѣста въ Россіи, гдѣ они, *къ счастію*, не употребляются».

Наряду съ этимъ изданіе давно ожидаемаго Ровинскимъ положенія объ учрежденіи судебныхъ слѣдователей, исключительно предназначенныхъ для исполненія слѣдственныхъ обязанностей, и обнародованіе «Наказа судебнымъ слѣдователямъ» были важнымъ шагомъ къ посильному, при существованіи старыхъ судовъ, упорядоченію этой части. Являлась возможность сдѣлать призывъ къ молодымъ, еще не испорченнымъ рутиной и соблазнами жизни людямъ, въ способность которыхъ къ горячему и безкорыстному труду въ то время такъ охотно, такъ любовно вѣрилось. Рѣчь Ровинскаго, сказанная вновь назначеннымъ слѣдователямъ, полная практическихъ замѣчаній и смѣлой критики недавняго еще отношенія законодательства къ обществу, порождавшаго сначала въ послѣднемъ недовѣріе, а потомъ полное равнодушіе, была своего рода завѣтомъ для будущаго. Указывая, что общество только тогда повѣритъ, что подъ вновь придуманными формами не скрываются недостатки прежняго слѣдствія, когда почувствуетъ исключительную пользу отъ новаго учрежденія, Ровинскій сказалъ своимъ слушателямъ: «Бо́льшая часть изъ васъ, господа, только что окончила образованіе. Вы еще неопытны въ дѣлѣ. Но намъ дорога ваша неопытность. Вы не привыкли еще видѣть въ арестантѣ *нѣмую* цифру, которую чиновники съ такимъ стараніемъ сбываютъ другъ другу. Для васъ всякое дѣло еще такъ ново и полно жизни! Опытности вамъ научиться недолго, если вы рѣшитесь вполнѣ отдаться вашему дѣлу. Съ вами подѣлятся *ею* тѣ изъ вашихъ товарищей, которые уже знакомы со службой. Вы же, въ свою очередь, подѣлитесь съ ними тѣмъ первымъ и дорогимъ жаромъ молодости, съ которымъ такъ спорится всякая работа. Помогайте другъ другу, господа, наблюдайте другъ за другомъ, не дайте упасть только что начатому дѣлу, *будьте людьми*, господа, *а не чиновниками!* Опирайтесь на законъ, но объясняйте его разумно, съ цѣлью сдѣлать добро и принести пользу. Домогайтесь *одной награды*: добраго мнѣнія общества, которое всегда отличитъ и оцѣнитъ трудъ и способности. Можетъ быть, черезъ нѣсколько лѣтъ служба еще разъ соберетъ васъ вмѣстѣ,—дай Богъ, чтобы тогда вы могли сказать всѣмъ и каждому, что вы служили дѣлу, а не лицамъ; что вы старались дѣлать правду и приносить пользу; что вы были прежде всего людьми, а уже потомъ чиновниками».

Положеніе вещей при судебной реформѣ складывалось иначе, чѣмъ при освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Если послѣдняя реформа вырабатывалась «горестно и трудно»,— горестно для любившихъ исключительно себя, трудно для любившихъ русскій народъ,—то наоборотъ, пересозданіе всего судебнаго строя совершалось легко и безъ серьезныхъ противодѣйствій. Негодность существующихъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ чертахъ и житейскихъ проявленіяхъ была признана всѣми. Могущественное слово осужденія этихъ порядковъ слышалось и въ неоднократныхъ Высочайшихъ резолюціяхъ. Отмѣтка императора Николая I на меморіи Государственнаго Совѣта по дѣлу Баташова, отъ 16 ноября 1848 года, о непомѣрной медленности производства, «ясно выставляющей всѣ неудобства и недостатки нашего судопроизводства», по справедливости можетъ считаться первымъ лучомъ судебнаго преобразованія. Реформа судебной части не затрогивала ничьихъ личныхъ интересовъ, и поэтому на верхнихъ ступеняхъ общественной лѣстницы не могло найтись людей, которые посмѣли бы авторитетно рекомендовать старый порядокъ канцелярской безгласной и бездушной расправы, какъ желательный и неприкосновенный, или, прикрываясь лукавою осторожностью, рисовать «пагубныя послѣдствія» предпринимаемаго государственнаго дѣла. За исключеніемъ темныхъ дѣльцовъ на низшихъ должностяхъ судебной службы, старый судъ не внушалъ привязанности никому; отъ него сторонились почти всегда со страхомъ и нерѣдко съ отвращеніемъ, и слово поэта о томъ, что Русь «въ судахъ полна неправды черной», было не праздднымъ возгласомъ, а горькою, пережитою многимъ множествомъ русскихъ людей истиною.

Сами работники въ дѣлѣ преобразованія не подходили подъ одинъ общій типъ и не представляли, въ своей совокупности, однороднаго цѣлаго. Они явились на широкій призывъ со всѣхъ концовъ Россіи, изъ разнородныхъ служебныхъ областей, съ разнообразнымъ опытомъ и практическими свѣдѣніями, невольно внося въ свои предложенія и свои личныя свойства. При разсмотрѣніи подготовительныхъ работъ по судебному преобразованію нельзя не замѣтить, что піонеры судебной реформы распадались на четыре главныя группы. *Первую* составляли чистые теоретики, вносившіе въ свои предложенія строго логическіе выводы, построенные на отвлеченныхъ политико-юридическихъ принципахъ; ко *второй* принадлежали подражатели, стремившіеся, безъ серьезной критики, перенести на нашу почву цѣликомъ западно-европейскіе порядки, предлагая преимущественно французскіе образцы съ большею или меньшею примѣсью англійскихъ судебныхъ обычаевъ. Представителями *третьей* группы были люди, не рѣшавшіеся сразу оторваться отъ существующихъ уже учрежденій и пріемовъ судопроизводства и желавшіе медленнаго, осторожнаго и постепеннаго перехода отъ стараго къ новому. Они находили себѣ сильную опору во вліятельныхъ мнѣніяхъ автора «общей объяснительной записки къ проекту новаго устава судопроизводства», графа Д. Н. Блудова. Наконецъ, *четвертая* группа заключала въ себѣ практическихъ судебныхъ дѣятелей, желавшихъ обновленія судебнаго строя и черпавшихъ для него основанія не изъ теоретическихъ соображеній или слѣпой подражательности, а изъ знанія русской жизни въ ея судебно-бытовыхъ проявъ-

леніяхъ и изъ довѣрія къ умственнымъ и нравственнымъ силамъ народа, способнаго къ воспріятію новыхъ началъ судопроизводства. Къ этой группѣ принадлежало большинство «отцовъ Судебныхъ Уставовъ», то есть членовъ Высочайше учрежденной коммиссіи, выработавшей основныя положенія преобразованія судебной части. Ровинскій, по высказываемымъ имъ взглядамъ, примыкалъ всего болѣе къ послѣдней группѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ стоялъ, по многимъ вопросамъ, и отдѣльно отъ нея. Глубокій знатокъ жизни и свойствъ, вкусовъ и идеаловъ русскаго народа въ ихъ историческомъ развитіи, онъ шелъ своею дорогою, богатый знаніемъ и наблюденіемъ. Его чисто русскому, проникнутому здравымъ смысломъ уму были чужды отвлеченныя, теоретическія построенія, а любовь къ оригинальному и самобытному удерживала его отъ слѣпой подражательности. Не могъ онъ, сердцемъ выстрадавшій всѣ недостатки старыхъ судебныхъ порядковъ, бывшій столь долго «за кулисами» отжившаго суда, примириться и съ мыслью о постепенномъ, медленномъ переходѣ отъ стараго къ новому. Будущій строй судебныхъ учрежденій и ихъ дѣятельность, проникнутые началами, совершенно чуждыми слѣдственно-приказному отправленію правосудія, ясно рисовались его духовному взору. Отдаваясь съ горячностью и любовью призыву къ новому дѣлу, онъ не желалъ допускать, чтобы, по выраженію поэта, «заглушалъ плевелъ старинный— величья новаго посѣвъ».

Принадлежавшій Ровинскому экземпляръ общей объяснительной записки графа Блудова весь испещренъ протестующими замѣчаніями. Общій ихъ смыслъ состоитъ въ томъ, что предлагаемыя Блудовымъ мѣры, не улучшая ни въ чемъ существеннаго судопроизводства, не вносятъ въ него ничего такого, чего не могли бы всосать въ себя рутина и «приказное» отношеніе къ дѣлу. Не штопать надо было изношенное и негодное, не прирящать случайными и внѣшними прививками существовавшій судебный строй: слѣдовало, твердо опредѣливъ противоположный берегъ, смѣло причалить къ нему, или въ крайнемъ случаѣ, соорудивъ лишь временный, на очень краткій срокъ, мостъ, перейти по нему и тотчасъ же разобрать его. Поэтому патетическія выраженія «общей объяснительной записки», въ родѣ указанія на «естественную, драгоцѣнную для всякаго чувствительнаго человѣка мысль о неотъемлемомъ правѣ каждаго, хотя и вполнѣ заслуживающаго всей строгости карающихъ постановленій, ходатайствовать объ облегченіи своей участи», не подкупали Ровинскаго и не прикрывали въ его глазахъ скудости предлагаемыхъ ею мѣръ.

На приглашеніе доставить соображенія о судебномъ преобразованіи, послѣдовавшее по почину Государственнаго Совѣта, и обращенное государственною канцеляріей къ юристамъ-практикамъ, однимъ изъ первыхъ откликнулся Ровинскій рядомъ записокъ объ устройствѣ гражданскаго суда, объ устройствѣ уголовнаго, о должностныхъ лицахъ судебнаго вѣдомства, о производствѣ слѣдствія, объ обвинительномъ началѣ, объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, и, наконецъ, о порядкѣ введенія новаго судопроизводства вообще и въ Московской губерніи въ особенности. Въ этихъ запискахъ, въ высшей степени цѣнныхъ по своему содержанію и по обилію собраннаго въ нихъ матеріала, Ровинскій прежде всего остановился на устройствѣ мѣстнаго суда. Русская жизнь, обновленная освобожденіемъ крестьянъ, давала готовое учрежденіе для мѣстнаго, ближайшаго къ населенію, легко доступнаго, простого и дѣйствительнаго суда. Это были мировые посредники. Отъ нихъ, по мнѣнію его, и надо было отправляться, строя новое судебное зданіе. Мировой посредникъ долженъ былъ, совершивъ свое главное дѣло—введеніе уставныхъ грамотъ—преобразиться въ «мирового судью—не юриста, судъ котораго не стѣсненъ никакими формальностями, а рѣшеніе творится по совѣсти». Дѣятельный *мировой судья* рисовался практическому уму Ровинскаго какъ защитникъ правъ, примиритель и довѣренное лицо для жителей своего околодка, какъ первое звено между ними и правительствомъ. Не составляя инстанціи, онъ окончательно рѣшаетъ дѣла гражданскія на сумму до 30 рублей и уголовныя о всѣхъ маловажныхъ поступкахъ; гражданскія дѣла, гдѣ замѣшаны проѣзжіе, онъ разбираетъ на всякую сумму, съ правомъ переноса дѣла недовольною стороною въ судъ первой степени. Проектируя учрежденіе такого суда, живого, отзывчиваго на нужды населенія, органически съ нимъ связаннаго путемъ выборнаго начала, Ровинскій на обычный и при всякой новой мѣрѣ роковымъ образомъ возникающій у насъ на Руси вопросъ: гдѣ взять людей? отвѣчалъ успокоительно, указывая на то, что нашлись же дѣльные и способные люди, рѣшившіеся почти безвыѣздно жить въ деревнѣ изъ любви къ дѣлу и желанія пользы и принявшіе на себя трудныя обязанности мировыхъ посредниковъ. «Конечно»—писалъ онъ,— «дѣло освобожденія крестьянъ такъ громадно, что въ уровень съ нимъ не можетъ стать ни одно преобразованіе настоящаго времени, и каждый считаетъ за особую честь такъ или иначе участвовать въ разрѣшеніи его; но можно надѣяться, что дѣльныя, а главное, живыя преобразованія по судебной части возбудятъ не менѣе сочувствія со стороны общества. Если мировому судьѣ будутъ сохранены та независимость въ служебныхъ отношеніяхъ и то вліяніе на полицію, которыми пользуются мировые посредники, то можно ожидать, что должность мирового судьи сдѣлается еще выше и почетнѣе, а главное, еще полезнѣе должности мирового посредника». Теплое и благодарное воспоминаніе о мировыхъ посредникахъ сохранилъ Ровинскій до конца дней своихъ. Онъ любилъ перечислять пользующихся общественнымъ уваженіемъ или занимающихъ нынѣ высокіе служебные посты людей, которые радостно и безразсчетно пошли на эту должность, когда «насталъ великій мигъ, въ скрижаляхъ царства незабвенный»; любилъ характеризовать посредниковъ перваго призыва по Московской губерніи. Его всегда очень интересовала дѣятельность мировыхъ судей, въ житейскомъ обликѣ которыхъ сквозили дорогія для него и уже далекія черты мировыхъ посредниковъ.

Устройство будущаго уголовнаго суда представляло, однако, гораздо болѣе сложную задачу. Для него не было уже готоваго матеріала, какъ для мировыхъ судей. Старыя учрежденія не представляли, да и не должны были представить ничего пригоднаго для новой постройки. Поэтому здѣсь предстояла особо трудная и интересная работа. Главный вопросъ, выдвигавшійся прежде всѣхъ другихъ и опредѣлявшій сущность многихъ изъ послѣдующихъ, былъ вопросъ объ основаніяхъ опредѣленія виновности. Такихъ основаній, въ сущности, два: или вопросъ о виновности разрѣшается по заранѣе опредѣленному рецепту, съ разъ навсегда сдѣланною обязательною оцѣнкой взаимной силы и значенія доказательствъ и точно установленнымъ ихъ удѣльнымъ вѣсомъ,—или же эта оцѣнка свободна, не стѣснена никакими предустановленными правилами и покоится исключительно на внутреннемъ убѣжденіи судьи. Въ первомъ случаѣ господствуютъ правила подобныя тѣмъ, которыя начертаны въ нашихъ законахъ о судопроизводствѣ во второй части XV-го тома. На основаніи ихъ виновность признается лишь при

совершенныхъ доказательствахъ. Къ совершеннымъ доказательствамъ относится, прежде всего, собственное сознаніе, а потомъ свидѣтельскія показанія, по правдивость ихъ измѣряется внѣшними признаками. Не имѣло, поэтому, для стараго суда цѣны показаніе «явнаго прелюбодѣя» или «портившаго тайно межевые знаки», или «иностранца, поведеніе котораго неизвѣстно», да и въ присяжныхъ показаніяхъ отдавалось преимущество знатному предъ незнатнымъ, духовному предъ свѣтскимъ, мужчинѣ предъ женщиною, и т. д.

Теорія формальныхъ доказательствъ властно и нераздѣльно господствовала въ старомъ судѣ. Подъ ея покровомъ вершились иногда уголовныя дѣла, содержаніе которыхъ и теперь, по прошествіи многихъ лѣтъ, волнуетъ при знакомствѣ съ нимъ и оставляетъ трудно забываемыя чувства нравственной неудовлетворенности и оскорбленной справедливости. Выдвигаемое этою теоріей на первый планъ, какъ «лучшее доказательство всего свѣта», собственное сознаніе обвиняемаго имѣло очень часто пагубное вліяніе и на ходъ дѣла, и на его исходъ: на ходъ дѣла—потому что зачастую всѣ усилія слѣдователей направлялись къ тому, чтобы такъ или иначе, подъ часъ самыми противозаконными способами и пріемами, добиться отъ обвиняемаго сознанія и тѣмъ «упростить» дѣло; на исходъ дѣла—потому что при массѣ косвенныхъ уликъ, при вопіющей изъ дѣла житейской правдѣ, но при отсутствіи заранѣе предусмотрѣнныхъ, условныхъ, измѣренныхъ и взвѣшенныхъ формальныхъ доказательствъ умѣвшій не сознаваться злодѣй выходилъ изъ суда обѣленнымъ или, въ лучшемъ случаѣ, оставленнымъ «въ подозрѣніи» и занималъ въ обществѣ, привыкшемъ быть «къ добру и злу постыдно равнодушнымъ», прежнее положеніе. Притомъ, теорія формальныхъ доказательствъ давала возможность постоянныхъ сдѣлокъ съ совѣстью, ставя многое въ зависимость отъ темперамента судьи. Молодой, съ желаніемъ по возможности добиться справедливости, судья, чувствуя виновность подсудимаго, раскрывая ее въ рядѣ побочныхъ обстоятельствъ, но не имѣя предъ собою ни собственнаго его сознанія, ни двухъ присяжныхъ свидѣтелей, старался найти нѣкоторое примиреніе съ совѣстью въ оставленіи виновнаго въ сильномъ подозрѣніи; судья, «въ приказахъ посѣдѣлый», привыкшій со скучающимъ равнодушіемъ «спокойно зрѣть на правыхъ и виновныхъ», безъ смущенія подписывалъ подсовываемые секретаремъ приговоры *объ освобожденіи отъ суда и слѣдствія*. Поэтому не было никакой устойчивости въ уголовныхъ приговорахъ, и Ровинскій съ горечью указывалъ въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда на рядъ примѣровъ вопіющей несправедливости и взаимнаго противорѣчія приговоровъ по одному и тому же дѣлу. Очевидно, что основанія опредѣленій виновности, связанныя съ теоріей формальныхъ доказательствъ, приходилось отвергнуть безусловно. Оставалась свобода внутренняго убѣжденія судьи, ничѣмъ, кромѣ чувства долга, не стѣсняемая въ оцѣнкѣ всѣхъ законнымъ способомъ добытыхъ уликъ и доказательствъ. Лучшимъ средствомъ для выработки этого убѣжденія служитъ осуществленіе обвинительнаго начала—а оно связано съ судомъ присяжныхъ, который является наиболѣе яркимъ представителемъ суда по убѣжденію совѣсти.

Такимъ образомъ, вопросъ о введеніи въ Россіи суда присяжныхъ невольно вырисовывался при устраненіи возможности продолжать отправленіе уголовнаго правосудія съ «лучшимъ доказательствомъ всего свѣта» въ рукахъ. Хотя въ литературѣ еще съ 1858-го года раздавались голоса о преимуществахъ суда присяжныхъ, но среди многихъ представителей бюрократической Россіи, относившихся къ собственной правовой исторіи какъ къ чему-то чуждому и имѣющему лишь археологическій интересъ, идея о судѣ присяжныхъ въ Россіи должна была представляться совершеннымъ и притомъ безпочвеннымъ новшествомъ. Учрежденіе, слѣдовъ котораго нельзя было найти ни въ «Сводѣ», ни даже въ «Полномъ собраніи законовъ», и введеніе котораго въ континентальной Европѣ совпадало съ большими политическими потрясеніями, едва ли могло разсчитывать на горячую рекомендацію и благосклонный пріемъ со стороны этихъ лицъ.

Ровинскій смотрѣлъ на дѣло иначе. Ему принадлежитъ огромная заслуга прямой и твердой постановки этого вопроса. Онъ первый изъ лицъ, призванныхъ высказаться относительно судебнаго преобразованія, имѣлъ рѣшимость сказать, что для того, чтобы имѣть не впадающій въ рутину судъ по совѣсти, надо обратиться къ учрежденію *суда присяжныхъ*.

Особенно сильнымъ противникомъ суда присяжныхъ былъ, въ своей объяснительной запискѣ, графъ Блудовъ. Онъ ясно сознавалъ неизбѣжность выбора между судомъ по предустановленнымъ доказательствамъ и судомъ присяжныхъ, но и обвинительное начало, и эта форма суда казались ему преждевременными. Высокое оффиціальное положеніе графа Блудова, пріобрѣтенный имъ почти непререкаемый авторитетъ въ дѣлахъ законодательства и глубокое его образованіе придавали его мнѣнію особенный вѣсъ, дѣлая его серьезнымъ и опаснымъ противникомъ.

Ровинскій идетъ въ своихъ возраженіяхъ шагъ за шагомъ по пути, которымъ шелъ Блудовъ. Прежде всего онъ останавливается на непризнаніи за русскимъ народомъ способности со справедливою строгостью смотрѣть на преступленіе. «Чтобы нашъ народъ смотрѣлъ на преступленіе снисходительно и признавалъ преступника *только несчастнымъ*, то предположеніе это»—писалъ Ровинскій въ запискѣ объ устройствѣ уголовнаго суда,—«противорѣчитъ всѣмъ извѣстному факту, что преступники, пойманные народомъ на самомъ мѣстѣ преступленія, поступаютъ въ руки полиціи не иначе, какъ избитые и изувѣченные. На этомъ основаніи можно бы обвинить народъ скорѣе въ противоположномъ; но и это будетъ несправедливо,—народъ бьетъ пойманнаго преступника просто въ видѣ наказанія и потому единственно, что не имѣетъ никакого довѣрія *ни къ добросовѣстности полиціи*, которая можетъ замять дѣло, *ни къ правосудію* судей, которые на точномъ основаніи теоріи уликъ и совершенныхъ доказательствъ могутъ освободить явнаго преступника отъ всякаго взысканія. Что народъ смотритъ съ состраданіемъ на преступника, уже наказаннаго плетьми и осужденнаго на каторгу и ссылку, и, забывая все сдѣланное имъ зло, несетъ ему щедрыя подаянія вещами и деньгами—это правда. Что народъ жалѣетъ подсудимыхъ, просиживающихъ на основаніи теоріи уликъ и доказательствъ годы и десятилѣтія, въ явное разореніе своего семейства и государственной казны—и это правда. За это состраданіе слѣдовало бы скорѣе признать за народомъ *глубокое нравственное достоинство*, нежели обвинять его въ недостаткѣ юридическаго развитія».

Жизнь Ровинскаго, исполненная вдумчивой наблюдательности и изученія, давала ему фактическія основанія высказывать свой взглядъ на причины такого отношенія народа къ осужденному. Въ его «Русскихъ народныхъ картинкахъ» есть цѣлый рядъ интереснѣйшихъ замѣчаній, посвященныхъ тѣмъ причинамъ, по которымъ въ народѣ вѣками выработалось милосердное отношеніе къ наказанному преступнику и вообще «къ заключенному».

Народу изъ массы повторяющихся примѣровъ было извѣстно, какъ тяжко продолжительное *тюремное сидѣніе*, въ которомъ даже и виновный—а сидѣвшій далеко не всегда былъ таковымъ,—съ избыткомъ искупалъ свою вину еще до суроваго приговора, его постигавшаго. Десятки лѣтъ пребыванія подъ стражею вовсе не были особо исключительнымъ явленіемъ. Напечатанная по повелѣнію императрицы Екатерины II лубочная картинка, изображающая обрядъ всенароднаго покаянія убійцъ Жуковыхъ, касается дѣла, по которому даже состоявшійся о пяти подсудимыхъ приговоръ (четверо остальныхъ умерли отъ пытки) не былъ приведенъ въ исполненіе въ теченіе *двѣнадцати* лѣтъ, при чемъ осужденные содержались въ тяжкомъ заточеніи въ ожиданіи смертной казни, замѣненной впослѣдствіи, въ силу указа императрицы Елисаветы, ссылкою въ монастырь и на каторгу. Но и черезъ сто лѣтъ Ровинскій указывалъ, по своей практикѣ губернскаго прокурора, на необходимость принятія самыхъ энергическихъ мѣръ къ уменьшенію *многолѣтняго* сидѣнья въ тюрьмахъ *подслѣдственныхъ* арестантовъ, приводя въ примѣръ участь нѣкоего Вокатріо, просидѣвшаго подъ слѣдствіемъ болѣе четырехъ лѣтъ въ московскомъ губернскомъ замкѣ, «за справками». Въ промежуткѣ отъ Жуковыхъ до Вокатріо Екатерина II написала, по выраженію Ровинскаго, энциклопедически-либеральный проектъ объ улучшеніи нашихъ темницъ и построила нѣсколько каменныхъ замковъ, но замки эти были каплею въ морѣ, и тюрьмы по прежнему оставались мѣстомъ, гдѣ потребности заключеннаго на долгіе годы въ воздухѣ, свѣтѣ, а въ первое время и въ пищѣ, вовсе не принимались въ разсчетъ. Народная картинка первой половины XVIII вѣка, находящаяся въ собраніи Ровинскаго, представляетъ типическую темницу того времени, съ надписью: «въ темницѣ бѣхъ». Въ примѣчаніи по поводу этой картинки Ровинскій говоритъ: «какъ извѣстно, преступники, дожидаясь суда и наказанія, сидѣли въ темницахъ, часто подземныхъ, и тюрьмахъ (отъ слова Thurm — башня), сибиркахъ, острогахъ, а равно и въ болѣе упрощенныхъ мѣстахъ заключенія, носившихъ названія порубовъ, погребовъ, ямъ и каменныхъ мѣшковъ, въ которыхъ нельзя ни стать, ни лечь. Здѣсь заключенные, или колодники, сидѣли, смотря по важности обвиненія, или въ деревянныхъ колодкахъ, отъ которыхъ назывались колодниками, или скованные желѣзомъ по рукамъ и ногамъ; на шею надѣвались имъ рогатки; особенно важные преступники приковывались цѣпью къ стулу, то есть къ деревянной колодѣ, пуда въ два вѣсомъ, или же приковывались къ стѣнѣ; самоважнѣйшимъ вкладывали во рты деревянные клинья, чтобы они не могли говорить. Древнія тюрьмы наши были тѣсны и грязны, накоплялось въ нихъ народу тьма тьмущая: одни ожидали суда, другіе—наказанія».

Но и въ первой четверти XIX столѣтія тюрьмы и вообще положеніе арестантовъ были не лучше. Записки англійскаго филантропа Венинга и квакеровъ Аллена и Грелле, поданныя императору Александру I,—свѣдѣнія, *относящіяся* къ началу тюремной благотворительной дѣятельности въ Москвѣ доктора Гааза,—и нѣкоторые оффиціальные памятники изъ дѣлъ того времени рисуютъ самую безотрадную картину положенія тюремнаго дѣла передъ учрежденіемъ, въ концѣ двадцатыхъ годовъ, попечительнаго о тюрьмахъ общества. Даже въ столицахъ полутемныя, сырыя, холодныя и невыразимо грязныя тюремныя помѣщенія были свыше всякой мѣры переполнены арестантами, безъ различія возраста и рода преступленія. Отдѣленіе мужчинъ отъ женщинъ осуществлялось очень неудачно; дѣти и неисправныя должницы содержались вмѣстѣ съ проститутками и закоренѣлыми злодѣями. Все это тюремное населеніе было полуголодное, полуголое, лишенное почти всякой врачебной помощи. Въ этихъ школахъ взаимнаго обученія разврату и преступленію господствовали отчаяніе и озлобленіе, вызывавшія крутыя и жестокія мѣры обузданія: колодки, приковываніе къ тяжелымъ стульямъ, ошейники со спицами, мѣшавшими ложиться и т. п. Препровожденіе ссыльныхъ въ Сибирь совершалось на желѣзномъ прутѣ, продѣтомъ сквозь наручники скованныхъ попарно арестантовъ. Подобранные случайно, безъ соображенія съ ростомъ, силами, здоровьемъ и родомъ вины, ссыльные, отъ 8 до 12 человѣкъ на каждомъ прутѣ, двигались между этапными пунктами, съ проклятіями таща за собою ослабѣвшихъ въ дорогѣ, больныхъ и даже умершихъ. Устройство пересыльныхъ тюремъ было еще хуже, чѣмъ устройство тюремъ срочныхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что и въ 1863-мъ году положеніе тюремъ въ районѣ будущаго московскаго судебнаго округа было, по донесенію Ровинскаго, крайне неудовлетворительно и представляло многія «безобразія». Въ тогдашнемъ тюремномъ управленіи было огромное количество начальниковъ всякаго рода, сталкивавшихся у одного дѣла, почему совершенно отсутствовали *настоящіе* дѣятели. Управленіе путями сообщенія и публичными зданіями отняло у тюремныхъ комитетовъ право самимъ производить ремонтъ тюремъ, вслѣдствіе чего развелась многосложная переписка о каждой печкѣ, рамѣ и балкѣ, а зданія пришли въ упадокъ. Оканчивая свой отчетъ, Ровинскій говоритъ, что почти каждое слѣдствіе сопровождается предварительнымъ арестомъ обвиняемаго, а мѣсто, гдѣ онъ содержится, такъ душно, сыро и смрадно, что арестъ обращается во многихъ случаяхъ въ каторжное наказаніе, соединенное съ разслабленіемъ здоровья и умственныхъ способностей.

Такое устройство и содержаніе тюремъ было не единственнымъ зломъ; другое и, конечно, не меньшее состояло въ господствѣ произвола при заключеніи въ тюрьму и въ необычной медленности уголовнаго дѣлопроизводства. Ровинскій приводитъ выписку изъ указа Анны Іоанновны, изъ которой видно, что въ 1737 году было освобождено «по многомъ держаніи» 420 колодниковъ, которые были забраны не за какіе-либо проступки, но «ради взятокъ и бездѣльныхъ корыстей». Даже и во второй четверти XIX-го столѣтія, по свидѣтельству его же, въ виду чрезвычайнаго накопленія арестантовъ, производились періодическія очищенія тюремъ назначеніемъ по 300 и болѣе человѣкъ въ *солдаты* и въ арестантскія роты *безъ суда*, сокращеннымъ порядкомъ. По этому поводу онъ разсказываетъ, что при одномъ изъ такихъ очищеній въ роспись мужчинъ ошибкою попала баба-татарка съ мужескимъ именемъ, въ родѣ Гоголевской «Елизаветъ Воробей»,—и ее назначили въ арестантскія роты. При исполненіи ошибка открылась, но никто не смѣлъ доложить о ней кому слѣдуетъ; такъ Елизаветъ Воробей и высидѣла свой срокъ, въ видѣ мужской персоны, только, за неспособностью ея къ арестантскимъ ротамъ—въ рабочемъ домѣ. Ровинскій пишетъ, что ему попадались тюрьмы, гдѣ гарнизонное начальство захватило въ свои руки всю власть и не пускало арестантовъ на дворъ освѣжиться воздухомъ. Въ одной изъ такихъ тюремъ содержались въ маленькихъ комнатахъ по 10—15 человѣкъ, воздухъ былъ зараженъ до послѣдней возможности, арестанты были истощенные и блѣдные, «а вѣдь все это люди, только лишь обвиняемые и, быть можетъ, вовсе не виновные». Представленіе объ арестантѣ, какъ *о несчастномъ*, слагалось у народа въ теченіе долгихъ лѣтъ и прочно укоренилось еще въ XVIII столѣтіи. Несомнѣнно,

что въ связи съ мыслью о тяжести тюремнаго сидѣнія являлась у народа и мысль о пыткахъ, неразрывно связанныхъ съ нашимъ старымъ процессомъ; хотя онѣ и были уничтожены секретнымъ указомъ губернаторамъ въ 1767-мъ году, но продолжали неоффиціально существовать подъ именемъ допроса «съ пристрастіемъ» до царствованія Александра I, который уничтожилъ самое названіе пытки, «какъ стыдъ и укоризну человѣчеству наносящее». Народъ, однако, не могъ забыть о пыткахъ, которымъ подвергались обвиняемые, еще и потому, что почти до конца XVIII вѣка у насъ колодниковъ посылали «на связкахъ» каждый день собирать подаяніе на пропитаніе по улицамъ и площадямъ, при чемъ пытанные, для возбужденія состраданія, ходили въ рубищахъ, пропитанныхъ запекшеюся кровью, и показывали народу свои раны. Въ народныхъ поговоркахъ сказалось это господство пытокъ въ нашемъ старомъ процессѣ: выраженія «согнуть въ три погибели», «выпытать всю подноготную» и т. п. несомнѣнно указываютъ на пыточные пріемы для полученія сознанія. Установители нашихъ старинныхъ пытокъ не отличались такою изобрѣтательностью и систематичностью, какъ наши западные сосѣди; наши пытки были жестоки, но проще и менѣе утончены, чѣмъ, напримѣръ, подробно описанныя, съ тщательными рисунками, въ австрійскомъ кодексѣ Маріи-Терезіи. Тѣмъ не менѣе, нельзя безъ невольнаго содроганія читать приводимую Ровинскимъ въ «Народныхъ картинкахъ» справку изъ дѣлъ тайной канцеляріи (1735—1754 гг.), составленную для императрицы Екатерины II, съ описаніемъ «обряда, како обвиненный пытается», и съ подробнымъ описаніемъ какъ пріемовъ мученія, отъ которыхъ «оный злодѣй весьма изумленнымъ бываетъ», такъ и способовъ усугубленія ихъ, «дабы оный болѣе истязанія чувствовалъ».

Но не на одно долговременное и изнурительное тюремное сидѣніе, въ связи съ пытками, какъ на поводъ къ сострадательности народа къ *несчастнымъ*, указывалъ Ровинскій. Онъ говорилъ и о жестокихъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, производившихся публично и, конечно, пробуждавшихъ, наряду съ проявленіями кровожаднаго любопытства, и чувство глубокой жалости къ наказываемымъ. Въ живыхъ подробностяхъ описанія у Ровинскаго проводки сквозь строй сквозитъ, что онъ самъ имѣлъ несчастіе видѣть картину этого наказанія, при чемъ нерѣдко уже пятьсотъ ударовъ шпицрутенами составляли замаскированную и вмѣстѣ съ тѣмъ квалифицированную смертную казнь.

Въ то время, когда графъ Блудовъ находилъ возможнымъ отрицать за русскимъ народомъ способность добросовѣстно исполнять судейскія обязанности, потому что у него существуетъ представленіе о «несчастномъ»,—ужасныя картины, въ родѣ нарисованной Ровинскимъ, въ разныхъ видоизмѣненіяхъ были еще явленіемъ, которое считалось обыкновеннымъ и вполнѣ цѣлесообразнымъ. Если все это могло лишь закрѣплять въ народѣ его трогательное отношеніе къ «несчастному», нисколько не доказывая, что народу чужда идея справедливаго суда за преступленіе, то, съ другой стороны, господство въ нашей карательной системѣ тѣлесныхъ наказаній посеяло во многихъ мыслящихъ и сердечныхъ людяхъ отвращеніе къ этому способу возмездія и страстное желаніе поскорѣе увидѣть его уничтоженіе. Къ такимъ людямъ надо отнести, прежде всего, князя Н. А. Орлова, которому принадлежитъ починъ возбужденія въ оффиціальныхъ сферахъ вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Къ такимъ же людямъ принадлежалъ и Ровинскій. Отмѣна тѣлесныхъ наказаній сдѣлалась своего рода «caeterum censeo» всѣхъ его работъ по поводу судебнаго преобразованія. Въ запискѣ объ улучшеніяхъ слѣдственной части онъ настаивалъ на необходимости вступленія суда на новый путь, свободный отъ обязанности подписывать приговоры о примѣненіи этого позорнаго наказанія; въ запискѣ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія онъ указывалъ практическіе способы его замѣны, даже безъ ломки существовавшей лѣстницы наказаній. Онъ какъ бы впередъ отвѣчалъ тѣмъ, кто, опираясь на черствый и безжизненный консерватизмъ въ законодательствѣ, сталъ бы говорить о невозможности уничтоженія тѣлеснаго наказанія безъ пересмотра всего уложенія о наказаніяхъ, дѣла весьма сложнаго и притомъ едва ли своевременнаго, и т. д., и т. д. «Уничтожьте тѣлесныя наказанія, какъ прибавку къ нормальному наказанію» — писалъ Ровинскій,— «и упраздните арестантскія роты и рабочіе дома, этотъ разсадникъ тунеядцевъ, живущихъ на земскій счетъ; организуйте переселенія нынѣ приговариваемыхъ къ содержанію въ нихъ прямо въ Сибирь и отдаленныя губерніи, и наказаніе сдѣлается средствомъ упрочить общественную безопасность и предупреждать преступленія, давая виновному возможность исправиться и сдѣлаться полезнымъ въ новой для него средѣ, а не обрекая его на вынужденное бездѣйствіе въ растлѣвающей и развращенной тюремной средѣ».

Когда свершилась, въ 1863-мъ году, съ тревожной надеждою жданная имъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній, Ровинскій съ жаромъ привѣтствовалъ ее и до конца дней съ любовью вспоминалъ объ этомъ времени своей общественной жизни. Уже въ 1881-мъ году, когда и другая его мечта, о судѣ присяжныхъ, была давно осуществлена, онъ, описавъ въ «Народныхъ картинкахъ» виды и способы выполненія наказаній «на тѣлѣ», говоритъ: «съ полнымъ спокойствіемъ можемъ мы смотрѣть на это кровавое время, ушедшее отъ насъ безвозвратно, и говорить и о жестокихъ пыткахъ, и о татарскомъ кнутѣ и о нѣмецкихъ шпицрутенахъ: народу данъ судъ присяжныхъ, при которомъ слѣдователю незачѣмъ добиваться отъ обвиняемаго «чистосердечнаго признанія»,—сознавайся не сознавайся, а если найдутъ, что виноватъ, обвиненъ всетаки будешь,—а затѣмъ нѣтъ надобности прибѣгать ни къ пыткамъ, ни къ пристрастнымъ допросамъ. Отмѣненъ кнутъ, уничтожены шпицрутены, не смотря на то, что кнутофилы 1863 года, точно такъ же какъ и собраты ихъ въ 1767 году, вопили нестройнымъ голосомъ прежнюю пѣсню, «что теперь-де никто, ложась спать вечеромъ, не можетъ поручиться, живъ ли встанетъ поутру, и что ни дома, ни въ постели не будетъ безопасности отъ злодѣевъ», и что къ этимъ вопителямъ прибавились еще другіе, которымъ померещилось, что-де всякая дисциплина съ уничтоженіемъ шпицрутеновъ рушится... «Все смятошася и вотще прорекоша»! Миръ и тишина остались и въ домѣ, и въ постели; спать даже стали больше и крѣпче прежняго; дисциплина тоже не пострадала. Кнутъ и шпицрутены и даже розги исчезли изъ военнаго и судебнаго міра, а съ ними и замаскированная смертная казнь, въ самомъ гнусномъ ея видѣ... И не забудетъ русскій народъ этого кровнаго дѣла и никакое время не изгладитъ изъ народной памяти *святое имя* его дѣлателя!» прибавляетъ онъ въ благодарномъ воспоминаніи объ Александрѣ II, котораго онъ въ «Словарѣ гравированныхъ портретовъ» (I, 231, IV, 417) называетъ величайшимъ и человѣчнѣйшимъ изъ царей русскихъ.

Солидарный съ народомъ во взглядахъ, Ровинскій относился, подобно ему, скептически и къ содержанію въ тюрьмахъ, хотя бы и устроенныхъ съ разнообразными современными улучшеніями. «Дайте провинившемуся собрату *настоящую возможность*

исправиться, — писалъ онъ еще въ 1851-мъ году—дайте ему трудомъ загладить прошедшее, а не стройте для него ваши грозныя тюрьмы, въ которыхъ, какъ вы сами увѣрены въ этомъ, *никто* еще не исправился, и которыя лягутъ новымъ тяжелымъ гнетомъ на бѣдный народъ и въ денежномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Да еще въ иной тюрьмѣ, выстроенной съ новыми усовершенствованіями, говорятъ, умираетъ въ годъ отъ 27 до 30 процентовъ непривыкшаго къ этимъ усовершенствованіямъ народа... Много сдѣлано хорошаго въ судебномъ дѣлѣ», заключаетъ Ровинскій, какъ бы возобновляя свой старый споръ съ Блудовымъ,—«но многое еще остается сдѣлать, чтобы народъ не вправѣ былъ смотрѣть на заключеннаго какъ на *несчастнаго!*».

Но не одно сострадательное отношеніе народа къ «несчастнымъ» приводилось Блудовымъ какъ доводъ противъ введенія у насъ суда присяжныхъ. Указывалось на отсутствіе или полное неразвитіе въ народѣ чувства законности. Противъ этого невозможно было въ то время спорить; съ этимъ надо было серьезно считаться. Такъ и поступилъ Ровинскій, прямодушно признавъ, что понятія о правѣ, обязанностяхъ и законѣ въ народѣ неразвиты и неясны, что нарушеніе чужихъ правъ, въ особенности посягательство на чужую собственность, считается многими самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Но онъ признавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что такое печальное явленіе, выражающееся въ массѣ кражъ, многіе виды которыхъ освящены обычаями или даже узаконились отъ давности, начиная отъ ежедневной порубки въ казенныхъ лѣсахъ и кончая колоссальными хищеніями при подрядахъ на строительныя работы и всякія поставки, зависитъ не отъ неразвитости народныхъ массъ, которыя ни въ одномъ государствѣ не могутъ похвалиться ни юридическимъ образованіемъ, ни высшею способностью къ тонкому анализу и логическимъ выводамъ, о которыхъ говорилось въ общей объяснительной запискѣ Блудова. «Если юридическое образованіе и высшая способность къ тонкому анализу и дѣйствительно составляютъ удѣлъ однихъ иностранцевъ»—писалъ Ровинскій въ 1861-мъ году,—«то почему эта господа, перебравшись на нашу почву, такъ скоро осваиваются съ нашими порядками, смѣтами, доходными статьями и экономіями... и такъ быстро теряютъ и юридическое образованіе, и высшую способность къ тонкому анализу? Причина этой грязи коренится гораздо глубже; въ большинствѣ случаевъ человѣкъ остороженъ тогда, когда за поступками его слѣдитъ общество, у котораго есть возможность законнымъ путемъ порицать и наказывать его. Какой же осторожности можно ожидать отъ человѣка тамъ, гдѣ общественное мнѣніе еще совсѣмъ не сложилось и гдѣ попытка надзора со стороны общества еще такъ недавно преслѣдовалась наравнѣ со скопомъ и заговоромъ? Правительство должно дать законный исходъ общественному мнѣнію, имъ самимъ затронутому и возбужденному. Оно должно заставить общество разбирать и осуждать поступки собственныхъ членовъ, оно должно посредствомъ такого суда слить свои интересы съ нуждами общества. Говорятъ, что введеніе такого суда присяжныхъ у насъ преждевременно, что народу и обществу предстоитъ, прежде всего, юридическое развитіе и т. д. Мы же, напротивъ, убѣждены, что такой судъ, строгій, гласный и всѣми уважаемый, долженъ предшествовать всякому юридическому развитію и общества, и самихъ судей, что только въ немъ народъ научится *правдѣ* и перестанетъ открыто признавать кражу за самое обыкновенное дѣло».

Одновременно съ работами законодательнаго характера, наступала пора приготовить себя и окружающую среду къ введенію новаго судебнаго устройства. Въ *ноябрѣ* 1862-го года Ровинскому было объявлено Высочайшее повелѣніе о собраніи всѣхъ необходимыхъ свѣдѣній для разрѣшенія вопроса о введеніи новыхъ судебныхъ учрежденій въ округѣ будущей Московской судебной палаты. Окруживъ себя дѣятельными сотрудниками, строго опредѣливъ, до малѣйшихъ подробностей, плапъ занятій, онъ собралъ къ концу 1863-го года массу разнообразнѣйшихъ и въ высшей степени наглядныхъ и интересныхъ данныхъ по всѣмъ вопросамъ, возникавшимъ при переходѣ отъ стараго порядка къ новому. Данныя эти и соотвѣтствующія имъ таблицы вошли въ составъ двухъ обширныхъ томовъ in quarto. Трудъ этотъ, при своей громадности, могъ бы быть сухимъ и безжизненнымъ. Но Ровинскій вносилъ во все живую струю: свѣдѣнія, имъ собранныя, представляютъ яркую и весьма вразумительную картину всей несостоятельности разрушаемаго судебнаго строя и всей настоятельности созидаемаго на новыхъ началахъ.

Освобожденіе крестьянъ, отмѣна тѣлесныхъ наказаній и учрежденіе новаго суда осуществили завѣтныя мечты Ровинскаго. Но говорить: «нынѣ отпущаеши раба Твоего съ миромъ» было еще рано. Съ высоты трона былъ сдѣланъ смѣлый и великодушный посѣвъ. Надо было охранить и направить его всходы. Слѣдовало идти служить примѣненію новаго дѣла на практикѣ. Ровинскій такъ и сдѣлалъ.

Назначенный 4 февраля 1866 года прокуроромъ вновь образуемой Московской судебной палаты, Ровинскій бодро и горячо принялся за новую работу. Онъ не скрывалъ отъ себя ея трудностей. Помимо организаціи прокурорскаго надзора на совершенно новыхъ началахъ въ семи центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, помимо косвеннаго, но многосложнаго и разнороднаго участія въ устройствѣ общихъ судебныхъ установленій, помимо надзора за правильнымъ ходомъ практическаго осуществленія мировой выборной юстиціи, прокурору палаты приходилось быть главнымъ посредникомъ между министерствомъ юстиціи и административными мѣстами и лицами, устраняя и разъясняя многія недоразумѣнія, принимавшія иногда очень острый характеръ.

Существуетъ великая разница между теоретическимъ отрицаніемъ и практическимъ отреченіемъ. Первое достигается безъ труда и совершается съ *легкимъ* сердцемъ; второе осуществляется съ болью, съ оглядкой назадъ, нерѣшительно и *скрѣпя* сердце. Теоретическое отрицаніе стараго, отжившаго суда находило себѣ вездѣ готовую почву. Но когда оно перешло въ жизнь и на смѣну старыхъ судебныхъ порядковъ авторитетно и рѣшительно вдвинулся въ русскій общественный обиходъ новый судъ, теоретическія симпатіи стали очень часто смѣняться практическимъ недовольствомъ. Новый судъ вышелъ изъ прежняго подчиненнаго и второстепеннаго положенія. Онъ сталъ вести свое дѣло самостоятельно и независимо отъ сторонпихъ вліяній, повсюду внося начало равенства предъ закономъ и осуществляя его въ непривычныхъ формахъ одинаково вѣжливаго со всѣми предстоящими, «не взирая на лица», обращенія. Это шло въ разрѣзъ со старыми традиціями и многихъ смущало и возмущало. Для иныхъ всѣ эти новшества казались нарушеніемъ необходимаго *общественнаго* равновѣсія, для другихъ—*оскорбительнымъ отрицаніемъ* ихъ личныхъ заслугъ, для третьихъ—ограниченіемъ ихъ власти и, по ихъ мнѣнію, всегда доброжелательнаго ихъ усмотрѣнія. Приходилось вдумываться въ свои *дѣйствительныя* права, изучать кругъ новыхъ обязанностей, указанныхъ Судебными Уставами, требовать инструкцій для подчиненныхъ, и все

это отъ новыхъ людей, говорившихъ необычнымъ языкомъ и державшихся дружною семьею, которую объединяло нѣчто большее, чѣмъ обыденный служебный трудъ и полученіе жалованья. Притомъ эти новые дѣятели—правда, въ болѣе узкой сферѣ, чѣмъ старый губернскій прокуроръ, но за то болѣе настойчиво и безъ колебаній—ссылались на законъ, написанный въ ихъ «слоеномъ пирогѣ» (такъ въ шутку были названы Судебные Уставы, обрѣзъ отдѣльныхъ частей которыхъ при переплетѣ окрашивался разною краскою). Это стѣсняло и раздражало, тѣмъ болѣе, что законъ для нѣкоторыхъ переставалъ уже быть молчаливымъ незнакомцемъ, дремавшимъ на страницахъ многотомнаго «Свода» и откликавшимся лишь когда требовалась его услужливая помощь, а начиналъ являться какъ Пушкинскій «незваный гость, докучный собесѣдникъ». Отсюда рядъ разнообразнѣйшихъ пареканій и неудовольствій, которыми полны цѣлые томы архива министерства юстиціи за 1866 и 1867 годы. Нужно было много ума, такта, выдержки и любви къ дѣлу, чтобы разъяснять и распутывать всѣ эти случаи, твердо охраняя начала новаго судебнаго устройства и въ то же время «не поровя своимъ», которые въ первое время впадали подчасъ въ крайности и ошибались, увлекаемые новизною своего положенія.

Вслѣдствіе того и вопросъ о личномъ составѣ прокуратуры пріобрѣталъ особое значеніе. Надо было найти и направить людей, одинаково умѣющихъ внушить къ себѣ уваженіе въ судѣ и внѣ суда, стойкихъ безъ рѣзкости, умѣлыхъ безъ заносчивости. При этомъ найти ихъ нужно было въ большомъ количествѣ, ибо для Московскаго округа требовалось 10 прокуроровъ и около 70 товарищей прокурора окружного суда, а направить ихъ приходилось на совершенно новое, не испытанное еще занятіе, въ которомъ, вопреки всему складу прежней русской жизни, словесное и притомъ публичное состязаніе играло одну изъ главныхъ ролей. Нужно было — уча, учиться. Участіе въ судебномъ слѣдствіи, перекрестный допросъ свидѣтелей и, въ особенности, судебныя пренія представлялись весною 1866-го года совершенно новымъ, одинаково необычнымъ дѣломъ какъ для молодого товарища прокурора, выступавшаго предъ уѣздными присяжными обвинителемъ по дѣлу о кражѣ со взломомъ, такъ и для главы прокуратуры всего судебнаго округа, прокурора судебной палаты, которому приходилось поддерживать обвиненіе противъ какого-либо чиновника пятаго класса, судившагося въ палатѣ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, за преступленіе по должности. Въ первый годъ существованія новыхъ судовъ Ровинскій постоянно участвовалъ не только въ засѣданіяхъ палаты по обвинительной камерѣ, но и въ публичныхъ ея засѣданіяхъ, своимъ примѣромъ показывая, *какъ* надо вести дѣло, являясь не только представителемъ обвинительной власти, но и толкователемъ процессуальныхъ законовъ, какъ одинъ изъ дѣятельныхъ участниковъ въ ихъ начертаніи. Это послѣднее обстоятельство придавало особую авторитетность его заключеніямъ и мнѣніямъ. Его рѣчь — живая и очень сжатая, безъ всякихъ цвѣтовъ краснорѣчія, содержательная по существу и простая по формѣ — выслушивалась съ особымъ вниманіемъ и всегда достигала своей цѣли. Онъ избѣгалъ всякихъ рѣзкостей и, никогда не впадая въ полемическій тонъ, старался не убѣдить другихъ во что бы то ни стало, но ясно и точно изложить *свое* убѣжденіе. Когда однажды, въ характеристикѣ весьма непривлекательнаго образа дѣйствій одного изъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ, у него, наряду съ описаніемъ фактической стороны дѣла, сорвался съ языка эпитетъ «безобразіе», онъ былъ этимъ искренно огорченъ и чрезвычайно встревоженъ. Не будучи ораторомъ, онъ умѣлъ дѣйствовать на слушателей спокойнымъ достоинствомъ своей рѣчи. Онъ не принадлежалъ къ мастерамъ слова, но за то никогда не забывалъ на трибунѣ великій завѣтъ Гоголя «обращаться со словомъ честно». Глава и руководитель московской прокуратуры и вмѣстѣ рядовой работникъ и *первый ученикъ* въ судебной практикѣ, Ровинскій несъ на себѣ въ первые годы реформы огромную, отвѣтственную и вліятельную работу.

Когда настало для Ровинскаго сознаніе, что первые всходы судебной реформы, въ которую онъ любовно вложилъ столько физическихъ и духовныхъ силъ, взошли благополучно, у него явилось право почувствовать, наконецъ, утомленіе и обратиться къ другимъ, менѣе тревожнымъ занятіямъ. Это онъ и сдѣлалъ, проработавъ еще годъ въ прокуратурѣ и принявъ затѣмъ болѣе спокойное званіе судьи, а именно занявъ съ 1-го марта 1868-го года должность предсѣдателя уголовнаго департамента московской судебной палаты. Немного болѣе двухъ лѣтъ пробылъ онъ судьею «по существу». Дѣятельность этого рода, особливо по обвинительной камерѣ, не видна и не замѣтна для публики, но трудъ, выполняемый въ этихъ, по большей части непубличныхъ, засѣданіяхъ — большой и нравственно-отвѣтственный. Для многихъ преданіе суду и привлеченіе на скамью подсудимыхъ въ нравственномъ отношеніи равносильно осужденію, да и вообще душевныя волненія, стыдъ и опасенія, сопряженныя съ необходимостью являться въ роли подсудимаго при гласномъ разборѣ дѣла, очень часто не проходятъ безслѣдно для оправданнаго и оставляютъ глубокія и болѣзненныя борозды въ его душѣ, не говоря уже о физическомъ здоровьѣ, иногда, помимо всего остального, подтачиваемомъ предварительнымъ, до суда, лишеніемъ свободы. Ровинскій отлично сознавалъ все это, и его руководящая дѣятельность по обвинительной камерѣ, его строгое, а подчасъ даже и придирчивое отношеніе къ оцѣнкѣ уликъ и доказательствъ по дѣламъ, гдѣ иногда приходилось предполагать возможность шантажа или корыстнаго преувеличенія обвиненія потерпѣвшими, служили здоровымъ противовѣсомъ увлеченіямъ въ пользу предвзятаго обвиненія.

2-го іюля 1870-го года Ровинскій былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента. Въ этомъ званіи онъ пробылъ четверть вѣка. Неизмѣнно трудолюбивый, онъ до самыхъ послѣднихъ дней своихъ не уклонялся отъ всей мелкой, кропотливой и подчасъ безжизненной въ своемъ отвлеченіи отъ «существа дѣла» кассаціонной работы, требующей отъ престарѣлаго судьи не только разрѣшенія вопроса, но и скучнаго механическаго труда. Человѣкъ долга, онъ выполнялъ его свято, отрываясь, вѣроятно не безъ сожалѣнія, отъ своихъ научныхъ и художественныхъ занятій, отъ созерцанія, изученія и истолкованія произведеній великихъ мастеровъ или проявленій народнаго творчества, чтобы приняться за изслѣдованіе — какіе формы и обряды нарушены при производствѣ дѣла о какой-нибудь перебранкѣ или правильно ли примѣненъ карательный законъ къ нарушенію статей какого-нибудь спеціальнаго — акцизнаго или таможеннаго — устава. Служебный долгъ требовалъ этого перехода отъ «широкихъ горизонтовъ» и возвышающихъ душу проявленій человѣческаго генія къ мелкой лужѣ съ житейскою тиною, грязью и корыстью, и онъ выполнялъ его свято.

Трудъ, который несъ Ровинскій въ сенатѣ, былъ очень большой. Достаточно сказать, что имъ *лично* разсмотрѣно, доложено и изложено, въ формѣ рѣшеній и подробныхъ мотиви-

дованныхъ резолюцій, всего 7825 дѣлъ. Всякій, кому знакома кассаціонная работа, и кто вѣдаетъ, сколько иногда усидчиваго труда по дѣлу и времени надо посвятить на то, чтобы, не жалѣя глазъ на разборъ небрежныхъ и неразборчивыхъ почерковъ, провѣрить и оцѣнить тотъ или другой кассаціонный поводъ, поймете, *что* значитъ эта почтенная цифра, особливо если онъ припомнитъ, что работу эту совершалъ въ послѣдніе годы человѣкъ съ надорванными силами, достигшій семидесяти лѣтъ и давно уже имѣвшій заслуженное право на полный отдыхъ... Въ разрѣшеніи дѣлъ Ровинскій постоянно оставался вѣренъ себѣ. Возможная теплота и человѣколюбіе въ существѣ рѣшенія, возможная краткость въ способѣ его изложенія были его руководящими правилами. Мотивированныя резолюціи, имъ написанныя, носили шутливое названіе «коротышекъ», но въ направленіи, которое давалось этими «коротышками» дѣлу, слышалась чуткая вдумчивость сердечнаго человѣка, насколько ей позволяли проявиться узкія рамки кассаціоннаго производства. Дѣло для Ровинскаго никогда не представлялось одною цвѣтною обложкою, заключавшею въ себѣ матеріалъ для отвлеченнаго отъ живого содержанія сужденія о существенности указываемыхъ нарушеній и соотвѣтствія этихъ указаній тому или другому пумеру рѣшеній уголовнаго кассаціоннаго департамента. Живой человѣкъ, со своими страданіями и паденіями, жалкій, хотя и преступный человѣкъ глядѣлъ на Ровинскаго изъ-за цвѣтной обложки. Было бы, однако, ошибочно думать, что онъ былъ поклонникомъ той жестокой чувствительности, благодаря которой у насъ нерѣдко совершенно исчезаютъ изъ виду обвиняемый и дурное дѣло, имъ содѣянное, а на скамьѣ подсудимыхъ сидятъ отвлеченные виновные, не подлежащіе карѣ закона и называемые обыкновенно средою, порядкомъ вещей, темпераментомъ, страстью и т. п. Подъ вліяніемъ увлеченія такой чувствительностью по отношенію къ виновному является своеобразная жестокость къ пострадавшему; къ нравственному и матеріальному ущербу, причиненному преступленіемъ, присоединяется еще обидное сознаніе, что *это* ничего не значитъ, что за *это* никакого судебнаго порицанія не слѣдуетъ и что законъ, грозящій злому и корыстному, есть мертвая буква, лишенная практическаго значенія. Корыстныя и обдуманно злыя, кровавыя преступленія находили въ Ровинскомъ строгаго судью. Стараясь по возможности вносить снисхожденіе въ разборъ дѣла о преступленіяхъ, вызванныхъ невѣжествомъ или тяжкими условіями матеріальнаго быта,—ограждая, по мѣрѣ силъ, свободу внутренняго міра человѣка въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи, покуда онъ не заявляетъ себя вредомъ или соблазномъ для другихъ, Ровинскій бывалъ даже суровъ по дѣламъ о жестокомъ обращеніи, преимущественно съ дѣтьми, по дѣламъ о злостныхъ банкротствахъ и т. п. Нужны были очень вѣскіе, неотразимые кассаціонные поводы, чтобы подвинуть его на отмѣну обвинительнаго приговора по такимъ дѣламъ. Наконецъ, онъ былъ *всегдашнимъ противникомъ всего* неопредѣленнаго и уклончиваго, вносимаго въ судебныя рѣшенія или узаконяемаго ими. Онъ одинъ изъ первыхъ сталъ настаивать на указаніяхъ судамъ, приговоры которыхъ отмѣнялись, не только на то, что ими неправильно примѣнена та или другая статья карательнаго закона къ установленному преступному дѣянію, но и на то, *какую именно* статью надо примѣнить. Справедливое отвращеніе живого человѣка отъ напрасныхъ недоумѣній и «волокиты» слышалось въ этомъ. Онъ же первый, въ одномъ изъ приговоровъ по дѣлу объ опозореніи въ печати, и твердо рѣшительно отнялъ у обвиняемаго обычное дотолѣ и коварное оружіе защиты, склонивъ сенатъ признать, что употребленіе словъ «говорятъ что»..., предшествующихъ иногда цѣлому потоку клеветы и злословія, не освобождаетъ ловкаго оскорбителя чужой чести отъ обязанности отвѣтить лично за несправедливость того, что, будто-бы, «говорятъ».

Отзывчивая и многосторонняя натура Ровинскаго и его оригинальная личность не могли не оставлять своего слѣда на всемъ, къ чему онѣ ни прикасались. Онъ былъ и по физической, и по нравственной своей природѣ похожъ на кремень, который, при каждомъ сильномъ прикосновеніи къ нему, сыпалъ искры. Но, быть можетъ, живыя проявленія этой натуры выразились бы и сложились въ значительной степени иначе, если бы судьба не заставила Ровинскаго провести свою молодость и зрѣлые годы въ Москвѣ, тогда еще не принявшей современной практической окраски, въ которой такъ сильно чувствуется господство разбогатѣвшаго полуобразованія. Когда старая Москва сороковыхъ годовъ приняла его въ свои нѣдра и ввела въ свои кружки, русская исторія, въ живыхъ памятникахъ и воплощеніяхъ, и народный бытъ со всѣми своими особенностями охватили его со всѣхъ сторонъ. Онъ отдался имъ со всею своею страстностью и съ неутолимою жаждою знанія. Все свободное свое время сталъ онъ посвящать изученію народной жизни и искусства. Служба развертывала предъ нимъ уголовную лѣтопись этой жизни, съ ея мрачными, печальными или тревожными страницами; арестантъ, съ которымъ онъ по должности былъ въ частомъ и не формальномъ только общеніи, представилъ предъ нимъ многочисленныя разновидности русскаго человѣка, по собственной винѣ или по несчастно сложившимся обстоятельствамъ попавшаго въ бѣду, а разносторонніе занятія стряпчаго и губернскаго прокурора дали ему возможность заглянуть въ тѣ стороны общественнаго быта, которыя слагались помимо, а иногда даже и вопреки бюрократическихъ указокъ. Много лѣтъ подъ рядъ онъ предпринималъ странствованія по городамъ, селамъ и проселочнымъ дорогамъ центральной и восточной Россіи, скромно одѣтый, непритязательный, съ самымъ лишь необходимымъ багажемъ. Чрезвычайная выносливость, крѣпкое здоровье и огромная физическая сила облегчали ему эти странствованія, давая возможность смѣло и безъ заботно проникать во многіе интересные захолустные уголки, гдѣ еще била ключемъ настоящая, безъ всякой «городской» примѣси, и не развращенная фабрикою народная жизнь. Благодаря этимъ странствіямъ, онъ проницательнымъ умомъ вникъ въ жизнь простого народа, чуткимъ сердцемъ понялъ его радости и перечувствовалъ его страданія, возлюбилъ его юморъ, его удаль, его доброту и простилъ ему его разгулъ. Вращаясь среди народа, онъ отрѣшился отъ условности и изнѣженности свѣтской жизни и «опростился» въ собственномъ образѣ жизни. Простая и даже бѣдная обстановка его жилища, скромная одежда, самая непритязательная пища стали обычной принадлежностью его домашняго быта. Только нездоровье или необходимость взять съ собою что-нибудь очень тяжелое заставляли его пользоваться услугами извозчика; только очень длинное разстояніе за городомъ вынуждало его нанять простую крестьянскую телѣжку. Простота и веселая непринужденность его обращенія невольно привязывали къ нему всѣхъ, кто имѣлъ къ нему дѣло или былъ ему подчиненъ. Свой завѣтъ судебнымъ слѣдователямъ въ 1860-мъ году: «будьте прежде всего *людьми*, а потомъ уже чиновниками» онъ осуществлялъ вполнѣ наглядно на самомъ себѣ. Поэтому внѣшнія отличія, чины и ордена не только не волновали его завистливою радостью, но

даже тревожили его своимъ вліяніемъ на молодежь. Онъ не разъ выражалъ горячее сочувствіе тѣмъ двадцати пяти членамъ коммиссіи, которые, при начертаніи Судебныхъ Уставовъ, полагали уничтожить личныя представленія къ наградамъ чиновъ судебнаго вѣдомства, возражая защитникамъ этого рода отличій, грозившимъ оскудѣніемъ, при отсутствіи наградъ, судебнаго персонала, что «если люди слишкомъ честолюбивые, гоняющіеся за знаками отличія, не будутъ добиваться судебныхъ должностей, то судебное вѣдомство можетъ отъ этого только выиграть, а не проиграть».

Если сказать знатоку, любителю и изслѣдователю исторіи искусства, что Ровинскій былъ *выдающимся дѣятелемъ*—онъ, конечно, съ этимъ безусловно согласится. Но если ему объяснить, что право на такое названіе пріобрѣтено имъ *общественными и служебными заслугами*—онъ будетъ, вѣроятно, немало удивленъ. Люди близкіе къ исторіи графическихъ искусствъ, давно и безспорно считающіе Ровинскаго замѣчательнымъ человѣкомъ, оставившимъ по себѣ неизгладимый слѣдъ, конечно далеки отъ мысли, что онъ столь много значилъ и сдѣлалъ въ другой, совершенно чуждой искусству области. Для нихъ болѣе чѣмъ достаточно его заслугъ именно въ области искусства. И они, со своей точки зрѣнія, правы. Стоитъ припомнить, что Ровинскій одинъ, собственными трудами и путемъ большихъ матеріальныхъ жертвъ собралъ и выпустилъ рядъ слѣдующихъ изданій: «Исторію русскихъ школъ иконописанія»; «Русскіе граверы и ихъ произведенія»; «Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ»; «Русскій граверъ Чемесовъ», съ 17-ю портретами; «Русскія народныя картины»; «Достовѣрные портреты Московскихъ государей», съ 47-ю рисунками; «Н. Н. Уткинъ, его жизнь и произведенія», съ 34-мя портретами и рисунками; «Виды Соловецкаго монастыря», съ 51 рисункомъ; «Матеріалы для русской иконографіи», 12 выпусковъ съ 480 рисунками; «Одиннадцать гравюръ Берсенева»; «Ѳ. И. Іорданъ»; «В. Г. Перовъ, его жизнь и произведенія»; «Сборникъ сатирическихъ картинъ»; «Полное собраніе гравюръ Рембрандта», съ 1000 фототипіями; «Полное собраніе гравюръ учениковъ Рембрандта и мастеровъ, работавшихъ въ его манерѣ», съ 478 фототипіями; «Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ». Сверхъ того, имъ сдѣланъ рядъ небольшихъ изданій, какъ напримѣръ «Виды изъ Привислянскихъ губерній», «Сатирическія азбучныя картинки 1812 года», «Посольство Сугорскаго» и т. п. Всѣ эти труды его были своевременно оцѣнены и высоко поставлены компетентными лицами и учрежденіями. Одно изданіе гравюръ Рембрандта—монументальный, дорогой и ставшій рѣдкостью трудъ, въ четырехъ томахъ—могло бы составить задачу цѣлой жизни, посвященной исторіи искусства. Оно съ восторгомъ было встрѣчено за границею и можетъ составлять предметъ нашей національной гордости. Русскій человѣкъ, безъ чьей-либо поддержки служившій государству вѣрою и правдой, нашелъ въ себѣ силу и неисякающую энергію, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ создать великому голландцу — «королю свѣто-тѣни»—памятникъ, котораго онъ не дождался отъ преслѣдующихъ художественныя цѣли учрежденій своей родины!

«Подробный словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ» состоитъ изъ 4 томовъ in quarto и представляетъ собою драгоцѣнный памятникъ для ознакомленія съ искусствомъ гравированія вообще и въ Россіи въ особенности, давая описаніе портретовъ 2-хъ тысячъ лицъ, въ какомъ-либо отношеніи привлекшихъ къ себѣ вниманіе современниковъ и потомства и закрѣпленныхъ гравировальнымъ рѣзцомъ. Эти описанія, составляя отчетъ о каждомъ портретѣ, съ массою точныхъ и мельчайшихъ техническихъ подробностей, потребовали, въ виду 10000 снимковъ, упоминаемыхъ въ книгѣ, поразительнаго по своей настойчивости и усидчивости труда. Но не для однихъ любителей гравюръ или ученыхъ изслѣдователей исторіи искусства даютъ эти четыре тома богатѣйшій матеріалъ. На 3086 столбцахъ этой книги, рядомъ съ разнообразными, всегда вполнѣ отчетливыми, а иногда и прямо прекрасными фототипіями, идутъ біографическія замѣтки, разсказы и указанія современниковъ. Въ нихъ содержится въ высшей степени интересный историческій и бытовой матеріалъ, рисующій и освѣщающій со многихъ сторонъ русскую жизнь и ея судьбы. Ровинскій терпѣть не могъ оффиціальныхъ классификацій. Его интересовалъ прежде всего человѣкъ, а не представляемая имъ особа, и онъ скептически подсмѣивался надъ разными «Пантеонами» и «Румхаллями». Поэтому, какъ онъ самъ говоритъ, ему было всё равно, «геній ты, или замѣчательный шутъ, великанъ или карликъ, разбойникъ, ученый, самодуръ-самоучка,—сдѣлалъ ты что замѣчательное въ жизни или просто промытарилъ ее, но есть съ тебя гравированный портретъ, ну и ступай въ Словарь, и ложись тамъ подъ свою букву».

И лежатъ подъ этими буквами, какъ на обширномъ кладбищѣ, самые разнообразные люди, а вмѣстѣ съ ними передъ глазами читателя лежитъ и прошлая русская жизнь во многихъ своихъ проявленіяхъ. Замѣтки Ровинскаго не имѣютъ претензіи на полноту или на опредѣленную систему. Это, по большей части, краткія, живыя характеристики, блестящія умомъ, вооруженнымъ громадною начитанностью и знаніемъ. Сжатая форма ихъ придаетъ имъ особую силу и совершенно исключаетъ всякую условность и дѣланный пафосъ. Вообще на трудахъ Ровинскаго нѣтъ ни малѣйшаго слѣда историческаго прислужничества, и потому его отзывы и оцѣнки звучатъ особою искренностью. Всѣ замѣтки кратки, а между тѣмъ есть подъ этимъ флагомъ цѣлые біографическіе очерки, выдѣленіе которыхъ изъ «Словаря» и собраніе вмѣстѣ могло бы составить полную интереса книгу. Таковы, напримѣръ, очерки жизни и дѣятельности Александра I, Екатерины II, Дмитрія Самозванца и, въ особенности, Суворова. Этого рода очеркамъ можно, пожалуй, сдѣлать упрекъ въ излишней подробности, выходящей за предѣлы цѣлей «Словаря». Ровинскій предвидѣлъ возможность подобнаго упрека. Отвѣтъ на него содержится въ указаніи на отношеніе иконографіи къ исторіи. «Для насъ, *иконографовъ*—говоритъ онъ,—интересно имѣть не изображеніе Екатерины въ высокоторжественной позѣ, а настоящую, живую Екатерину, со всѣми ея достоинствами и недостатками. Мы хотимъ знать всякую мелочь, которою была окружена эта великая женщина; хотимъ знать, въ которомъ часу она вставала, когда садилась работать, что пила и ѣла за обѣдомъ, что дѣлала вечеромъ, какъ одѣвалась и куда ѣздила. Намъ до всего дѣло, мы хотимъ знать ея частную жизнь, даже прочесть ея интимныя записочки, хотимъ видѣть ее у себя дома—живую, умную, хитрую... можетъ быть и черезъ-чуръ страстную. Изъ короткаго знакомства со всѣми мелочами ея обихода мы болѣе, чѣмъ изъ всякой другой *Исторіи*, вынесемъ увѣренность, что легкія стороны ея домашней жизни не имѣли разслабляющаго вліянія на царственныя ея задачи, и еще болѣе полюбимъ эту великую женщину за ея безграничную любовь къ ея новому, русскому отечеству».

Портреты расположены безъ подраздѣленій на разряды, въ простомъ алфавитномъ порядкѣ, но IV-ый томъ, не считая

двухъ подробныхъ алфавитовъ, состоитъ, во-первыхъ, изъ восьми приложеній, заключающихъ въ себѣ исторію происхожденія гравированныхъ портретовъ и описаніе современнаго положенія этого дѣла у насъ, съ цѣлымъ рядомъ необходимыхъ для собирателей свѣдѣній и наставленій, и, во-вторыхъ,—изъ восьми главъ «Заключенія», въ которыхъ спеціальныя изслѣдованія (напримѣръ о способахъ гравированія на мѣди и о механическихъ способахъ портретнаго производства) чередуются съ полными живого интереса монографіями. Такъ напримѣръ, глава V-ая содержитъ очеркъ нашей дипломатіи и военнаго дѣла, въ ихъ «гравированныхъ» представителяхъ; глава VI-ая говоритъ о русской женщинѣ; глава VII-ая—о сатирическихъ картинкахъ.

«Словарь гравированныхъ портретовъ» изображаетъ *русскихъ людей* на различныхъ ступеняхъ общественной лѣстницы и въ разныя историческія эпохи. Но для полноты картины нужно изображеніе *русской жизни*,—нужно было собрать черты не *личныя*, а *бытовыя*, закрѣпленныя въ памяти народной тѣмъ или другимъ способомъ. Эту задачу выполнилъ Ровинскій въ другомъ своемъ классическомъ трудѣ, въ «Русскихъ народныхъ картинкахъ», изданныхъ въ 1881-мъ году, въ девяти томахъ, изъ которыхъ четыре заключаютъ въ себѣ 1780 картинокъ, а пять представляютъ объяснительный къ нимъ текстъ на 2880 страницахъ большого in-octavo. Въ этомъ изданіи, требовавшемъ для собранія матеріаловъ необычайной любви къ дѣлу и настойчивости, а также знанія, и сопряженномъ съ большими жертвами Ровинскій собралъ всѣ тѣ народныя картинки, которыя вышли въ свѣтъ до 1839-го года, т. е. до того времени, когда свободное народное художественное творчество было вставлено въ рамки оффиціальной цензуры. Въ этихъ картинкахъ проходитъ самыми разнообразными сторонами бытовая и духовная жизнь народа съ начала XVII-го по средину XIX-го вѣка. Въ наивныхъ изображеніяхъ народнаго рѣзца мы видимъ русскаго человѣка въ его отношеніяхъ къ семьѣ, къ окружающему міру, къ ученью, въ его религіозныхъ вѣрованіяхъ и поэтическихъ представленіяхъ, въ его скорбяхъ и радости, въ подвигахъ и паденіи, въ болѣзняхъ и развлеченіяхъ. Онъ предъ нами живой, говорящій о себѣ самъ, своимъ «краснымъ словомъ», сказкою и легендою—своеобразный, мощный и простосердечный, терпѣливый и страшный въ гнѣвѣ, шутливый и въ то же время вдумчивый въ жизнь и ея сокровенный смыслъ, съ добродушной проніей смотрящій на себя и на все окружающее и величаво-спокойный предъ лицомъ смерти. Это трудъ громадный, изъ каждой главы котораго свѣтится умъ алчущій и жаждущій свѣдѣній о своемъ, родномъ. По поводу тѣхъ или другихъ народныхъ картинъ приведены цѣлыя подробныя, самостоятельныя изслѣдованія, обширныя извлеченія изъ памятниковъ народной литературы, стройныя, построенныя на богатыхъ источникахъ и личномъ опытѣ и изученіи бытовыя и этнографическія картины. Кто прочелъ со вниманіемъ пять томовъ текста къ народнымъ картинкамъ, тотъ можетъ сказать, что предъ его глазами прошла не оффиціальная, не внѣшняя, но внутренняя русская жизнь болѣе чѣмъ за два вѣка, со всѣмъ тѣмъ, что побуждаетъ ее любить, что заставляетъ грустить по поводу ея прошлаго.

Ровинскій скончался 11 іюня 1895-го года въ нѣмецкомъ городкѣ Вильдунгенѣ, не поберегшись послѣ операціи камнедробленія. Въ завѣщаніи своемъ онъ распредѣлилъ всѣ свои драгоцѣнныя коллекціи художественныхъ изданій, гравюръ, народныхъ картинокъ и книгъ между Императорскимъ Эрмитажемъ, Академіей Художествъ, Публичной Библіотекой и Румянцевскимъ музеемъ. Свои денежныя средства онъ оставилъ на устройство и содержаніе народныхъ училищъ и на учрежденіе преміи за лучшія сочиненія по художественной археологіи; свой хуторъ близъ Москвы онъ предоставилъ Московскому университету, для учрежденія преміи за иллюстрированное научное сочиненіе для народа. Онъ завѣщалъ своей родинѣ и еще нѣчто: свѣтлый, привлекательный образъ человѣка, направившаго всю дѣятельность своей обильной трудомъ жизни на развитіе въ горячо и сознательно любимомъ имъ русскомъ народѣ правосознанія и историческаго самосознанія и на выработку для него справедливыхъ и облагораживающихъ условій судебнаго строя.

Николай Ивановичъ Стояновскій.

А. Ѳ. Кони.

НИКОЛАЙ Ивановичъ Стояновскій—участникъ всѣхъ стадій судебной реформы—родился въ 1820 году, въ Могилевѣ на Днѣпрѣ, и вступилъ въ служебную жизнь, вмѣстѣ со вторымъ выпускомъ воспитанниковъ незадолго передъ тѣмъ учрежденнаго училища правовѣдѣнія, въ 1841 году. Товарищами и соратниками его, на первыхъ шагахъ, были такіе люди, какъ В. А. Арцимовичъ, поэтъ Алексѣй Жемчужниковъ, В. Д. Философовъ, А. Н. Шаховъ, М. В. Полѣновъ, П. А. Зубовъ. Но если они представляли собою отрадную въ нравственномъ отношеніи среду, то область дѣятельности, въ которую приходилось вступить этимъ молодымъ юристамъ, ничего утѣшительнаго собою не являла.

Уголовный судъ существовалъ для *немногихъ* и за *немногое*. Лишь крайнія нарушенія условій общежитія, въ которыхъ предписанія закона сливались съ велѣніями заповѣдей, да и то не всѣхъ, влекли за собою общій для всѣхъ судъ. Все остальное, для цѣлой массы населенія, вѣдалось усмотрѣніемъ начальства, спеціальными судами по вѣдомствамъ и, въ особенности, помѣщиками и чинами полиціи, при чемъ зачастую понятіе о судебномъ *разбирательствѣ* замѣнялось понятіемъ *о расправѣ*. Послѣднее понятіе было въ особенности приложимо ко взысканіямъ, основаннымъ на особыхъ правахъ, вытекавшихъ изъ крѣпостной зависимости. Лишь въ случаяхъ совершенія крѣпостными важнѣйшихъ преступныхъ дѣяній, влекущихъ лишеніе всѣхъ правъ состоянія, владѣлецъ «душъ» обязанъ былъ безусловно обращаться къ общему суду, въ лицѣ уѣзднаго суда и уголовной палаты. Во всѣхъ же остальныхъ случаяхъ, когда крѣпостному приписывалась вина противъ помѣщика, его семейства и управляющаго, его крестьянъ и дворо-

выхъ—или даже постороннихъ, обратившихся къ заступничеству помѣщика,—существовало право безконтрольнаго домашняго наказанія безъ суда. Если вина представлялась особо важною, или мѣры домашняго исправленія оказывались мало успѣшными, то провинившіеся отсылались, на основаніи 335 и 337 ст. XIV т. Св. Зак. (по изд. 1842 г.), въ смирительные и рабочіе дома, а также въ арестантскія роты, на срокъ, до 1846 г., самимъ владѣльцемъ опредѣляемый. Если же помѣщику или, до 1854 г., его управляющему это наказаніе казалось слишкомъ малымъ, они имѣли право отдавать несовершеннолѣтнихъ отъ 8 до 17 лѣтъ въ кантонисты, а болѣе взрослыхъ сдавать въ рекруты или препровождать въ распоряженіе губернскаго правленія, которое, подъ условіемъ принятія помѣщикомъ на себя нѣкоторыхъ матеріальныхъ обязательствъ, «не входя ни въ какое розысканіе о причинахъ его негодованія», ссылало представленнаго въ Сибирь, въ сопровожденіи жены и дѣтей, не достигшихъ: мальчики—5 лѣтъ, дѣвочки—10 лѣтъ. Можно себѣ представить, въ какихъ формахъ и по какимъ поводамъ могъ твориться этотъ домашній судъ, или, лучше сказать, это домашнее безсудье въ тѣхъ случаяхъ, когда личное человѣколюбіе и мягкость, а также экономическія соображенія не ставили преградъ гнѣву и произволу.

Въ 1841-мъ году въ уголовныхъ департаментахъ Правительствующаго Сената были собираемы свѣдѣнія о дѣлахъ по обвиненію крестьянъ въ убійствѣ ихъ помѣщиковъ. Оказалось, что въ одной изъ западныхъ губерній, дѣла которой производились въ столѣ Стояновскаго, въ теченіе трехъ лѣтъ было одиннадцать убійствъ.

Ближайшій къ городскому населенію судъ представлялъ собою по большей части квартальный надзиратель и его ближайшее, непосредственное начальство. Ими учинялось разбирательство по маловажнымъ дѣламъ, впослѣдствіи переданнымъ вѣдѣнію мировыхъ судей. Гоголь, а за нимъ и другіе писатели, сохранили для потомства типическіе образы представителей этой своеобразной административной юстиціи. Общіе суды, согласно описанію самого Стояновскаго, по закону считались коллегіальными, но законъ допускалъ такой составъ присутствія (въ магистратахъ и ратушахъ), въ которомъ всѣ судьи были неграмотные, и возлагалъ на секретаря отвѣтственность за правильное изложеніе даннаго такими судьями, по доложеннымъ имъ дѣламъ, рѣшенія. Въ дѣйствительности дѣла почти никогда не докладывались, не только въ магистратахъ, но и въ уѣздныхъ судахъ, гдѣ также бо́льшая часть членовъ были или неграмотные, или малограмотные.

Въ судахъ второй степени, гдѣ, еще сорокъ лѣтъ тому назадъ, дѣла обыкновенно рѣшались безъ доклада, однимъ товарищемъ предсѣдателя,—единственнымъ членомъ, назначаемымъ отъ правительства,—всѣ прочіе члены, за исключеніемъ иногда предсѣдателя, только подписывали заготовленное рѣшеніе участи подсудимаго, котораго ни одинъ изъ нихъ не видѣлъ. Не смотря на такой составъ суда и на такой порядокъ постановленія приговора, закопъ (до 1846 года), предоставляя суду рѣшать вопросы о виновности и о наказаніи обвиненныхъ, не опредѣлялъ ни высшаго предѣла числа лѣтъ каторжной работы и другихъ тяжкихъ наказаній, ни числа ударовъ кнутомъ или плетью, почему и случалось, что въ двухъ дѣлахъ о преступленіяхъ, совершенно тождественныхъ, однимъ приговоромъ назначалось пять, а другимъ — шестьдесятъ ударовъ кнутомъ. До изданія въ 1833-мъ году Свода Законовъ случалось, что въ основаніе приговора приводились такіе указы и Высочайшія повелѣнія, которыхъ никогда не существовало. И высшій судъ—Сенатъ—тоже не былъ богатъ людьми широко образованными и, въ особенности, юристами. Знаменитая «практическая опытность» въ дѣлахъ, т. е. рутинная и въ то же время изворотливая техника, замѣняла собою правовыя понятія о духѣ и о цѣляхъ закона. Достаточно сказать, что когда Стояновскій и его товарищи поступили, въ 1841 г., на службу въ Петербургскіе департаменты Сената, коихъ было семь, не считая двухъ общихъ собраній, имѣвшихъ свои канцеляріи, то на весь наличный составъ сената оказалось только *шесть* человѣкъ, получившихъ высшее образованіе.

Главная пружина дѣятельности общихъ судовъ—*секретарь*, чрезвычайно вліявшій на исходъ дѣлъ, отличался, по бо́льшей части, отъ квартальнаго лишь бо́льшимъ внѣшнимъ достоинствомъ манеръ, да навыкомъ въ законахъ и умѣлою готовностью «подбирать ихъ масть къ масти», о чемъ ему укорительно, но безсильно напоминалъ указъ Петра Великаго, вставленный въ зерцало.

Канцелярская тайна, безчисленныя отписки и допускавшаяся самымъ закономъ плодовитость въ возбужденіи частныхъ производствъ, возвращавшихъ дѣло почти къ его первоисточнику,—влекли за собою *волокиту*, достигавшую иногда до поразительныхъ размѣровъ. Такія дѣла, какъ дѣло Баташевыхъ, вызвавшее благотворную по своимъ послѣдствіямъ грозную резолюцію Императора Николая Павловича о «медленности непомѣрной», были вовсе не рѣдки. Достаточно указать напримѣръ на дѣло о пропажѣ изъ Московскаго уѣзднаго казначейства *мѣдной монеты на 115 тысячъ*, обнаруженной въ 1844-мъ году, дождавшееся, вслѣдствіе жалобъ привлеченныхъ къ отвѣтственности откупщиковъ и возникновенія различныхъ частныхъ производствъ, своего окончанія лишь въ 1865-мъ году, т. е. производившееся *21 годъ*.

Наконецъ, господствовавшая въ практикѣ и строго оберегавшаяся закономъ теорія *формальныхъ доказательствъ*, внося элементъ бездушнаго механизма въ работу судьи, создавала уголовный судъ *безсильный*, въ рядѣ случаевъ, покарать дѣйствительно виновнаго, но *достаточно могущественный*, чтобы разбить существованіе человѣка преданіемъ его суду, и, оставивъ его *въ подозрѣніи*, заставить его болѣзненно переживать стыдъ, который ни разъяснить, ни сбросить съ себя нельзя. Не меньшіе недостатки накладывали густую тѣнь на дѣятельность *суда гражданскаго*, имѣвшаго еще и ту особенность, что проигравшій тяжбу подвергался штрафу, распредѣлявшемуся между судьями и доходившему иногда до $^1/_5$ стоимости спорнаго имущества.

Постоянно соприкасаясь, по роду своей службы въ Сенатѣ (помощникъ секретаря и секретарь 5 департамента, оберъ-секретарь 1 департамента), съ различными проявленіями тогдашняго судебнаго устройства, Стояновскій могъ оцѣнить ихъ по достоинству—и, рядомъ съ отвращеніемъ къ ихъ темнымъ сторонамъ, долженъ былъ ощутить въ тепломъ сердцѣ и воспитать въ живомъ и дѣятельномъ умѣ жажду иного порядка вещей. Но думать о немедленной возможности преобразованія русскаго суда—было немыслимо. Этотъ судъ былъ органически связанъ со всѣмъ дореформеннымъ бытомъ Россіи и, въ особенности, съ крѣпостнымъ строемъ общества. Передъ послѣднимъ отступала даже энергія Самодержца, когда онъ помышлялъ о снятіи съ милліоновъ своего народа ига, которое, по своимъ нравственнымъ послѣдствіямъ, было, во всякомъ случаѣ, не легче монгольскаго.

Поэтому объ иныхъ формахъ и пріемахъ суда можно было только мечтать, прибѣгая лишь къ временнымъ улучшеніямъ, съ трудомъ пробивавшимъ себѣ дорогу среди постоянной возможности ухудшеній. Къ такимъ улучшеніямъ относилось учрежденіе спеціальной юридической школы—училища правовѣдѣнія,—которая должна была вливать въ суды, понемногу, изъ году въ годъ, контингентъ молодыхъ, образованныхъ и добросовѣстныхъ юристовъ. Ихъ ждали практическія условія работы, существенно отличныя отъ сообщаемыхъ имъ теоретическихъ основъ отправленія правосудія. Необходимо было *осмыслить* ихъ будущую дѣятельность, дать имъ *руководящую нить* среди извилинъ и узкихъ путей тайны канцелиризма и формальныхъ доказательствъ. Съ этой точки зрѣнія, преподаваніе практики уголовнаго судопроизводства, предпринятое съ ясно сознанною цѣлью воздѣйствовать на молодое поколѣніе юристовъ, могло принести глубокую пользу. Скупое слово закона, допускавшее черствое и одностороннее толкованіе, должно было быть освѣщено живымъ, проницательнымъ толкованіемъ.

Стояновскій пошелъ по этому пути и въ 1847-мъ году былъ назначенъ преподавателемъ практическаго уголовнаго судопроизводства въ училищѣ правовѣдѣнія. Въ 1850-мъ году онъ занялъ тамъ же каѳедру гражданскаго практическаго судопроизводства. Составленное Стояновскимъ печатное «*практическое руководство къ русскому уголовному судопроизводству*», въ двухъ частяхъ, представляетъ собою общее очертаніе одного изъ его курсовъ, дающее возможность судить о томъ, въ какомъ направленіи онъ велъ и какими практическими толкованіями сопровождалъ систематическое изложеніе статей свода законовъ. Появленію этого курса въ печати предшествовали совершенно неожиданныя затрудненія. Цензоръ нашелъ эту книгу излишнею. Этотъ микроскопическій Омаръ повторилъ смущенному автору мнѣніе своего знаменитаго предшественника о Коранѣ и Александрійской библіотекѣ. «Если — сказалъ онъ Стояновскому,—въ вашемъ руководствѣ приведено то, что изложено въ сводѣ законовъ, то зачѣмъ оно? а если въ немъ содержится то, чего нѣтъ въ сводѣ—то оно безполезно, а, слѣдовательно, и не нужно».

Книга Стояновскаго, отвѣчавшая насущной потребности, представляетъ стройное и тщательно систематизированное цѣлое. Въ авторѣ сказался не только опытный законовѣдъ, но и заботливый руководитель своихъ читателей на первыхъ шагахъ ихъ практической дѣятельности. Теорія формальныхъ доказательствъ не могла не смущать Стояновскаго своею *узкостью*, — но еще болѣе должно было его тревожить очевидно существовавшее на практикѣ *расширеніе* понятій, выдвигаемыхъ этою теоріею, по отношенію къ русскому быту, которое, въ концѣ концовъ, вело къ еще большему стѣсненію дѣятельности слѣдователя въ выборѣ доказательствъ, чѣмъ даже предустановленное формально смотрѣвшимъ закономъ. Поэтому, автору «руководства», характеризуя современное ему судопроизводство, приходилось довольно подробно объяснять, что, напримѣръ, запрещеніе закона допрашивать подъ присягою,—каковой обрядъ только и придавалъ, на осн. 1198 ст. XV тома, силу доказательства показанію,—свидѣтельствующихъ *по слуху отъ другихъ*, нельзя принимать съ буквальною строгостью (т. е. оставлять въ дѣлѣ лишь старинныхъ «видоковъ», выбрасывая изъ него «послуховъ») и что слѣдуетъ отличать людей, говорящихъ по общему слуху, т. е. молвѣ, отъ удостовѣряющихъ, что кто-либо разсказывалъ имъ объ обстоятельствахъ, относящихся къ составу преступленія. Такъ, ему представлялось необходимымъ указать, что знаменитые «явные прелюбодѣи», устраняемые отъ свидѣтельства, должны быть признаны таковыми духовнымъ судомъ, а не общественнымъ мнѣніемъ или личнымъ убѣжденіемъ слѣдователя;—что для установленія «небытія у исповѣди и Святого Причастія» не нужно производить изслѣдованія, а слѣдуетъ руководиться показаніемъ самого свидѣтеля;—что нельзя считать не только новопріѣзжаго, но всякаго, даже осѣдлаго въ Россіи, иностранца человѣкомъ непригоднымъ для присяжнаго показанія наравнѣ съ убійцами, прелюбодѣями, портящими тайно межевые знаки, отчужденными отъ церкви и ею проклятыми,—только потому, что «поведеніе его неизвѣстно». Наконецъ, Стояновскій долженъ былъ разъяснить, что *прикосновенныя* къ преступленію лица точно обозначены въ уложеніи о наказаніяхъ, и объявленіе ихъ таковыми, со всѣми его послѣдствіями, не зависитъ отъ личныхъ взглядовъ и усердія слѣдователя. Всѣ эти комментаріи очень поучительны. Они рисуютъ, между прочимъ, въ *какихъ* рукахъ находилась слѣдственная часть и *какъ* понималось, очевидно многими, опредѣленіе объективной пригодности важнѣйшаго изъ доказательствъ.

Преподавательская дѣятельность Стояновскаго продолжалась семь лѣтъ. Въ 1854 г. онъ былъ переведенъ на три года въ Москву, гдѣ исправлялъ должность оберъ-прокурора 6-го, затѣмъ 8-го департамента и общаго собранія. Изъ дѣловой переписки съ нимъ министра юстиціи за это время видно, что на трудовую энергію его возлагались большія надежды для освобожденія московскихъ департаментовъ Сената отъ «залежей» въ дѣлахъ, рядъ которыхъ былъ спеціально порученъ его завѣдыванію. Въ 1857 г. онъ вернулся въ Петербургъ въ качествѣ Герольдмейстера. И его многосторонняя служба, и его преподавательская дѣятельность, заставлявшая его отъ конкретныхъ обстоятельствъ производившихся у него дѣлъ подниматься въ область общихъ вопросовъ, наболѣвшихъ и настойчиво требовавшихъ своего разрѣшенія,—были хорошею школою для поприща болѣе широкаго чѣмъ то, которое встрѣтило его въ Петербургѣ.

Очистительная жертва Россіи — Севастополь — наполнялъ сердца не только гордостью совершенныхъ въ немъ подвиговъ, но и упованіемъ, что его омытыя кровью развалины послужатъ краснорѣчивымъ указаніемъ на невозможность прежнихъ порядковъ. Въ воздухѣ вѣяло преобразованіями; нужны были умѣлые рабочіе для новыхъ построекъ, знающіе, *что именно* надо срыть и расчистить. Въ 1859-мъ году началось, по замѣчательному выраженію Я. И. Ростовцева, «созданіе русскаго народа». Были образованы редакціонныя коммиссіи по крестьянскому дѣлу и созданы коммиссіи для начертанія положенія о губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ и о слѣдственной полиціи. Членомъ послѣднихъ былъ назначенъ Стояновскій. Онъ оказался среди счастливцевъ, не только приложившихъ руку къ великому дѣлу, но и поставленныхъ такъ, что имъ приходилось каждый день воочію созерцать разгоравшуюся зарю освобожденія, въ то время, когда внизу и даже вокругъ всѣ еще находились въ полумракѣ смутнаго ожиданія. Приступивъ къ занятіямъ въ сентябрѣ 1859-го года, Стояновскій съ жаромъ и любовью принялся за нихъ, обративъ особое вниманіе на преобразованіе слѣдственной части. Помимо участія въ общей работѣ, на немъ лежала прямая нравственная обязанность, завѣщанная годами предшествующаго служебнаго опыта. Она вытекала изъ необходимости создать самостоятельный судебный органъ для производства слѣдствій, свободный отъ заблужденій и невѣжества прежняго времени и поставленный въ условія, благодаря ко-

торымъ постоянный произволъ и жестокость обращались бы въ рѣдкое и легко пресѣкаемое злоупотребленіе.

Благодаря Стояновскому, принявшему весь трудъ на себя, чрезъ десять мѣсяцевъ не только были выработаны, проведены въ законодательномъ порядкѣ, но и утверждены (8 іюня 1860-го года) *учрежденіе судебныхъ слѣдователей*, *наказъ судебнымъ слѣдователямъ* и *наказъ полиціи о производствѣ дознаній*. Коренныя начала этихъ узаконеній, изложенныхъ точнымъ и сжатымъ языкомъ, сводились къ тому, что по дѣламъ, подлежащимъ разсмотрѣнію судебныхъ мѣстъ, къ обязанности полицейскихъ и другихъ, не принадлежащихъ къ судебному вѣдомству должностныхъ лицъ, было отнесено *только первоначальное изысканіе и раскрытіе тѣхъ существенныхъ обстоятельствъ, которыя могутъ вести къ заключенію, что въ изслѣдуемомъ происшествіи заключается преступленіе или проступокъ*. Все остальное изслѣдованіе возлагалось на членовъ уѣзднаго суда, именуемыхъ судебными слѣдователями, получившихъ высшее или среднее образованіе и отличившихся опытностью въ уголовныхъ дѣлахъ и добросовѣстностью. Они давали законное направленіе слѣдствію, но право прекращенія, пріостановки или измѣненія направленія слѣдствія принадлежало исключительно суду. Въ этомъ уже слышались будущія постановленія судебныхъ уставовъ!

Личность заподозрѣннаго, бывшаго дотолѣ предметомъ произвольныхъ дѣйствій, получала свои законныя права. Онъ былъ огражденъ рядомъ постановленій о контролѣ надъ лишеніемъ его свободы, — правомъ присутствія при осмотрахъ и обыскахъ, — обязанностью слѣдователя охранять его тайны. Вмѣстѣ съ тѣмъ ограждались и интересы правосудія. Установлялась *внутренняя дисциплина* слѣдствія—введеніемъ протоколовъ судебныхъ дѣйствій, мотивированныхъ постановленій о распоряженіяхъ слѣдователя, и внесеніемъ всего происшедшаго и предпринятаго въ *общую дневную записку*, излагающую весь ходъ слѣдствія, съ точнымъ обозначеніемъ времени. Наконецъ, и *Учрежденіе*, и *Наказъ* предусматриваютъ свойственныя людямъ увлеченія и возможность односторонняго ошибочнаго взгляда, при вѣрѣ въ свою непогрѣшимость, и стараются, въ рядѣ указаній, напомнить слѣдователямъ о необходимости своевременнаго, т. е. не слишкомъ поздняго и не слишкомъ поспѣшнаго привлеченія заподозрѣннаго въ качествѣ обвиняемаго.

Наказъ 1860-го года, при добросовѣстномъ его примѣненіи, былъ надежнымъ и прочнымъ орудіемъ для изслѣдованія преступленія безъ ущерба интересамъ закона и безъ напраснаго вреда интересамъ личности. Этотъ наказъ—результатъ усиленныхъ трудовъ Стояновскаго—былъ преддверіемъ къ уставу уголовнаго судопроизводства 1864 г. Имъ было положено начало для дѣятельности *созидающей* въ великой творческой работѣ русскаго судебнаго преобразованія. Наказъ былъ не только *практической мѣрой* для своего времени, не только цѣннымъ историческимъ *памятникомъ* по отношенію къ прошлому, но и своего рода *завѣтомъ* для будущаго.

Назначенный въ январѣ 1861-го года статсъ-секретаремъ Государственнаго Совѣта, Стояновскій сталъ въ непосредственныя отношенія съ Государственнымъ Секретаремъ Бутковымъ, практическому уму котораго, энергіи и умѣнью привлекать къ работѣ соотвѣтствующихъ людей много обязана Россія въ дѣлѣ судебнаго преобразованія. Первоначальныя «предначертанія» по уголовному и гражданскому судопроизводству не сходились между собою въ основныхъ, руководящихъ положеніяхъ, а правила судоустройства не были согласованы ни съ тѣми, ни съ другими. Все грозило затянуться или явиться въ качествѣ труда, въ которомъ личному усмотрѣнію отдѣльныхъ вѣдомствъ могло быть отведено чрезмѣрное мѣсто. Нужно было властное указаніе на непреложную необходимость объединенія всѣхъ работъ подъ эгидою «основныхъ началъ», проникнутыхъ однимъ духомъ, и твердое начертаніе хода разсмотрѣнія работъ въ самомъ Государственномъ Совѣтѣ. Это было достигнуто обстоятельнымъ докладомъ Блудова Государю, въ октябрѣ 1861 года—докладомъ, съ ближайшихъ послѣдствій котораго собственно и начинается судебная реформа.

Дѣятельнымъ сотрудникомъ Буткова во всемъ, что касалось трудовъ по Уставамъ, сталъ и авторъ «Наказа судебнымъ слѣдователямъ», работая въ то же время, въ качествѣ члена, въ коммиссіяхъ объ отмѣнѣ винныхъ откуповъ и о частныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Черезъ годъ судьба поставила его въ другое положеніе: изъ *сотрудника* онъ сдѣлался *критикомъ*. Въ ноябрѣ 1862 г. Стояновскій былъ назначенъ товарищемъ министра юстиціи и продолжалъ, рука объ руку съ Д. Н. Замятнинымъ, работать все для тѣхъ же судебныхъ уставовъ. Однако, характеръ работы былъ другой: нужно было представить въ Государственный Совѣтъ отзывы и замѣчанія министра юстиціи на проекты, составленные коммиссіей.

Для обсужденія и составленія замѣчаній на проекты коммиссіи по начертанію судебныхъ уставовъ было образовано особое совѣщаніе, гдѣ главную роль игралъ Стояновскій, редактируя всѣ отзывы и замѣчанія. Ихъ сдѣлано было 1160, при чемъ нѣкоторыя были весьма обширны. Для поддержанія выраженныхъ въ нихъ мнѣній и «для представленія объясненій и соображеній по дѣлу о судебной реформѣ», Стояновскому, 19 февраля 1864 года было поручено участвовать въ засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта. Это порученіе указываетъ, какое значеніе придавалось труду и личности Стояновскаго въ дѣлѣ судебнаго преобразованія; общій же характеръ замѣчаній можетъ быть опредѣленъ словами: *любящая осторожность*.

Періодъ *осуществленія* судебнаго преобразованія окончился въ незабвенный день 20 ноября 1864 г. Стояновскій могъ съ удовлетвореннымъ чувствомъ смотрѣть на эти годы не знавшаго устали и плодотворнаго труда. Какъ энергическій и вѣрный работникъ, постигшій высокій замыселъ строителя, онъ всѣми силами души и знанія участвовалъ въ возведеніи величаваго зданія судебныхъ уставовъ. Когда оно воздвигалось, скороспѣлые и невѣжественные порицатели стали находить, что въ новый храмъ правосудія внесены чуждыя прежнему культу изображенія иновѣрныхъ божествъ. Да! это такъ... Эти божества назывались равноправностью, уваженіемъ къ человѣческому достоинству, гласностью, открытою защитою, независимостью судей и т. п. Такъ было и въ римскомъ Пантеонѣ; и его гармоническія и стройныя стѣны принимали въ свои нѣдра изображенія, свойственныя чуждымъ суровому Риму культамъ,—и къ этимъ стѣнамъ, искажая ихъ классическую красоту, пристраивались впослѣдствіи рѣжущія глазъ башенки... Но ихъ потомъ сняли—и чудный куполъ, съ яркимъ круглымъ отверстіемъ въ синее небо, по прежнему наполняетъ душу вошедшаго благодарнымъ восхищеніемъ предъ строителемъ храма. То же будетъ и со зданіемъ судебныхъ уставовъ, пока основныя ихъ начала будутъ неприкосновенны. Хотя внутри зданія, за время его существованія, кое-что передвинуто и сломано, а внѣ его—кое-что пристроено, оно все еще хранитъ въ себѣ глубокую мысль строителя—и чрезъ его куполъ, сведенный надъ его основами, все еще свѣтитъ голубое небо высокихъ идеаловъ.

Когда началась *организація новаго дѣла на практикѣ*, Стояновскому пришлось въ ней играть хотя и не бросавшуюся въ глаза, но важную и существенную роль. Нужно было избрать мѣста для отправленія новаго суда, выработать способы и порядокъ перехода отъ стараго къ новому и, главное, намѣтить и выбрать новыхъ дѣятелей.

Самое важное—были назначенія. Въ первыхъ назначеніяхъ принялъ самое живое и внимательное участіе Стояновскій. Необходимость особо тщательнаго выбора заставляла его стоять за открытіе сначала только двухъ судебныхъ округовъ—Петербургскаго и Московскаго. Онъ боялся, что для открытія новыхъ судовъ сразу по всей Россіи, какъ того горячо желалъ, напримѣръ, Зарудный, не хватитъ подходящихъ людей, а неподходящіе уронятъ новое дѣло. Излишне перечислять первыя назначенія. Каждый, кому памятно введеніе судебной реформы, кто имѣлъ счастіе участвовать въ открытіи новыхъ судовъ, помнитъ почтенныя имена ихъ главныхъ дѣятелей и произноситъ ихъ съ сердечнымъ чувствомъ. Достаточно назвать, изъ усопшихъ, первыхъ кассаціонныхъ сенаторовъ — Арцимовича, Зубова, Буцковскаго, Любощинскаго, перваго уголовнаго кассаціоннаго оберъ-прокурора Ковалевскаго, первыхъ старшихъ предсѣдателей палатъ—Гольтгоера и Полѣнова, первыхъ предсѣдателей столичныхъ судовъ—Мотовилова и Люминарскаго, столь чтимаго москвичами. Въ числѣ вновь назначенныхъ на должности товарищей предсѣдателя и членовъ суда было немало людей, неизмѣнно украшавшихъ собою судебное сословіе. Нѣкоторые изъ нихъ впослѣдствіи принесли съ собою на высшіе посты государственнаго служенія тѣ же чувства и понятія, которыя заставили Стояновскаго, во время оно, указать на нихъ Замятнину. Эти указанія были основаны не на мертвящемъ цензѣ выслуги, а на животворящемъ духѣ любви къ новому дѣлу, на житейскомъ опытѣ избираемыхъ. Замѣчательно, что оба первоприсутствующіе въ кассаціонныхъ департаментахъ не были юристами по образованію: Карніолинъ-Пинскій окончилъ курсъ въ педагогическомъ институтѣ, Башуцкій—въ пажескомъ корпусѣ. Но они глубоко понимали важность возложенной на нихъ трудной задачи и, въ виду недалекой уже могилы, приложили всѣ силы, чтобы выполнить ее съ честью для новаго суда.

Практическіе результаты введенія судебной реформы многимъ пришлись не по нутру. Въ очеркѣ, посвященномъ Д. Н. Замятнину, охарактеризованы и обстановка, при которой вводились въ жизнь судебные уставы, и виды неудовольствія, возбужденнаго новымъ судомъ. Нареканія, вызвавшія собою уходъ Замятнина съ поста министра юстиціи, направились и на Стояновскаго: за четыре мѣсяца до назначенія Замятнина членомъ Государственнаго Совѣта, Стояновскій обреченъ былъ оставить должность товарища министра. 1 января 1867-го года онъ былъ назначенъ сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента Сената.

Для человѣка, привыкшаго непосредственно вліять на условія общественнаго склада, дѣйствуя единолично, на свой собственный страхъ, и «вкладываться» въ ту или другую работу по искреннему къ ней влеченію — переходъ въ коллегію всегда бываетъ тяжелъ и сопровождается, первое время, незамѣтнымъ для окружающихъ, но чувствительнымъ для перешедшаго подавленнымъ душевнымъ настроеніемъ. Изъ области разумной смѣлости, скорой осуществимости, непосредственнаго проникновенія въ сущность вопроса и личной нравственной отвѣтственности за то или другое разрѣшеніе его—приходится обратиться къ раздѣленію труда, къ безличности его результатовъ, къ необходимости подчасъ дѣлиться тѣмъ, что выстрадано сердцемъ, съ лѣнивымъ или равнодушнымъ мышленіемъ коллегъ, растворяя въ немъ и обезцвѣчивая свою любовь къ дѣлу, свое негодованіе или свое ощущеніе стыда... Приходится или нити со всѣми, не стѣсняя себя высказаннымъ взглядомъ, или же погрузиться въ потокъ безцѣльныхъ или безплодныхъ «особыхъ мнѣній», потокъ, который впадаетъ въ рѣку забвенія... Судьба была, однако, и въ этомъ случаѣ благосклонна къ Стояновскому. Работа въ кассаціонномъ судѣ, *только-что образованномъ*, при его тогдашней малочисленности и важныхъ зиждительныхъ задачахъ, представляла много содержательнаго. Излагая рѣшенія по доложеннымъ имъ дѣламъ первостепенной важности, Стояновскій вносилъ въ изложеніе ихъ свой простой, чуждый юридической сухости и канцелярской рутины языкъ и соображенія, почерпнутыя изъ серьезнаго знанія жизни.

Дальнѣйшая дѣятельность Стояновскаго, назначеннаго въ январѣ 1872 г. первоприсутствующимъ уголовнаго кассаціоннаго департамента и въ январѣ 1875 г. членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ, по характеру этой службы трудно подчиняется точной провѣркѣ, но за ея несомнѣнную полезность и почтенный трудовой характеръ ручается, помимо воспоминаній очевидцевъ, цѣлый рядъ—если можно такъ выразиться — нравственныхъ уликъ. Къ послѣднимъ относятся всегдашняя цѣльность и неизмѣнчивость отношенія его къ коренным вопросамъ законодательства и управленія, неоднократно выраженная имъ—человѣкомъ, у котораго слово не противорѣчило дѣлу—въ различныхъ внѣслужебныхъ обстоятельствахъ, а также искреннее уваженіе сотоварищей и сослуживцевъ и важныя порученія, на него возлагавшіяся. Изъ этихъ послѣднихъ достаточно упомянуть объ участіи его, въ *качествѣ члена*, въ коммиссіяхъ о преобразованіи тюремной части, о введеніи мировыхъ установленій въ Прибалтійскомъ краѣ, объ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имущества и о выясненіи отвѣтственности высшихъ чиновъ министерства путей сообщенія въ дѣлѣ о крушеніи Императорскаго поѣзда 17 октября 1888 года и опредѣленіи дальнѣйшаго направленія этого дѣла; въ *качествѣ председателя* — въ коммиссіяхъ о преобразованіи межевой части,—для обсужденія проектовъ устава о векселяхъ и устава вотчиннаго—и въ редакціонной коммиссіи для начертанія проекта гражданскаго уложенія. Сюда же относится и призваніе его въ 1884 г. на высокій постъ предсѣдателя департамента гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ Государственнаго Совѣта.

Наконецъ, характеръ и свойства дѣятельности Стояновскаго *внутри* служебнаго круга въ значительной мѣрѣ опредѣляются и тѣмъ, что онъ дѣлалъ *внѣ* этого круга. Тутъ приходится встрѣтить живое отношеніе ко всему живому, энергію, не умаляемую даже преклоннымъ возрастомъ, интересъ къ разнообразнѣйшимъ общеполезнымъ начинаніямъ въ наукѣ и искусствѣ, сердечную *отзывчивость* къ *людямъ* и *безкорыстное* желаніе содѣйствовать всему, чѣмъ обусловливается подъемъ общественнаго развитія. Онъ былъ дѣятельнымъ членомъ русскаго музыкальнаго, славянскаго и археологическаго обществъ, почетнымъ мировымъ судьею Воронежскаго и Чигиринскаго уѣздовъ и города С.-Петербурга. Онъ заботливо работалъ надъ участью малолѣтнихъ преступниковъ и надъ устройствомъ патроната надъ отбывшими тюремное заключеніе, сотрудничалъ въ «Русской Старинѣ» и другихъ изданіяхъ и положилъ основаніе правовѣдской кассѣ, 15 лѣтъ состоя предсѣдателемъ ея комитета, лично заботясь объ успѣшной дѣятельности этого добраго товарищескаго учрежденія, хлопоча о страждущихъ и оспротѣлыхъ

и вообще о всемъ томъ, чего нельзя достигнуть одними денежными пособіями.

Въ разнообразной дѣятельности Стояновскаго немалое мѣсто занимало его отношеніе къ *юридическому обществу* при С.-Петербургскомъ университетѣ. Судебные Уставы широко раскрыли свои двери наукѣ. Находя питательный матеріалъ для своихъ изслѣдованій въ большой практикѣ новыхъ судебныхъ учрежденій, наука, весьма чуждая судамъ до 1864 г., во многихъ случаяхъ должна была явиться руководительницею и помощницею судебнымъ дѣятелямъ, то освѣщая имъ спорные вопросы права, то указывая, какъ маякъ, путь въ темныхъ вопросахъ вмѣненія и т. п. Сознаніе необходимости взаимодѣйствія науки и практики настолько созрѣло въ С.-Петербургѣ къ 1877-му году, что явилась нобходимость отъ небольшого юридическаго кружка, собиравшагося у В. Д. Спасовича, перейти къ основанію большого юридическаго общества при университетѣ, съ подробно разработаннымъ уставомъ. Однимъ изъ учредителей послѣдняго и первымъ, въ теченіе 18 лѣтъ, предсѣдателемъ его былъ Стояновскій, отдавшійся новому учрежденію, столь важному для правового и даже нравственнаго развитія нашего общества, съ сердечною любовью. Все время его предсѣдательства ознаменовано самымъ дѣятельнымъ участіемъ его въ дѣлахъ общества. Не было ни одного серьезнаго и затрогивающаго общіе вопросы матеріальнаго права и процесса доклада, на которомъ не появлялся бы Стояновскій, внимательно слушая, вызывая своими замѣчаніями обмѣнъ мнѣній и самъ участвуя въ преніяхъ.

Предсѣдательствуя въ общихъ собраніяхъ,—что было подчасъ не легко, напримѣръ, при обсужденіи мѣстницы наказаній, проектированной составителями новаго уголовнаго уложенія—онъ ввелъ прекрасный обычай творить поминки, не только по скончавшимся членамъ общества, но и объ усопшихъ, такъ или иначе вліявшихъ на правовое общественное развитіе. Онъ сознавалъ, что черты живущихъ почти всюду, а подъ нашимъ унылымъ небомъ въ особенности, рѣдко бываютъ совершенно опредѣленны и ясны до самаго конца. Къ сожалѣнію и удивленію, эта неясность особенно грозитъ неожиданностями наблюдателю *конца жизни* наблюдаемаго, когда, казалось бы, мелочные и призрачные интересы существованія должны отходить на задній планъ, въ виду приближенія «того берега»... Бываютъ случаи, когда тутъ-то и выступаетъ вдругъ поспѣшное и ничѣмъ не вызванное *раскаяніе* въ своемъ прошломъ и нерѣдко безплодное, хотя и многостороннее отрицаніе его;—когда живой дотолѣ человѣкъ, имѣвшій идеалы и не переступаемыя правила, вдругъ вступаетъ въ область бездушнаго педантизма;—когда тусклые лучи земныхъ отличій, жадно ожидаемыхъ у края недалекой, быть можетъ, могилы, заставляютъ померкнуть лучи души, еще недавно казавшейся мало доступною житейской суетѣ... И выходитъ такъ, что вмѣсто ощущенія горя о потерѣ спутника, который, по словамъ поэта, животворилъ намъ свѣтъ, приходится «изъ равнодушныхъ устъ услышать смерти вѣсть»—и «равнодушно ей внимать»... Тѣмъ дороже люди, въ законченныхъ нравственныхъ чертахъ которыхъ, уже запечатлѣнныхъ смертью навсегда, можно почерпать и утѣшеніе, и ободреніе, и поучительный примѣръ. Поэтому, общественное воспоминаніе о такихъ людяхъ есть своего рода «культъ духовныхъ предковъ», который долженъ быть присущъ всякому, кто серьезно относится къ жизни и вѣритъ въ необходимость ея нравственнаго улучшенія.

Стояновскій сказалъ въ 1882 г., въ годовомъ собраніи общества, проникнутую теплымъ чувствомъ рѣчь, посвященную памяти Буткова и Замятнина. Въ ней же онъ обратился съ умиленною благодарностью къ страдальческой тѣни Освободителя русскаго народа отъ «черной неправды» стараго суда и напомнилъ сіяющій дѣятельною добротою и трогательною, наивною вѣрою въ возможность вѣчнаго мира образъ незадолго предъ тѣмъ скончавшагося принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. По его же почину была послана въ Москву, въ 1880 г., отъ общества депутація съ адресомъ по поводу открытія памятника Пушкину.

Открывая годовыя собранія общества, Стояновскій не разъ привѣтствовалъ начатыя за годъ большія законодательныя работы и намѣчалъ пути для необходимыхъ преобразованій. Мысль его постоянно возвращалась къ реформамъ Александра II. Онъ тревожно слѣдилъ, какъ старый римскій консулъ, ne quid detrimenti capiat по отношенію къ дорогимъ ему судебнымъ уставамъ.

Дѣятельность Стояновскаго была оцѣнена юридическимъ обществомъ. Его всегда окружало теплое уваженіе; большинство къ нему прислушивалось со вниманіемъ, встрѣчало его съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Когда насталъ день пятидесятилѣтія его «доблестнаго и разносторонняго» служебнаго труда, совѣтъ юридическаго общества, предъ которымъ «съ особою силою и ясностью ожило представленіе о заслугахъ Стояновскаго для русскаго правосознанія и правовѣдѣнія», привѣтствовалъ его адресомъ, въ которомъ, указывая на то, что юридическое общество «привыкло видѣть въ своемъ неутомимомъ предсѣдателѣ яркій образъ государственнаго дѣятеля, проникнутаго глубокимъ уваженіемъ къ наукѣ, всестороннимъ пониманіемъ потребностей правовой жизни народа и теплымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ людямъ», выражалъ пожеланіе, чтобы Стояновскій еще долгіе годы стоялъ во главѣ общества «съ неизсякающею бодростью своего духа и неугасающею теплотою своего благороднаго сердца».

Годы труда брали, однако, свое. Въ январѣ 1897 г. Стояновскій просилъ объ освобожденіи его отъ обязанностей предсѣдателя департамента и перешелъ въ общее собраніе Государственнаго Совѣта. Но былъ, однако, одинъ трудъ, которому онъ отдавался съ прежнею горячностью. Составленіе *гражданскаго уложенія* всецѣло наполняло его дѣловое существованіе, было предметомъ его заботъ, тревогъ, упованій и подчасъ горестныхъ ощущеній... Сердечно слѣдя за сложною работою своихъ ближайшихъ сотоварищей по подъятому труду первостепенной важности, участливо заботясь о сотрудникахъ, онъ вложилъ въ это дѣло весь остатокъ своей энергіи. Но ему не пришлось вступить въ обѣтованную землю. Смерть остановила его почти у самой границы.

Она подошла къ Николаю Ивановичу въ бретанскомъ городкѣ Saint-Lunaire незамѣтно, и ея объятья были легки и скоротечны. Его, еще недавно бодро посѣтившаго Парижъ, тянуло домой, къ дѣлу. «Скучно, хотѣлось бы къ мѣсту», говорилъ онъ сыну—и 22 іюля днемъ тихо заснулъ въ креслахъ... навсегда. Его любимые съ дней юности часы, съ которыми онъ никогда не разставался, ставя ихъ во время работы передъ собою — показывали десять минутъ четвертаго. Немедленно, вслѣдъ затѣмъ, они перестали идти, какъ будто жизнь отлетѣла и отъ нихъ.

Богъ заводитъ въ груди особые часы, называемые сердцемъ, идущіе неровно, трепетно, иногда съ усиліемъ и болью, но безъ остановки, пока не разовьется до конца пружина жизни или внѣшній ударъ внезапно не разобьетъ ихъ. Между этими часами и обыкновенными, когда они неразлучны съ

Николай Бурдуковъ

человѣкомъ всю его дѣятельную жизнь, образуется невидимая связь—и въ памяти сердца остается то, что говорили стрѣлки на циферблатѣ въ горестные или радостные моменты жизни. Неразлучный спутникъ Стояновскаго — его часы показывали ему многіе памятные для него моменты. На нихъ смотрѣлъ онъ въ понятномъ волненіи предъ первой своей лекціей,—ихъ стрѣлки, вѣроятно, не разъ хотѣлъ бы онъ остановить, чтобы еще продлить засѣданіе совѣщанія объ уставахъ, о судебныхъ уставахъ! На эти часы, конечно, глядѣлъ онъ, ожидая, вмѣстѣ съ Замятнинымъ, за три дня до открытія новыхъ судовъ въ Петербургѣ, пріѣзда Государя, пожелавшаго ознакомиться съ ихъ устройствомъ и помѣщеніемъ. Съ ними справлялся онъ, боясь не опоздать на самое открытіе, въ тотъ весенній день, когда съ горельефа, украшающаго ворота стараго арсенала на Литейной, спала завѣса и впервые заблистали слова: «правда и милость да царствуютъ въ судахъ».

Николай Андреевичъ Буцковскій.

А. Ѳ. Кони.

Среди дѣятелей и осуществителей судебной реформы видное мѣсто принадлежало математикамъ по образованію. *Сергѣй Ивановичъ Зарудный*, вложившій всю свою живую и страстную душу въ дѣло преобразованія нашего судебнаго строя, былъ кандидатомъ физико-математическаго факультета; популярный столичный мировой судья перваго избранія, теоретическій и практическій истолкователь судебныхъ уставовъ и блестящій оберъ-прокуроръ уголовнаго кассаціоннаго департамента *Николай Адріановичъ Неклюдовъ*, оставившій по себѣ яркую память въ судебномъ вѣдомствѣ, началъ свое высшее образованіе по математическому факультету. Точно также математикомъ, и притомъ практикомъ, былъ и *Николай Андреевичъ Буцковскій*—одинъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей при выработкѣ судебныхъ уставовъ и при первоначальномъ приложеніи ихъ къ русской жизни.

Воспитанникъ главнаго инженернаго училища, офицеръ петербургской инженерной команды съ 1833-го года, затѣмъ учитель математики и бухгалтеріи въ гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, *Буцковскій* лишь 28 лѣтъ отъ роду выступилъ на юридическое поприще въ скромной роли помощника столоначальника департамента министерства юстиціи. Пытливый умъ и жажда знанія заставили его погрузиться въ изученіе иностранной юридической литературы и съ помощью ея увидѣть всѣ недостатки нашего судебнаго сооруженія, оскорбившіе, прежде всего, его математически развитый умъ, а затѣмъ и справедливое сердце. Занявъ, въ началѣ пятидесятыхъ годовъ, постъ оберъ-прокурора одного изъ московскихъ департаментовъ Сената, доставшійся ему по праву необыкновеннаго трудолюбія и выдающихся способностей, онъ явился на немъ во всеоружіи пониманія косности и отсталости нашего процесса и умѣнья вносить въ его мертвящія формальныя рамки струю дѣйствительнаго правосудія. Ему пришлось пробыть въ этой должности до начала шестидесятыхъ годовъ, когда пробудившаяся общественная мысль и просвѣщенный починъ правительства поставили на очередь необходимость снабдить выходившій изъ рабства народъ судомъ скорымъ и равнымъ для всѣхъ и нравственно оградить его отъ жестокихъ и позорящихъ человѣческое достоинство тѣлесныхъ наказаній. Въ 1861-мъ году онъ, къ прискорбію любившихъ его подчиненныхъ и сослуживцевъ, былъ вызванъ въ Петербургъ и прикомандированъ къ государственной канцеляріи для работъ по судебному преобразованію и для участія въ комитетѣ по обсужденію вопроса объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Въ коммиссіи, составлявшей судебные уставы, онъ занялъ мѣсто предсѣдателя уголовнаго отдѣленія. Его усиленнымъ трудамъ мы обязаны точною и сжатою редакціею статей устава уголовнаго судопроизводства, почти всецѣло усвоенной Государственнымъ Совѣтомъ. Принимая оживленное участіе въ спорахъ по выработкѣ тѣхъ или другихъ положеній новаго процессуальнаго порядка, Буцковскій взялъ на себя роль безпристрастнаго историка всѣхъ преній и изложилъ ихъ окончательные результаты въ блестяще составленной объяснительной запискѣ къ проекту устава уголовнаго судопроизводства. Эта записка не только представляетъ замѣчательный историко-юридическій трудъ, но и до сихъ поръ не утратила значенія, какъ превосходное изложеніе различныхъ точекъ зрѣнія на сущность процессуальныхъ пріемовъ и ихъ внутренній смыслъ. Она служитъ также показателемъ свѣтлаго настроенія, исполненнаго довѣрія къ живой воспріимчивости и способностямъ русскаго народа—настроенія, которымъ были проникнуты, даже расходясь въ частностяхъ, тѣ, кому выпала счастливая доля работать надъ судебнымъ законодательствомъ съ вѣрою, что указанія на его улучшенія дѣйствительно войдутъ въ жизнь, а не прозвучатъ лишь какъ vox clamantis in deserto... Записка представляетъ цѣлыя обширныя разсужденія, съ богатыми ссылками на иностранныя законодательства и судебную практику. Таковы, напр., всѣ замѣчанія о различныхъ сторонахъ дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, о перечисленіи существенныхъ поводовъ къ отмѣнѣ рѣшеній и по вопросу объ autorité de la chose jugée, при чемъ въ основаніе 16 ст. проекта (21 и 22 устава уголовнаго судопр.) было положено совершенно новое у насъ начало незыблемости окончательныхъ, вошедшихъ въ законную силу, оправдательныхъ и обвинительныхъ приговоровъ. Съ высоты научныхъ и теоретическихъ соображеній Буцковскій въ этой объяснительной запискѣ подчасъ спускается въ область практическихъ условій и обстановки русской жизни и рядомъ доводовъ, почерпнутыхъ изъ дѣйствительности, подкрѣпляетъ ту или другую статью проекта. Особаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ разсужденія о предоставленіи мировому судьѣ возбуждать уголовныя дѣла по непосредственно имъ усмотрѣннымъ преступленіямъ.

Изъ записки видно, что Буцковскій не всегда бывалъ въ большинствѣ, но его не одержавшіе верхъ взгляды очень характеризуютъ его направленіе. Такъ напримѣръ, отводя прокурор-

скому надзору серьезную роль и не уменьшая его законной сферы вліянія, Буцковскій хотѣлъ, съ одной стороны, воспользоваться юридическою подготовкою чиновъ этого надзора, а съ другой стороны опасался ихъ давленія на слѣдователей и судей, могущаго стѣснить ихъ необходимую самостоятельность. Поэтому онъ предлагалъ вложить въ уста товарища прокурора, дающаго заключенія въ съѣздѣ мировыхъ судей, не мнѣніе о винѣ или невиновности подсудимаго, а нѣчто въ родѣ предсѣдательскаго руководящаго напутствія, въ которомъ юристъ по профессіи долженъ «объяснять силу доказательствъ и указывать на относящіеся къ дѣлу законы». Наряду съ этимъ, ссылаясь на французскій ministère public, онъ не находилъ основаній, чтобы во всѣхъ случаяхъ, кромѣ лишенія обвиняемаго свободы, *находящійся на мѣстѣ* слѣдователь исполнялъ *всѣ* требованія *отсутствующаго* прокурора, знакомаго, въ большинствѣ случаевъ, съ дѣломъ только по бумагамъ, и потому предлагалъ предоставить слѣдователю представлять суду о неосновательныхъ, по его мнѣнію, требованіяхъ прокурора, не исполняя ихъ. Этотъ взглядъ не былъ, однако, раздѣленъ Государственнымъ Совѣтомъ и всякое *повторенное* требованіе прокурора, кромѣ относящагося ко взятію подъ стражу, нынѣ для слѣдователя обязательно. Широко вводя защиту обвиняемаго и подсудимаго въ процессуальныя правила, Буцковскій признавалъ желательною защиту на предварительномъ слѣдствіи, предоставивъ лишь слѣдователю устранять недобросовѣстныхъ защитниковъ, входящихъ въ стачку съ обвиняемымъ для вовлеченія органовъ правосудія въ заблужденіе. «Слѣдователь—писалъ онъ,—долженъ смотрѣть на обвинителя и на защитника обвиняемаго, какъ на сотрудниковъ своихъ во всестороннемъ изысканіи истины. Едва ли сколько нибудь добросовѣстный слѣдователь станетъ препятствовать избранію обвиняемымъ защитника или дозволитъ себѣ устранить избраннаго защитника, безъ основательныхъ причинъ, тѣмъ болѣе, что всѣ дѣйствія его будутъ подлежать контролю и суда, и цѣлаго общества, отъ вниманія котораго, при дѣйствіи гласности, не ускользнетъ ни одно недобросовѣстное дѣйствіе судьи». Положеніе обвиняемаго на судѣ, при отсутствіи опытнаго защитника, могущаго состязаться съ техникомъ-юристомъ въ лицѣ прокурора, справедливо заботило Буцковскаго, желавшаго, чтобы судъ присяжныхъ «всегда служилъ исключительно на пользу правосудію». Поэтому онъ предлагалъ, хотя и безплодно, постановить, что если избранный подсудимымъ защитникъ по дѣлу, подлежащему суду присяжныхъ, окажется не имѣющимъ надлежащихъ свѣдѣній для правильной защиты, то предсѣдатель суда, не устраняя его, назначаетъ подсудимому другого защитника отъ суда. Заботясь о гарантіи личной свободы, Буцковскій явился горячимъ противникомъ тѣхъ членовъ Коммиссіи, которые предполагали упразднить предположенія первоначальнаго проекта о правѣ прокуроровъ и судей освобождать изъ-подъ стражи неправильно заключенныхъ, изъ опасенія, что это внесетъ путаницу въ ходъ дѣла. «Подъ вліяніемъ вѣковыхъ злоупотребленій—писалъ онъ—задержаніе частныхъ лицъ внѣ законнаго порядка сдѣлалось у насъ обыденнымъ явленіемъ, не возбуждающимъ ни особеннаго ропота, ни особеннаго негодованія. До сей поры правомъ личнаго задержанія пользовались не только всякая власть и всякое начальство, но и частныя лица, занимавшія *выгодное* положеніе въ обществѣ. Судебная реформа должна положить предѣлъ подобному произволу. Поэтому въ законѣ слѣдуетъ выразить это *положительно*»... Наконецъ, онъ упорно стоялъ на единствѣ кассаціонной власти, глубоко понимая и народный взглядъ на Сенатъ, согласно которому послѣдній, со временъ Петра Великаго, долженъ являться представителемъ «нелицемѣрнаго правосудія»,—и ту правовую и нравственную смуту, которую должно внести и вноситъ предоставленіе яко бы авторитетнаго толкованія закона многими учрежденіями сразу... «Отправленіе правосудія въ государствѣ—писалъ онъ—какъ своего рода *священнодѣйствіе*, должно быть всюду одинаково. Всѣ органы суда должны дѣйствовать подъ надзоромъ одной и нераздѣльной власти верховнаго судилища. Только при такомъ единствѣ толкованія закона судебная доктрина можетъ сдѣлаться достояніемъ каждаго, и въ нашей русской жизни установится тотъ духъ законности, при которомъ только и можемъ мы ожидать общественнаго благоустройства и *настоящаго, не мнимаго* прогресса».

Съ особою яркостью сказалась гуманная логика Буцковскаго въ его мнѣніи о *публичности наказаній*. Обрядъ всенароднаго поѣзда осужденнаго на площадь, для выслушанія приговора у позорнаго столба, представлялся ему безплодною и безцѣльною жестокостью, утрачивающею всякое значеніе со введеніемъ публичности и торжественности обрядовъ производства суда. «Составляя только окончаніе той драмы, которая происходила на судѣ публично,—говорилъ онъ,—обрядъ позорной казни представитъ народу одно праздное зрѣлище, безъ всякаго поучительнаго значенія. Мало того, послѣ потери своего устрашающаго характера, обрядъ этотъ можетъ подѣйствовать даже вредно на массу народонаселенія, представляя ей позоръ какъ бы единственнымъ наказаніемъ за тяжкія злодѣянія». «Конечно,—продолжаетъ онъ—чѣмъ менѣе подавлено въ осужденномъ нравственное чувство, чѣмъ менѣе онъ преступникъ по ремеслу, тѣмъ положеніе его, при исполненіи обряда казни, будетъ мучительнѣе. Но для тѣхъ осужденныхъ, которые при совершеніи своихъ преступленій или руководились одними животными побужденіями, или успѣли убить въ себѣ всякое нравственное чувство, позорный обрядъ не имѣетъ никакого значенія. Такимъ образомъ этотъ обрядъ отягощаетъ участь только тѣхъ осужденныхъ, которыхъ нравственныя силы будутъ и безъ того глубоко потрясены публичнымъ изслѣдованіемъ на судѣ ихъ вины и для которыхъ, такимъ образомъ, вопреки справедливости наказаніе окажется болѣе чувствительнымъ». Доводы эти не могли, однако, убѣдить Государственный Совѣтъ, и обрядъ публичной казни для лишенныхъ всѣхъ правъ состоянія продолжалъ существовать до восьмидесятыхъ годовъ, когда наконецъ была вполнѣ признана его тягостная ненужность и карательная безцѣльность.

Особое вниманіе посвятилъ Буцковскій краеугольному камню новаго устройства уголовнаго суда — присяжнымъ засѣдателямъ. Въ особой запискѣ, представленной въ коммиссію, онъ присоединился къ Ровинскому и Зарудному, но со своей собственной, самостоятельной точки зрѣнія. Ровинскій разсматривалъ вопросъ о введеніи суда присяжныхъ со стороны народной психологіи и условій быта, Зарудный — со стороны политическаго характера этого учрежденія и допустимости его при строго монархическомъ строѣ; Буцковскій сталъ на точку зрѣнія историческую. Исходя изъ положенія, что судъ присяжныхъ есть лишь спеціальное проявленіе *суда выборнаго*, и противополагая этотъ судъ, съ его воспріимчивостью и житейскою опытностью, суду равнодушныхъ къ судьбѣ подсудимаго, закопавшихся въ бумагахъ, *назначенныхъ* судей-техниковъ, вставляющихъ всевозможные случаи въ заранѣе опредѣленныя рамки отвлеченныхъ понятій, онъ указывалъ на господство выборнаго начала во всей до-Петровской исторіи. Въ *судныхъ мужахъ*, въ *губ-*

ныхъ старостахъ, въ *цыловальникахъ*, введенныхъ Иваномъ Грознымъ въ видѣ общаго учрежденія, онъ видѣлъ стремленіе верховной власти развить въ общинахъ начатки самоуправленія и народнаго суда. Любовью народа къ своему суду «по совѣсти» и оцѣнкою стремленія правительства къ его сохраненію и развитію объяснялъ онъ доброе отношеніе народа къ памяти жестокаго царя. Даже и въ новомъ, бюрократическомъ періодѣ нашей исторіи онъ отмѣчалъ провозвѣстниковъ присяжныхъ засѣдателей не въ лишенныхъ значенія и судебнаго достоинства сословныхъ засѣдателяхъ, а въ правѣ мѣщанскихъ обществъ судить своихъ порочныхъ членовъ и въ призывѣ, согласно своду законовъ 1857-го года, двѣнадцати лицъ для рѣшенія вопроса о членовредительствѣ. Считая, затѣмъ, что цѣль правосудія достигается раздѣленіемъ между независимыми другъ отъ друга судами задачъ опредѣленія виновности подсудимаго и назначенія ему наказанія, Буцковскій рядомъ глубоко взвѣшенныхъ доводовъ доказывалъ, что это раздѣленіе всего лучше можетъ быть достигнуто учрежденіемъ суда присяжныхъ. Отдѣленіе вопросовъ факта и права, по мнѣнію его, не налагая тяжкихъ испытаній на чувство судей существа дѣла, даетъ имъ возможность руководиться исключительно голосомъ правды и очевидностью, а судьямъ, налагающимъ наказаніе, даетъ возможность спокойно примѣнять законную кару къ установленной виновности, слѣдуя лишь своему долгу и побужденію справедливаго человѣколюбія. Если главная цѣль уголовнаго суда есть примѣненіе кары къ основанной на здравомъ сужденіи оцѣнкѣ дѣйствій и побужденій подсудимаго,—то, какъ писалъ Буцковскій, надо признать, что *наглядная непосредственность сужденія во многихъ случаяхъ вѣрнѣе ученыхъ и тонкихъ анализовъ*. А это сужденіе составляетъ принадлежность выборныхъ по жребію изъ всѣхъ слоевъ общества судей, которые, въ качествѣ присяжныхъ, являются лучшими примирителями *требованій правды съ дѣйствительною жизнью*.

Въ формулярномъ спискѣ Буцковскаго значится, что когда работы по составленію судебныхъ уставовъ были закончены и Государь «принялъ съ особымъ благоволеніемъ» поднесенные ему Бутковымъ труды Коммиссіи, то послѣдній счелъ своею обязанностью указать на Буцковскаго, какъ на одного изъ главныхъ при этихъ трудахъ дѣятелей. Этотъ дѣятель не считалъ, однако, свою задачу исчерпанною. Онъ находилъ необходимымъ ознакомиться на практикѣ съ пріемами приложенія тѣхъ общихъ началъ, которыя онъ проводилъ и защищалъ съ такою любовью и мудрымъ достоинствомъ,—и затѣмъ поставить будущихъ русскихъ судебныхъ работниковъ на трудолюбиво проложенный путь новыхъ учрежденій и невѣдомой дотолѣ сложной самодѣятельности. Въ 1864-мъ году онъ совершилъ поѣздку за границу, посвященную посѣщенію западно-европейскихъ судовъ и практическому изученію господствующихъ въ нихъ порядковъ. Вернувшись, онъ вмѣстѣ со званіемъ сенатора получилъ назначеніе въ коммиссію «о введеніи въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ». Работая въ ней и въ Сенатѣ, Буцковскій выпустилъ рядъ изданій, касавшихся новыхъ судебныхъ порядковъ въ ихъ главныхъ основаніяхъ и въ существенныхъ условіяхъ и требованіяхъ. Такъ появились его сочиненія: «Очерки кассаціоннаго порядка по судебнымъ уставамъ 1864 года», въ которомъ съ ясностью и простотою глубокаго знанія былъ освѣщенъ и разработанъ одинъ изъ труднѣйшихъ и совершенно новыхъ отдѣловъ новаго судебнаго законодательства; «О приговорахъ по уголовнымъ дѣламъ, рѣшаемымъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей» и «О дѣятельности прокурорскаго надзора вслѣдствіе отдѣленія судебной власти отъ обвинительной». Эти книги до сихъ поръ представляютъ богатый запасъ свѣдѣній и коренныхъ положеній, показывающихъ объемъ и направленіе мысли законодателя, смѣнившаго подъяческій, бумажный строй суда и равнодушное «читалъ» стараго губернскаго прокурора живымъ и нравственно отвѣтственнымъ словомъ прокурора—публичнаго представителя обвиняющей стороны въ процессѣ.

1-го Января 1866 года Буцковскій былъ назначенъ присутствовать въ уголовномъ кассаціонномъ департаментѣ. *Осуществленіе* пришло на смѣну *созидательнаго* труда, *изученія* и *наученія*. Кассаціонный судъ былъ учрежденъ на вершинѣ новой судебной пирамиды. Далекая отъ непосредственнаго соприкосновенія съ жизнью, будущая дѣятельность его интересовала исключительно юристовъ, изъ которыхъ многимъ было, однако, трудно, въ представленіяхъ своихъ о ней, «совлечь съ себя ветхаго Адама», то есть устранить мысль о разборѣ дѣла по существу, совершенно чуждомъ идеѣ кассаціоннаго производства. Поэтому юристами первыя рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ ожидались съ большимъ нетерпѣніемъ. Между тѣмъ, въ своей внутренней дѣятельности и задачахъ кассаціонный судъ, только что образованный, имѣлъ живыя и привлекательныя стороны. На немъ лежало не только разъяснять законъ, но и бдительно слѣдить за нарушеніями процессуальнаго порядка, твердо устанавливая для оцѣнки ихъ одни и тѣ же основанія, безотносительно къ лицамъ, въ нихъ повиннымъ, къ мѣстнымъ и временнымъ условіямъ. Въ этомъ состояла и *должна состоять* его *священная обязанность* предъ роднымъ правосудіемъ, неисполненіе или лицемѣрное исполненіе которой лишаетъ этотъ судъ его высокаго значенія. Въ первые годы введенія судебной реформы роль кассаціоннаго сената была еще и творческая, въ настоящемъ смыслѣ слова. Надо было пріучить новые суды къ правильности троякаго ихъ отношенія—къ людямъ, къ понятіямъ и къ законамъ. Слѣдовало установить, властно и внушительно, какъ должны держать себя судьи по отношенію къ сторонамъ, свидѣтелямъ, подсудимымъ,—указать все нежелательное въ судебныхъ преніяхъ,—выяснить сложныя понятія о составѣ нѣкоторыхъ преступленій и степеняхъ участія въ нихъ,—и, наконецъ, подавая примѣръ изслѣдованія духа и разума закона, побѣдить въ судьяхъ унаслѣдованный отъ прежнихъ временъ *суевѣрный страхъ* предъ проникновеніемъ въ *мысль* законодателя.

О томъ, какъ успѣшна, назидательна и содержательна была первоначальная дѣятельность уголовнаго кассаціоннаго департамента, главнымъ руководителемъ и авторитетнымъ совѣтникомъ въ которой явился Буцковскій,—говорить едва ли нужно. Рѣшенія первыхъ трехъ лѣтъ существованія русскаго уголовнаго кассаціоннаго суда разъяснили, упрочили и надолго закрѣпили въ практическомъ примѣненіи начала новаго процесса. Въ первые годы своего существованія этотъ судъ во многихъ отношеніяхъ уподоблялся римскому претору: онъ не только «jus dixit», но и «jus fecit». За это время назрѣли и новые вопросы, требовавшіе обстоятельнаго уясненія и толкованія, отчасти потому, что, при всемъ совершенствѣ Судебныхъ Уставовъ, они не были предусмотрѣны, какъ не выдвинутые жизнью, отчасти и потому, что они были намѣчены лишь въ общихъ чертахъ, въ надеждѣ, что судебная практика, не стѣсненная предустановленными взглядами, сама ихъ вырабатываетъ въ подробностяхъ. Такимъ, напримѣръ, представилось положеніе, выраженное въ 27 ст. устава уголовнаго судопроизводства, въ силу которой суду уголовному должно предшествовать рѣшеніе суда гражданскаго во всѣхъ случаяхъ, когда для опредѣленія преступности дѣянія надо рѣшить вопросы

о правахъ состоянія, о правѣ собственности на недвижимое имущество или о свойствѣ несостоятельности обвиняемаго. Очевидно, что жизнь должна была, въ своихъ многоразличныхъ проявленіяхъ, выдвинуть еще рядъ случаевъ, гдѣ необходимо такое предварительное гражданское рѣшеніе. И дѣйствительно, при дѣятельномъ участіи и тонкомъ юридическомъ анализѣ Буцковскаго выяснился рядъ такихъ случаевъ, потребовавшихъ подробнаго разбора и указаній со стороны кассаціоннаго суда. Имъ посвятилъ Буцковскій не только множество рѣшеній, но и цѣлое изслѣдованіе: «*Объ основаніяхъ кассаціонной практики по вопросамъ предсудимымъ*». Точно также необходимымъ оказалось разъяснить, въ послѣдовательномъ рядѣ рѣшеній, тѣ свойства нарушенія обязательствъ по гражданскимъ сдѣлкамъ, которыя даютъ обиженному право обратиться къ защитѣ суда уголовнаго. Научную и практическую разработку этихъ трудныхъ вопросовъ, въ которыхъ виновный, по образному выраженію Спасовича, «ходитъ по *опушкѣ* между гражданской неправдой и уголовнымъ дѣяніемъ», предпринялъ Буцковскій въ изслѣдованіи: «*О возбужденіи уголовнаго преслѣдованія по гражданскимъ сдѣлкамъ*». Наконецъ, и въ руководящихъ рѣшеніяхъ, и въ юридическихъ статьяхъ, онъ выяснилъ неопредѣленное и разнообразно усвоиваемое понятіе о *самоуправствѣ*, подававшее поводъ къ массѣ недоразумѣній и ошибочныхъ судебныхъ рѣшеній, и изложилъ цѣльное и подробное ученіе *о возобновленіи уголовныхъ дѣлъ*, разобравъ исключительные поводы, по которымъ вошедшій въ силу уголовный приговоръ, не смотря на свою незыблемость, можетъ и долженъ быть, въ интересахъ высшей справедливости, отмѣненъ, и подробно начертавъ порядокъ этого возобновленія, лишь намѣченный судебными уставами.

За два дня до своей кончины, 25 Сентября 1873-го года, онъ окончательно изготовилъ сборникъ всѣхъ своихъ статей, дополненныхъ и видоизмѣненныхъ сообразно указаніямъ опыта. Этотъ сборникъ, составляющій какъ бы завѣщаніе его судебнымъ дѣятелямъ, вышелъ въ 1874-мъ году подъ названіемъ: «*Очерки судебныхъ порядковъ по Уставамъ 20 Ноября 1864 года*».

Но завѣщатель былъ не только юристомъ и благороднымъ гражданиномъ своей родины: онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, добрымъ, чуткимъ къ людскому несчастію человѣкомъ. «Трудясь», по собственнымъ его словамъ, «неустанно всю жизнь и отказываясь отъ всякой прихотливой роскоши», онъ «постоянно утѣшалъ себя тѣмъ, что оставитъ по себѣ память не только въ посильныхъ трудахъ своихъ, но и въ устройствѣ какого-нибудь благотворительнаго учрежденія, соотвѣтствующаго его дѣятельности». Поэтому, какъ бы чувствуя вѣяніе близкой смерти, ровно за четыре мѣсяца до своей кончины онъ составилъ завѣщаніе, по которому почти всѣ сдѣланныя имъ сбереженія изъ трудового своего содержанія, въ количествѣ 50000 р., завѣщалъ совѣту присяжныхъ повѣренныхъ при петербургской судебной палатѣ для составленія благотворительнаго фонда съ цѣлью первоначальнаго пособія тѣмъ по суду оправданнымъ, которыхъ невинность окажется очевидною, а также и тѣмъ осужденнымъ, которые впали въ преступленіе по несчастному для нихъ стеченію обстоятельствъ, при чемъ своевременная помощь можетъ оказаться спасительнымъ средствомъ къ обращенію ихъ на путь честной жизни.

Такъ гармонически закончилъ свою жизнь этотъ трудолюбивый пахарь на нивѣ общественнаго блага. Онъ сошелъ въ могилу со спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго предъ родиною долга, но безъ гордыни, а съ тревожною мыслью о возможности ошибокъ въ дѣлѣ человѣческаго правосудія и о необходимости ихъ посильнаго и любовнаго исправленія...

Дмитрій Николаевичъ Замятнинъ.

Н. Ѳ. Хожи.

ДМИТРІЮ Николаевичу Замятнину выпало на долю участвовать въ возникновеніи судебныхъ уставовъ, вводить судебную реформу въ Петербургскомъ и Московскомъ округахъ и быть первымъ министромъ юстиціи преобразованнаго судебнаго строя Россіи. Онъ выполнилъ эту отвѣтственную, трудную и высокую роль съ прямодушнымъ усердіемъ, ставившимъ на первый планъ жизненные интересы правосудія и благо родины. Не шумный и показной, но искренній и надежный другъ пересозданія нашего внутренняго быта, начатаго упраздненіемъ крѣпостного права, Замятнинъ приложилъ свою трудовую силу и разумѣніе къ тому, чтобы второй шагъ на этомъ пути—устройство суда на новыхъ началахъ—совершился успѣшно и твердо. Его не всегда видная, подчасъ стѣсненная бюрократическими условіями служебнаго положенія и лишенная яркой личной окраски дѣятельность была, однако, существенно необходима для упроченія новаго дѣла. Поэтому его имя должно, по праву, занять почетное мѣсто въ ряду именъ главнѣйшихъ дѣятелей судебнаго преобразованія.

Родившійся въ 1805-мъ году въ помѣщичьей семьѣ Нижегородской губерніи и окончившій съ отличіемъ курсъ въ 1823 г., Замятнинъ, не представляя характеристическихъ личныхъ особенностей, которыя могли бы его рѣзко выдѣлять среди окружающей обстановки, вынесъ и пронесъ чрезъ всю жизнь симпатичныя типическія свойства стараго Царскосельскаго лицеиста. Ему пришлось провести молодость и зрѣлые годы въ эпоху, когда преобладало стремленіе все сравнять и подвести въ отношеніи духовныхъ запросовъ и потребностей подъ одну мѣрку. На его дѣятельности за это время не могли не отразиться нѣкоторая безличность и отсутствіе оригинальности, свойственныя пережитому имъ періоду русской общественной исторіи. До назначенія его въ октябрѣ 1862-го года министромъ юстиціи, за все время занятій его при Сперанскомъ во второмъ отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи и службы, съ 1840-го года, герольдмейстеромъ, членомъ Консультаціи, оберъ-прокуроромъ гражданскихъ департаментовъ Сената и наконецъ, сенаторомъ, трудно указать какой-либо особо-выдающійся фактъ, если не считать постояннаго пребыванія на стражѣ противъ

взяточничества и злоупотребленій, разъѣдавшихъ, при помощи знаменитой «приказной волокиты», наши судебныя учрежденія снизу до верху... И частная, и служебная жизнь его текла гладко и спокойно, безъ грозныхъ бурь и мятежныхъ тревогъ, оставляя впечатлѣніе ровнаго, прохладнаго дня, безъ дождя и безъ зноя, за которымъ постепенно должны придти сумерки и ночь, приносящая съ собою, законною чредой, обычное спокойствіе, но не выстраданный отдыхъ. А между тѣмъ въ великое слово «судебная реформа», связанное съ однимъ изъ чистѣйшихъ и благороднѣйшихъ моментовъ русскаго общественнаго развитія—имя Замятнина входитъ какъ неразрывный кусокъ мозаики и должно вспоминаться съ чувствомъ благодарности.

По существу своему глубоко честный, не особенно склонный къ почину, но ясный и здравый умомъ, онъ долго, хотя и не непосредственно, созерцалъ ту Русь, которая была «въ судахъ черна неправдой черной»—и раскалялся сердцемъ противъ вопіющаго неправосудія, прикрытаго формальною законностью, съ которымъ ему приходилось постоянно встрѣчаться въ нѣдрахъ своихъ канцелярій и департаментовъ. Когда повѣяло новымъ духомъ и вокругъ него заговорили о возможности и необходимости реформы, онъ чуткой совѣстью почувствовалъ, на чьей сторонѣ правда, и, не взирая на вліятельныя предостереженія изъ среды «умѣренности и аккуратности», рѣшительно склонился на сторону смѣлыхъ проводителей въ нашъ судъ широкихъ началъ новой жизни. Онъ нашелъ въ своей душѣ такое же довѣріе къ составителямъ судебныхъ уставовъ, какое они питали къ русскому народу, вѣруя въ его нравственныя силы—и повѣривъ, остался вѣренъ до конца, не смотря ни на что и не смущаясь разными шероховатостями перваго времени новой судебной практики, которыя раздувались врагами обновленнаго суда и вмѣнялись ему самому чуть не въ уголовныя преступленія. Въ этомъ состоитъ его *главная заслуга* какъ министра юстиціи. Она была не единственною. Будучи вѣренъ судебной реформѣ «im grossen und ganzen», онъ, въ виду пройденной имъ дореформенной процессуальной школы, не былъ знатокомъ нѣкоторыхъ частностей и техническихъ подробностей новыхъ судебныхъ порядковъ. Сознавая, однако, что на частностяхъ можно проиграть главное и потрясти цѣлое, давъ слишкомъ острое оружіе противникамъ, онъ, являясь представителемъ юстиціи предъ Монархомъ и въ высшихъ государственныхъ учрежденіяхъ, прямо и откровенно просилъ въ трудные годы судебной реформы помощи, совѣта и указаній у счастливо сгруппированныхъ имъ около себя честныхъ и способныхъ дѣятелей, подчиненныхъ и сотрудниковъ. Далекій отъ ложнаго самолюбія и не боясь уронить свое достоинство государственнаго сановника дѣйствуя такимъ образомъ, онъ давалъ своимъ врагамъ, ожесточавшимся на проявляемое имъ знаніе подробностей, поводъ злобно говорить, что онъ «дастъ себя начинять департаментскимъ либераламъ». Въ этомъ умаленіи своего министерскаго *я*, въ этой готовности учиться какъ надо служить дѣлу, благому значенію котораго вѣришь—состоитъ его *вторая заслуга*.

Памятникомъ направленія, въ которомъ дѣйствовало при выработкѣ судебной реформы министерство юстиціи подъ руководствомъ Замятнина, является обширное собраніе «замѣчаній министра юстиціи», представленныхъ въ коммиссію по составленію уставовъ и бывшихъ въ разсмотрѣніи Государственнаго Совѣта. Въ этихъ замѣчаніяхъ онъ не только является поклонникомъ выборнаго начала и сочувствующимъ учрежденію суда присяжныхъ и адвокатуры, организованной на широкихъ началахъ самоуправленія и самовосполненія, но выступаетъ съ рядомъ практическихъ замѣчаній. Непринятіе нѣкоторыхъ изъ нихъ было впослѣдствіи осуждено самою жизнью. Благодаря замѣчаніямъ Замятнина, проникнутымъ довѣріемъ къ выборнымъ судьямъ, мировая подсудность гражданскихъ дѣлъ была поднята со ста рублей до пятисотъ и мировые судьи избавлены отъ необходимости исполнять разныя мелкія, не соотвѣтствующія достоинству ихъ званія порученія окружного суда. При помощи ихъ защитниковъ признанъ необходимымъ во всѣхъ уголовныхъ дѣлахъ, подсудныхъ общимъ судамъ, а не въ исключительныхъ только случаяхъ, какъ предполагалось первоначально—и установлена значительно ограничивающая возможность произвольныхъ взглядовъ слѣдователя постепенность въ мѣрахъ пресѣченія способовъ уклоненія отъ суда и слѣдствія. Озабочиваясь успѣхомъ предварительныхъ слѣдствій и находя, что они иногда обезпечиваются нѣкоторою гласностью допросовъ и изслѣдованій, Замятнинъ предлагалъ разрѣшить слѣдователю допускать присутствіе при своихъ дѣйствіяхъ публики во всѣхъ случаяхъ, когда это не можетъ повредить истинѣ. На такой смѣлый, какъ казалось Государственному Совѣту, шагъ послѣдній не могъ рѣшиться, какъ не рѣшился—къ величайшему и трудно поправимому ущербу для быстроты и доступности правосудія въ высшемъ, въ порядкѣ инстанцій, судѣ—и на принятіе предлагаемаго Замятнинымъ перечня существенныхъ кассаціонныхъ нарушеній, заключавшаго въ себѣ 29 случаевъ для гражданскаго и 24 для уголовнаго процессовъ. Явись у Государственнаго Совѣта эта рѣшимость, наша кассаціонная практика пошла бы по иному и, безъ сомнѣнія, болѣе плодотворному пути.

Для новаго суда нужны были живыя личныя силы. Замятнинъ обратилъ особое вниманіе на личный составъ судебныхъ учрежденій при введеніи судебной реформы. Для ея правильнаго осуществленія всего важнѣе были назначенія на вновь учрежденныя должности. Нужно было въ «мѣха новые» влить и «вино новое». Со времени изданія судебныхъ уставовъ было сдѣлано все возможное, чтобы создать контингентъ надлежащихъ лицъ. Законодательство, кружки юристовъ и литература дѣйствовали, въ этомъ отношеніи, дружно и въ одномъ направленіи. Усиленіе окладовъ и штатовъ, а также измѣненіе условій судебной службы должны были привлечь въ судебное вѣдомство новыя силы и вернуть въ него ушедшія. Богатое анекдотическими воспоминаніями управленіе министерствомъ юстиціи въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ мало-по-малу заставило многихъ полезныхъ дѣятелей покинуть это министерство. Значительная ихъ часть перешла въ вѣдомство, въ которомъ, не смотря на его спеціальный характеръ, раньше всѣхъ пробудилась жизнь, вызванная разгромомъ крымской войны. Они пріютились подъ крыломъ великаго князя Константина Николаевича, въ морскомъ министерствѣ. Учрежденіе судебныхъ установленій гарантировало этихъ отщепенцевъ отъ случайныхъ настроеній начальства и отъ внезапныхъ служебныхъ перемѣщеній «отъ финскихъ хладныхъ скалъ» въ «пламенную Колхиду» и наоборотъ, а новые штаты давали возможность жить въ скромномъ довольствѣ. Поэтому Замятнинъ настаивалъ на удержаніи проектированныхъ коммиссіею окладовъ. Онъ не безъ основанія боялся, что лучшіе изъ тѣхъ, кого застанетъ въ судебномъ вѣдомствѣ реформа, при условіи сохраненія старыхъ, скудныхъ окладовъ уйдутъ въ присяжные повѣренные. Необходимость увеличить содержаніе была, по мнѣнію Замятнина, такъ настоятельна, что если, какъ писалъ онъ, по какимъ-либо соображеніямъ признано будетъ необходимымъ уменьшить оклады и отмѣнить прибавки, *то лучше отказаться отъ судебной реформы*, лучше остановиться приведе-

ніемъ ея въ исполненіе, чѣмъ съ самаго начала дать ей ложное направленіе, поставить ее въ невыгодныя условія и отказаться отъ тѣхъ благихъ послѣдствій, которыхъ по справедливости можно ожидать отъ предначертанныхъ уставовъ. Его крайне озабочивала необходимость поддержанія и соблюденія равновѣсія между судебнымъ сословіемъ и нарождавшеюся адвокатурою. «Если оклады содержанія будутъ уменьшены—заявлялъ онъ,—то равновѣсіе это нарушится, бо́льшая часть даровитыхъ и знающихъ личностей поступитъ въ присяжные повѣренные; конечно, такимъ образомъ у насъ весьма скоро образуется обширное сословіе *присяжныхъ повѣренныхъ* и станетъ сильнымъ, *но сильнымъ насчетъ судебнаго сословія и въ ущербъ ему*. Судебное вѣдомство будетъ обезсилено переходами лучшихъ своихъ представителей въ другія вѣдомства и въ присяжные повѣренные. При ежедневныхъ столкновеніяхъ въ судебныхъ преніяхъ по дѣламъ, часто сопряженнымъ съ весьма важными государственными интересами, судебное вѣдомство вынуждено будетъ противопоставлять присяжнымъ повѣреннымъ не только не вполнѣ опытныхъ, но иногда и бездарныхъ представителей». Даже въ самой несмѣняемости судей видѣлъ онъ опасность, если съ нею не будетъ соединено нѣкоторое обезпеченіе матеріальнаго положенія судьи. «Если судебное вѣдомство — заключаетъ онъ свои соображенія, представленныя государственному совѣту, — не будетъ въ состояніи привлечь и удержать способныхъ и честныхъ дѣятелей, то несмѣняемость судей принесетъ больше вреда, чѣмъ пользы, и правительству даже опасно будетъ предоставить обширный кругъ дѣятельности, огромную власть и вѣрить охраненіе важнѣйшихъ интересовъ государства такимъ людямъ, большинство которыхъ остается въ судебномъ вѣдомствѣ только потому, что не нашло себѣ другихъ, лучшихъ мѣстъ».

Отъ назначеній зависѣлъ успѣхъ дѣла, прочность его постановки и его, такъ сказать, репутація. Трудность выбора, требовавшая большого „respice finem“, усиливалась еще и тѣмъ, что для назначенія на живыя, требующія самодѣятельности и въ то же время отвѣтственныя должности по судебному вѣдомству *нельзя было установить общихъ*, ко всѣмъ примѣнимыхъ нормъ. Въ рядѣ должностей по казеннымъ управленіямъ, напримѣръ, требовались лишь честность и трудолюбіе, да простая житейская уживчивость; *остальное опредѣлялось* буквою закона, инструкціями и уставами. Во вновь создаваемыхъ должностяхъ этого было мало—съ этимъ однимъ было опасно пускаться въ путь. Въ отправленіе ихъ вносился *элементъ* способности, солидарности взглядовъ, свободно и безъ предварительныхъ указаній осуществляемой, и заботливой преданности общему дѣлу. Именно—общему дѣлу. Говорить о солидарности въ общемъ дѣлѣ взысканія недоимокъ или отдачи въ аренду казенныхъ оброчныхъ статей *было бы нѣсколько странно* — говорить объ общемъ дѣлѣ отправленія правосудія было не только вполнѣ понятно, но и необходимо. Нужно было призвать на новое поприще не *чиновниковъ*, а *дѣятелей*... Личность, со всѣми своими нравственными и духовными особенностями, стояла при этомъ выборѣ на первомъ планѣ. А личность нельзя втиснуть въ точно опредѣленныя рамки—она выходитъ изъ нихъ и за нихъ. Если бы для живого дѣла, отражающаго на себѣ самыя *многоразличныя явленія* жизни, установить исполнителей *«общеутвержденнаго образца»*, такіе исполнители внесли бы въ жизнь дыханіе смерти. Общія условія, которымъ долженъ былъ удовлетворять новый судебный дѣятель, во всякомъ случаѣ сводились къ тому, что онъ долженъ *знать* дѣло—для самаго дѣла, умѣть *дерзать*, не ожидая указаній и наставленій, а развивая свою дѣятельность съ сознаніемъ несомой отвѣтственности—и, наконецъ, обладать *тактомъ* для упроченія тѣхъ началъ, которымъ онъ служитъ,— не говоря уже о нравственной безупречности и трудолюбіи. И эти свойства требовались не отъ отдѣльныхъ единицъ, каковыми и при старомъ порядкѣ являлись люди въ родѣ Пущина, «освятившаго»—по словамъ Пушкина—избранный имъ «санъ» надворнаго судьи, Ивана Аксакова, Ровинскаго и др., а отъ массы «званыхъ и избранныхъ». Министръ юстиціи, въ вопросѣ выбора на новыя должности, держалъ въ рукахъ высокіе, завидные и вмѣстѣ съ тѣмъ нелегкіе дары и долженъ былъ ихъ передать въ достойныя руки...

Излишне перечислять первыя назначенія. Каждый, кому памятно введеніе судебной реформы, кто имѣлъ счастіе участвовать въ открытіи новыхъ судовъ, помнитъ почтенныя имена ихъ главныхъ дѣятелей и произноситъ ихъ съ сердечнымъ чувствомъ. Увы! огромнаго большинства изъ нихъ уже нѣтъ въ живыхъ... Но они продолжаютъ жить въ душѣ нынѣ старыхъ судебныхъ дѣятелей тогдашняго молодого суда, — въ душѣ, которая по отношенію къ нимъ «елизіумъ тѣней», какъ выразился Тютчевъ. Явилась обширная и стройная группа судебныхъ дѣятелей, восторженно преданныхъ служенію правосудія и новымъ началамъ, *обезпечивающимъ* послѣднее. Эта группа, учительница ближайшихъ послѣдующихъ поколѣній, выросла тамъ, гдѣ еще недавно было «мѣсто пусто, мѣсто безводно, мѣсто безлюдно»... И въ этихъ назначеніяхъ, при чемъ Замятнинъ прислушивался къ житейскому опыту и мудрымъ указаніямъ своего товарища Стояновскаго, его *третья заслуга*.

Помочь создать новыя судебныя учрежденія и намѣтить достойный ихъ личный персоналъ—еще не значило сдѣлать все нужное для осуществленія реформы. Необходимо было найти и приличныя для нихъ, могущія быть удобно приспособленными зданія. Это составило задачу Замятнина, вложившаго въ нее много любви и труда. По отношенію къ Москвѣ задача облегчалась существованіемъ тамъ великолѣпнаго зданія Сената, часть котораго могла свободно отойти подъ новыя судебныя мѣста. Нужно было только энергически приняться за внутреннія передѣлки, ремонтъ и чистку по опредѣленному плану. Ко времени открытія въ Москвѣ новыхъ судовъ, въ концѣ апрѣля 1866 г., сенатское зданіе уже представляло рядъ прекрасныхъ, свѣтлыхъ и обширныхъ помѣщеній, въ которыхъ удобно размѣстились судебная палата и окружный судъ съ принадлежащими къ нимъ учрежденіями. Реставрированная большая зала (или, какъ въ первое время её называли, ротонда) не получила особаго назначенія. Она представляетъ нѣчто въ родѣ парижской *salle des pas perdus*, но въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ въ ней устраиваются приспособленія для открытія засѣданій съ присяжными по сложнымъ и многолюднымъ, въ смыслѣ свидѣтелей и подсудимыхъ, дѣламъ. Въ первый разъ она была обращена въ залу судебныхъ засѣданій въ 1868-мъ году, когда въ ней разбиралось съ 17 по 28 марта обширное дѣло крестьянина Матова и 28 его сообщниковъ, обвинявшихся въ устройствѣ въ Гуслицахъ фабрики для поддѣлки ассигнацій, по которому было назначено 19 защитниковъ и вызвано очень много свидѣтелей.

Гораздо труднѣе было устроить помѣщеніе для судебныхъ мѣстъ въ Петербургѣ. Замятнинъ былъ въ большомъ затрудненіи въ этомъ отношеніи. Надо было не только найти подходящее по объему, мѣсту и расположенію зданіе, но и преодолѣть различныя финансовыя затрудненія. Изъ всеподданнѣйшаго доклада его отъ 7 апрѣля 1865 года видно, что при поискахъ зданія для судебныхъ мѣстъ одно предположеніе смѣняло другое. Думали

воспользоваться зданіемъ святѣйшаго синода, пріискавъ для послѣдняго другое помѣщеніе и помѣстивъ новые суды въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ сенатомъ; предполагали занять часть адмиралтейства; было, наконецъ, предположеніе войти въ соглашеніе съ военнымъ вѣдомствомъ объ уступкѣ Михайловскаго инженернаго замка. Всѣ эти планы оказались неудобоисполнимыми по многимъ причинамъ. Министерство юстиціи остановилось на мысли устроить судебныя мѣста въ зданіи присутственныхъ мѣстъ на Адмиралтейской площади. При ближайшемъ изученіи этого вопроса оказалось, однако, что помѣщеніе здѣсь, тѣсное и неудобное, окружного суда и одного департамента судебной палаты потребовало бы огромнаго безвозвратнаго расхода. Это было бы убыточно, да и кромѣ того, повидимому, самая мысль водворить новый судъ въ зданіи, съ которымъ у населенія соединялось воспоминаніе и представленіе о надворномъ судѣ и уголовной палатѣ, не особенно улыбалось Замятнину, который съ горячею настойчивостью стремился ввести новый *во всѣхъ отношеніяхъ* судъ. Не находя подходящихъ помѣщеній, онъ рѣшился на геронческій, въ своемъ родѣ, шагъ. Онъ рѣшился пожертвовать зданіемъ министерства юстиціи и генералъ-прокурорскимъ домомъ, въ которомъ самъ жилъ. Примѣрная смѣта передѣлокъ, однако, вскорѣ убѣдила его, что для приспособленія этихъ зданій и на наемъ помѣщенія для министерства юстиціи потребуется громадный расходъ, на который, конечно, не согласится чуждый увлеченіямъ и крѣпко сидѣвшій на казенномъ сундукѣ министръ финансовъ, Рейтернъ. Тогда явилась новая комбинація. Военное министерство уступало зданіе стараго арсенала, со всѣми къ нему пристройками, на такихъ условіяхъ, что безвозвратный расходъ составлялъ всего 115 т. р. с. Военный министръ Д. А. Милютинъ, относившійся съ большимъ сочувствіемъ къ реформѣ суда, согласился разсрочить платежъ этой суммы на десять лѣтъ—и со стороны финансоваго вѣдомства возраженій не предвидѣлось. На этомъ Замятнинъ и остановился.

Старый арсеналъ—довольно мрачное зданіе, съ толстыми стѣнами, глубокими амбразурами оконъ и обширными непріютными, подъ сводами, комнатами и залами, отъ которыхъ немного вѣяло холодомъ, — выстроенъ на мѣстѣ, гдѣ при Петрѣ Великомъ стояли пороховыя мельницы, а затѣмъ былъ устроенъ пушечный дворъ. Постройки Петровскаго времени къ царствованію Екатерины II пришли въ разрушеніе и были разобраны. Образовавшійся пустырь императрица подарила Григорію Орлову, который выстроилъ въ 1775-мъ году на этомъ мѣстѣ арсеналъ, пожертвованный имъ государству и получившій со временемъ названіе стараго. Зданіе было освящено въ 1776-мъ году. Тогда же въ главной его залѣ поставлена изваянная въ Римѣ, по заказу князя Потемкина, мраморная статуя императрицы и вдѣлана въ стѣну на лѣстницѣ доска темнаго мрамора съ надписью: «Въ пользу артиллеріи арсеналъ сей сооружилъ собственнымъ иждивеніемъ генералъ-фельдцейхмейстеръ князь Орловъ, лѣта 1776».

Старый арсеналъ былъ содержимъ въ образцовомъ порядкѣ; военное вѣдомство очистило его очень быстро. Но все-таки перестройка потребовалась громадная и притомъ капитальная. Достаточно замѣтить, что арсеналъ не отапливался и не имѣлъ печей. Неустанная работа, однако, закипѣла, поощряемая министромъ и руководимая съ большою энергіею и любовью къ дѣлу архитекторомъ Шмидтомъ. Въ немъ судебная реформа нашла *своего* человѣка. Изучивъ устройство судебныхъ мѣстъ на Западѣ, онъ умѣло и скоро преобразилъ все внутреннее расположеніе арсенала, пристроивъ двѣ залы для засѣданій, сдѣлавъ значительныя сбереженія противъ первоначальной смѣты и потребовавъ за планы и за трудъ скромное вознагражденіе всего лишь въ 1900 р. с. Къ веснѣ 1866 г., въ концѣ Литейной улицы, среди группы зданій военнаго характера, съ грознымъ рядомъ старинныхъ пушекъ предъ однимъ изъ нихъ, оказалось зданіе мирнаго, гражданскаго назначенія, готовое принять въ свои нѣдра давно возвѣщенный и жданный новый судъ. Старинныя пушки грозно уставили на него, съ противоположной стороны улицы, свои жерла, но общій сочувственный интересъ виталъ надъ нимъ. Первое изъ вѣдомствъ, оффиціально признавшее новое назначеніе храмины, сооруженной «въ пользу артиллеріи», было министерство почтъ и телеграфовъ. Управлявшій этимъ министерствомъ уже 16 іюля 1865 г. просилъ Замятнина объ уступкѣ въ зданіи будущихъ судебныхъ установленій помѣщенія для устройства станціи городского (тогда только-что вводимаго) телеграфа, что было бы «сообразно съ требованіями новой реформы гражданскаго суда» и за что телеграфное управленіе принимало на себя устройство, въ одномъ изъ оконъ, выходящихъ на Литейную, изохроническихъ часовъ съ пулковскимъ регуляторомъ, существующихъ и понынѣ. Заботясь объ украшеніи зданія, Замятнинъ просилъ Государя разрѣшить оставить во владѣніи новаго суда статую Екатерины, а 1 декабря 1865 г. поднесъ на Высочайшее утвержденіе рисунокъ горельефа надъ воротами зданія судебныхъ установленій, изображающаго судъ Соломона, съ надписью: «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ».

Вообще во внутреннемъ видѣ московскихъ и петербургскихъ судебныхъ установленій измѣнилось за послѣдніе годы немногое. Лишь въ московской круглой залѣ и въ петербургской залѣ для публики изъ глубины полутемныхъ нишъ выдѣлился, въ своей величавой простотѣ, образъ создателя новаго суда, изваянный изъ мрамора, на средства тѣхъ, кому онъ указалъ новые пути для служенія правосудію. Когда утихаетъ трудовой и суетливый судебный день и зданіе суда пустѣетъ и замолкаетъ, — этотъ незабвенный образъ еще сильнѣе выдѣляется своею бѣлизною въ надвигающемся мракѣ, подобно молчаливому стражу учрежденій, возникшихъ по его великодушному почину...

Въ теченіе 1865-го года Замятнинъ посѣтилъ многіе изъ городовъ въ предназначенныхъ къ открытію судебныхъ округахъ и на мѣстѣ, путемъ личныхъ бесѣдъ съ представителями мѣстнаго общества и властями, разъяснилъ всѣ вопросы по устройству новыхъ судовъ, вызвавъ со стороны собесѣдниковъ, тронутыхъ его простымъ обращеніемъ и свѣтлыми взглядами на будущее судебнаго дѣла, рядъ пожертвованій на меблировку и внутреннее убранство судовъ, значительно облегчившихъ расходы казны.

14 апрѣля 1866 года Императоръ Александръ II, въ сопровожденіи Замятнина, посѣтилъ помѣщеніе новыхъ судебныхъ учрежденій въ зданіи стараго арсенала. Послѣ подробнаго осмотра, Государь, обращаясь къ вновь назначеннымъ чинамъ судебнаго вѣдомства, выразилъ надежду, что они оправдаютъ оказанное имъ довѣріе, и сказалъ: «*Итакъ въ добрый часъ, начинайте благое дѣло!*» Дѣло, которое самъ верховный устроитель его назвалъ благимъ, было начато 16 апрѣля. Въ этотъ день помѣщеніе суда и судебной палаты было освящено и тогда-же въ большомъ залѣ для засѣданій съ присяжными былъ установленъ образъ съ лампадою, пожертвованный воспитанниками училища правовѣдѣнія. Вслѣдъ затѣмъ въ зданіи сената было открыто первое общее собраніе кассаціонныхъ департаментовъ. Настоящее торжество происходило на другой

день, 17-го апрѣля, въ день рожденія Государя. Около часу дня съ горельефа надъ воротами стараго арсенала была снята завѣса, и слова «Правда и милость да царствуютъ въ судахъ» впервые заблистали своими золотыми буквами надъ входомъ въ новый судъ. Въ ворота съ этой надписью проѣхали и прошли покойный принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, этотъ просвѣщенный дѣятель на подкладкѣ неисчерпаемой доброты, митрополитъ, послы англійскій и французскій и всѣ тѣ, кому служебное положеніе или принадлежность къ составу новыхъ судовъ давали возможность попасть на открытіе. Всѣ были оживлены,—все блистало новизною.

Новизна слышалась и въ рѣчи Замятнина, обращенной къ новымъ судебнымъ дѣятелямъ. Это не была обыкновенная, казенная рѣчь, реторическія фигуры которой, звучно разсѣкая воздухъ, не трогаютъ сердца, не шевелятъ мысли. Въ ней чувствовалось сознаніе значенія переживаемой минуты и слышалось ясное опредѣленіе обязанностей, создаваемыхъ новымъ положеніемъ. Упомянувъ, что Царь-освободитель, даровавшій крестьянамъ свободу отъ крѣпостной зависимости и слившій затѣмъ отдѣльныя сословія въ одну общую земскую семью, совершаетъ новый подвигъ своей благотворной дѣятельности, даруя судебнымъ установленіямъ полную самостоятельность, министръ указывалъ на великія обязанности и отвѣтственность, возлагаемыя этимъ на судебное вѣдомство. «Никому уже—говорилъ онъ,—не будетъ права ссылаться, въ оправданіе своихъ дѣйствій и рѣшеній, ни на несовершенства порядка судопроизводства, потому что каждому даются въ руководство новые уставы, составляющіе послѣднее слово юридической науки,—ни на недостатки законовъ о доказательствахъ, потому что опредѣленіе силы ихъ предоставляется голосу совѣсти».—Рѣчь кончилась мольбою: да даруетъ Господь каждому, въ предѣлахъ возлагаемыхъ на него обязанностей, силу неуклонно, въ чистотѣ помысловъ и дѣйствій, съ пользою для отечества стремиться къ выполненію великихъ предначертаній Монарха и ожиданій Россіи. Въ рѣчи Замятнина были не только прочувствованныя, но и красивыя мѣста. «*Завязывая свои глаза*—сказалъ онъ судьямъ,—предъ всякими посторонними и внѣшними вліяніями, вы тѣмъ полнѣе *раскроете внутреннія очи совѣсти* и тѣмъ безпристрастнѣе будете взвѣшивать правоту или неправоту подлежащихъ вашему обсужденію требованій и дѣяній»...

23 апрѣля Замятнинымъ открыты московскія судебныя установленія, при чемъ въ рѣчи, имъ сказанной, особое вниманіе было обращено на разъясненіе значенія должности мирового судьи, изъ которой онъ приглашалъ слушателей сдѣлать общими усиліями «краеугольный камень гласнаго, скораго, праваго и милостиваго суда».

Замятнину пришлось быть министромъ юстиціи при реформированномъ судѣ лишь годъ. Судебное преобразованіе имѣло цѣлью удалить рѣшительнымъ образомъ изъ русскаго общественнаго организма застарѣлую опухоль подьяческаго и приказнаго суда, мѣшавшую правильному удовлетворенію одной изъ его насущныхъ потребностей. Но опухоль внѣдрилась глубоко; вокругъ нея и въ ней образовался прочный круговоротъ нездоровыхъ соковъ. Удаленіе не могло произойти безъ тягостныхъ ощущеній, малодушной боязни и даже боли. Въ то время, какъ здоровыя клѣтки свѣжей ткани начинали свою творческую работу, обнаженное мѣсто ныло и горѣло. Отсюда протесты и вопли противъ рѣшенія хирурговъ и противъ сознательно исполнявшаго свое дѣло оператора, протесты поспѣшные, нерѣшливые, находившіе себѣ поддержку въ той «жаждѣ сомнѣнія» во всемъ и во всѣхъ, которая такъ свойственна нашему общественному складу. Недаромъ Некрасовъ указывалъ на «зловѣщій тактъ», съ которымъ мы «сторожимъ неудачу» и замѣчаемъ «облачко надъ фактомъ»... Такъ было и съ первыми шагами новаго суда. Въ его отношеніяхъ къ окружающимъ областямъ, къ общественнымъ кругамъ и къ отдѣльнымъ личностямъ многіе охотно допускали *новое*, но только подъ условіемъ, чтобы, съ точки зрѣнія формъ, оно совершалось *по старому*. Поэтому къ вновь созданнымъ учрежденіямъ и ихъ представителямъ предъявлены были самыя чрезмѣрныя требованія непогрѣшимости не только по существу, но и по формѣ, не только въ ходѣ дѣлъ, но и въ обиходѣ взаимоотношеній. Отсутствіе опыта стало признаваться ошибкою, неизбѣжныя разногласія—тенденціозностью, дѣйствительные, хотя и естественные въ новомъ дѣлѣ, промахи—преступленіями...

Все это отразилось на Замятнинѣ. Глубоко опечаленный разлукою со своимъ цѣннымъ помощникомъ и «товарищемъ» не только по служебному званію, но и по дѣйствительному сотрудничеству въ дѣлѣ судебной реформы, Н. И. Стояновскимъ, получившимъ другое назначеніе, Замятнинъ увидѣлъ, что дни его, какъ министра юстиціи, сочтены. Но онъ не сдѣлалъ никакой постыдной уступки навѣтамъ противниковъ, чтобы только остаться. Напротивъ, въ своемъ отчетѣ о дѣятельности новыхъ судовъ, опубликованномъ въ мартѣ 1867 года, онъ торжественно, въ простыхъ и проникнутыхъ сознаніемъ долга словахъ, признался, что мировой институтъ вызвалъ заслуженное къ себѣ довѣріе, что работа общихъ судебныхъ установленій оказалась благотворною, что присяжные засѣдатели вполнѣ оправдали возложенныя на нихъ надежды и что, наконецъ, необходимымъ для достиженія единства въ отправленіи правосудія пособіемъ послужила дѣятельность сословія присяжныхъ повѣренныхъ. Одновременно съ представленіемъ такого отчета, онъ исходатайствовалъ повелѣніе объ открытіи новаго обширнаго судебнаго округа—Харьковскаго. Упорнымъ нежеланіемъ идти на компромиссы и полнымъ отрицаніемъ необходимости какихъ-либо видоизмѣненій только что совершеннаго преобразованія, Замятнинъ ускорялъ свою окончательную отставку, сопряженную для него, человѣка съ недостаточными матеріальными средствами, съ немалыми ущербами. Она и послѣдовала 16 апрѣля 1867-го года.

Замятнинъ покинулъ свой постъ съ горечью, но безъ озлобленія. Старый, вѣрный слуга своего Государя, онъ такимъ и остался—не остался вѣренъ и дѣлу, которому судьба дала ему счастье послужить. Онъ оказался сдѣланнымъ изъ огнеупорной глины: накалялся медленно, но жаръ хранилъ долго и прочно. Въ новой сферѣ своего служенія—законодательно-совѣщательной—онъ не былъ ораторомъ и роль горячаго бойца за судебные уставы не вытекала изъ его мирнаго и спокойнаго характера; но онъ стойко и безповоротно стоялъ на ихъ сторонѣ и его голосъ всегда принадлежалъ тому, что онъ научился любить во дни своего министерскаго служенія. Проекты разныхъ «улучшеній» въ уставахъ его очень тревожили, вызывая въ немъ «упрямое» недовѣріе къ ихъ благимъ послѣдствіямъ — и онъ искалъ случая получить подробныя разъясненія сквозящей изъ нихъ опасности. Въ особенности, словомъ и дѣломъ, шелъ онъ противъ обобщенія отдѣльныхъ *случаевъ* въ цѣлое *явленіе* и въ тревожныя для судебнаго законодательства времена имѣлъ рѣдкую смѣлость настойчиво утверждать, что ожесточенныя нападки на судъ присяжныхъ засѣдателей и на магистратуру вообще, по поводу какого-либо исключительнаго дѣла, неспра-

ведливы и односторонни, и что нельзя ломать цѣлыхъ учрежденій изъ-за одного или двухъ «непріятныхъ» рѣшеній.

Всю послѣдующую за 1867-мъ годомъ жизнь онъ живо интересовался ходомъ судебнаго дѣла, радостно привѣтствовалъ распространеніе судебной реформы по лицу русской земли, сочувствовалъ успѣхамъ судебныхъ дѣятелей, скорбѣлъ о постигавшихъ ихъ невзгодахъ и никогда не разрывалъ нравственной съ ними связи. Всѣ, кто его зналъ, отвѣчали ему тѣмъ же, горячо привѣтствуя его въ день 50-ти-лѣтняго юбилея и основавъ въ Петербургской колоніи малолѣтнихъ преступниковъ домикъ имени Д. Н. Замятнина. Къ суду онъ до конца дней сохранилъ глубокое уваженіе и бывалъ доволенъ, когда ему удавалось выразить это чувство внѣшнимъ образомъ. Уже на склонѣ дней, часто прихварывая, онъ ни за что не хотѣлъ воспользоваться своимъ правомъ сановника не являться въ засѣданіе суда въ качествѣ свидѣтеля по двумъ завѣщаніямъ и по одному дѣлу, гдѣ была сдѣлана на него ссылка, а требовать допроса на дому. Стѣны суда, когда-то имъ торжественно открытаго, какъ «равнаго для всѣхъ», увидѣли снова почтеннаго и величаваго старика, пришедшаго исполнить свой долгъ наравнѣ со всѣми. Недаромъ послѣдній циркуляръ его по судебному вѣдомству требовалъ отъ подчиненныхъ ему чиновъ прокуратуры *вставанія* при обращеніяхъ къ суду, какъ необходимаго признака подобающаго послѣднему уваженія. Предписаніе это было впослѣдствіи отмѣнено и представителямъ государственнаго обвиненія предоставлено объясняться съ судомъ *сидя*—но упроченный этимъ предписаніемъ прекрасный обычай существуетъ до сихъ поръ.

Отличный семьянинъ, радушный хозяинъ и интересный собесѣдникъ въ частной своей жизни, Замятнинъ до конца дней сохранилъ привлекательный обликъ. Высокій, прямой, съ красивою сѣдою головой, твердою походкой и ясною рѣчью, онъ умѣлъ соединять въ себѣ свѣжесть духа съ бодростью тѣла, ведя очень скромную жизнь и много, не смотря на преклонные годы, ходя пѣшкомъ. 19 октября 1881 года, «въ тотъ день, какъ празднуетъ Лицей свою святую годовщину»—послѣ обѣда въ средѣ товарищей по мѣсту воспитанія, онъ неожиданно и тихо скончался...

Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій.

А. Ѳ. Кони.

СТАРИННЫЙ украинскій родъ Ковалевскихъ, къ которому принадлежалъ *Михаилъ Евграфовичъ Ковалевскій*, родившійся въ 1830-мъ году, далъ русскому обществу нѣсколькихъ дѣятелей, выдающихся по уму и твердости, по нравственной цѣльности характера и глубокой любви къ родинѣ. Отецъ Ковалевскаго, горный инженеръ Евграфъ Петровичъ, — гуманный и широкій во взглядахъ попечитель Московскаго учебнаго округа, — былъ министромъ народнаго просвѣщенія въ эпоху возрожденія нашего университетскаго преподаванія и серьезной постановки вопроса о народномъ образованіи. Братъ его Егоръ Петровичъ, извѣстный путешественникъ, дипломатъ и писатель, былъ однимъ изъ основателей и первымъ предсѣдателемъ литературнаго фонда. Двоюроднымъ братомъ Михаилу Евграфовичу приходится поэтъ и художественный критикъ Павелъ Михайловичъ Ковалевскій, а родной братъ его, сенаторъ Евгеній Евграфовичъ, оставилъ по себѣ добрую и почтенную память, какъ юристъ и человѣкъ.

Окончивъ курсъ въ училищѣ Правовѣдѣнія въ 1849-мъ году, М. Е. Ковалевскій поступилъ на судебную службу и не оставлялъ ее до самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни. Судьба благопріятствовала будущему первому уголовному кассаціонному оберъ-прокурору. Она не заперла его съ первыхъ же шаговъ въ стѣны отвлеченныхъ отъ дѣйствительной жизни и ея потребностей канцелярій и дала пищу его наблюдательному, самостоятельному уму. Въ концѣ 1850-го года онъ былъ назначенъ младшимъ чиновникомъ при ревизовавшемъ Западную Сибирь по гражданской части генералъ-адъютантѣ Анненковѣ. Ревизіи, подобныя этой, и вообще сенаторскія ревизіи того времени были своего рода тучами, которыя неслись съ сѣвера въ разные концы Россіи и, повиснувъ надъ той или другой мѣстностью, гремѣли во имя попраннаго закона, метали служебныя молніи въ «рабовъ лѣнивыхъ и лукавыхъ» и смывали накопившуюся годами грязь распущенности и произвола. Для молодыхъ людей, сопровождавшихъ ревизора, снабженнаго по закону обширными полномочіями, онѣ были лучшею практическою школою, которая воспитывала въ нихъ уваженіе къ закону, состраданіе къ униженнымъ и оскорбленнымъ и сознаніе необходимости осуществленія тѣхъ или другихъ мѣръ для блага народа, изученнаго не по книгамъ, а на дѣлѣ и на мѣстѣ.

Послѣ участія въ ревизіи Западной Сибири, обогатившаго Ковалевскаго знакомствомъ со многими сторонами русской дѣйствительности, сослужившимъ ему не разъ добрую службу въ трезвомъ отношеніи къ разнымъ теоретическимъ перекраиваньямъ жизни, исходившимъ изъ бюрократическихъ салоновъ, онъ снова вступилъ въ дѣятельную судебную службу. Сначала товарищъ предсѣдателя петербургской палаты гражданскаго суда, потомъ по выборамъ дворянства предсѣдатель палаты уголовнаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ совѣстный судья, т. е. предсѣдатель особаго оригинальнаго учрежденія, созданнаго Екатериной II и разсматривавшаго гражданскіе споры по просьбѣ обѣихъ сторонъ и имущественныя недоразумѣнія между родителями и дѣтьми—Ковалевскій составилъ себѣ уважаемое имя. Внося «духъ живъ» въ обветшавшія формы отживавшаго процесса, онъ умѣлъ, согласно наставленію великой государыни, руководствоваться въ своей судебной дѣятельности «человѣколюбіемъ, почтеніемъ къ особѣ ближняго и отвращеніемъ отъ угнетенія».

Когда повѣяло судебною реформою, онъ былъ призванъ въ среду составителей судебныхъ уставовъ. Объяснительная записка къ проекту устава уголовнаго судопроизводства, редак-

тированная Буцковскимъ, содержитъ въ себѣ много слѣдовъ его дѣятельнаго и продуманнаго участія въ успѣхахъ облагородить и возвысить русскій судъ, поставивъ его въ условія, необходимыя для обращенія формальной *расправы* въ сознательное отправленіе *правосудія*. Когда реформа была введена, Ковалевскій, уже занимавшій должности оберъ-прокурора V-го и IV департаментовъ Сената, былъ назначенъ оберъ-прокуроромъ вновь образованнаго уголовнаго кассаціоннаго департамента. Работа его въ этомъ важномъ и совершенно новомъ званіи была, внѣ всякаго сомнѣнія, наиболѣе плодотворною, блестящею и отрадною для него самого страницею его полезной трудовой жизни. Въ ней онъ проявилъ искренное и энергичное служеніе тѣмъ началамъ, выработкѣ которыхъ, вмѣстѣ съ Буцковскимъ, онъ такъ много способствовалъ при составленіи устава уголовнаго судопроизводства. Общіе, идеальные принципы правосудія оставались неизмѣнными и при судебныхъ уставахъ 1864-го года, но условія и пріемы достиженія этого правосудія въ его настоящемъ, а не искаженномъ и сдавленномъ видѣ, существенно измѣнились. Среди новыхъ учрежденій кассаціонный судъ представлялъ нѣчто новое, небывалое, совершенно незнакомое. А между тѣмъ этому суду надлежало стать руководителемъ, наставникомъ и *судьею* молодыхъ судебныхъ учрежденій,—приходилось сдѣлаться камертономъ всего новаго судебнаго строя. Нужно было, учась самому, учить другихъ,—созидаясь самому, слѣдить за постепеннымъ укладомъ дѣятельности цѣлаго ряда подчиненныхъ мѣстъ. Эта была задача трудная, щекотливая и отвѣтственная предъ будущими судьбами судебнаго дѣла.

Ковалевскій внесъ въ свою долю исполненія этой задачи весь свой систематическій умъ и способность ясно, просто и доступно распутывать самые сложные юридическіе вопросы. Его первыя заключенія глубоки по содержанію, богаты настоящимъ знаніемъ и превосходны по изложенію. Настойчивый трудъ, вѣра въ живучесть и жизнеспособность новыхъ учрежденій и строгій нравственный и юридическій критерій сказались въ этихъ заключеніяхъ. Въ нихъ, съ авторитетомъ большого знанія и въ блестящей, хотя и сжатой по изложенію формѣ, указывалась высота требованій, предъявляемыхъ высшимъ судилищемъ къ дѣятелямъ судебной практики, давались указанія, которыя разъясняли массу недоумѣній и затрудненій въ новомъ дѣлѣ. Всѣ главнѣйшіе вопросы уголовнаго судопроизводства были поставлены и публично разрѣшены этими заключеніями—и то, что теперь начинающему судебному дѣятелю можетъ казаться азбукою уголовнаго процесса, ибо оно вошло въ его плоть и кровь, было выработано и установлено заключеніями Ковалевскаго и рѣшеніями Буцковскаго.

Начало семидесятыхъ годовъ застало Ковалевскаго сенаторомъ. Онъ не ограничился одною служебною дѣятельностью. Въ концѣ 1871-го года возникли близъ Петербурга, за пороховыми заводами, земледѣльческая колонія и ремесленный пріютъ для малолѣтнихъ преступниковъ. Въ созданіе этого учрежденія Ковалевскій вложилъ массу труда, хлопотъ, затратъ и самой горячей любви. Онъ принималъ непосредственное, живое участіе въ устройствѣ колоніи, въ ея горестяхъ и радостяхъ. Библіотека, мастерскія, отдѣльные домики и величавая въ своей простотѣ церковь—все это устроено подъ его руководствомъ и надзоромъ. Колонія, гдѣ его всѣ знали, любили и относились къ нему довѣрчиво, долго была предметомъ его постоянной заботы, мѣстомъ его отдыха и любимымъ его дѣтищемъ. Въ свободное время онъ проводилъ тамъ цѣлые дни, изучалъ характеры отдѣльныхъ «колонистовъ», вводилъ и обсуждалъ разныя педагогическія и хозяйственныя мѣры. Когда въ колоніи устраивался на праздникахъ домашній театръ или какое-нибудь развлеченіе для дѣтей, сдержанный и съ виду холодный судебный сановникъ, окруженный шумливою толпою воспитанниковъ колоніи, радовался дѣтскою радостью и бывалъ счастливъ, когда кто-либо пріѣзжалъ ее съ нимъ раздѣлить. Какъ съ выработкою судебныхъ уставовъ и съ началомъ кассаціонной практики неразрывно связано его имя, такъ неразрывно связано оно и съ первыми шагами благородной дѣятельности русскаго общества по исправленію тѣхъ несчастныхъ, къ которымъ, благодаря темнымъ условіямъ ихъ дѣтской жизни, уже успѣло привиться преступленіе.

Въ 1880 г., когда во главѣ внутренняго управленія былъ поставленъ графъ Лорисъ-Меликовъ, Ковалевскій получилъ входившее въ общую систему провѣрки мѣстныхъ условій общественнаго быта порученіе обревизовать Казанскую и Костромскую губерніи. Окруженный тщательно избранными рабочими силами, онъ началъ ревизію съ Казанской губерніи, какъ съ мѣстности, давно нуждавшейся въ свѣжемъ взглядѣ опытнаго и безпристрастнаго дѣятеля, вслѣдствіе особыхъ административныхъ и этнографическихъ усложненій тягостнаго свойства. Обдуманная и спокойная энергія его дѣйствій вызвала замѣну ревизіи Костромской губерніи ревизіею губерніи Уфимской и Оренбургскаго края. Результатомъ послѣдней явилось обнаруженіе хищеній въ дѣлѣ раздачи земель и лѣсовъ въ жадныя руки чиновныхъ и нечиновныхъ даровыхъ пріобрѣтателей.

Во время ревизіи Ковалевскій былъ назначенъ членомъ Государственнаго Совѣта по департаменту законовъ. Вернувшись въ Петербургъ, богатый новыми наблюденіями, онъ принялъ дѣятельное участіе въ такъ называемой Кахановской коммиссіи, которая должна была сдѣлать, при участіи созванныхъ свѣдущихъ людей, общіе выводы изъ всего выясненнаго сенаторскими ревизіями. Со вступленіемъ въ составъ высшаго законодательнаго учрежденія, онъ получилъ бо́льшую возможность приложить къ дѣлу свое правовое развитіе и плоды трудовыхъ думъ. Живыя чувства долга и любви къ родинѣ, проникавшія его, давали право надѣяться, что не разъ, правдиво и внушительно, раздастся его спокойное, вѣское слово въ вопросахъ первостепенной важности... Но 31 января 1884-го года грозный и неотвратимый призывъ сказалъ ему: «пора!»—и онъ ушелъ изъ жизни, когда въ сердцѣ знавшихъ его болѣзненно зазвучало горькое слово: «рано!»

Князь Николай Алексѣевичъ Орловъ.

А. Г. Тимофеева.

КЪ освобожденію крестьянъ и судебной реформѣ, какъ необходимое ихъ дополненіе, тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ отмѣна тѣлесныхъ наказаній. Она осуществлена 17 апрѣля 1863 г. закономъ, носившимъ очень скромное заглавіе: «о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ». Содержаніе этого закона было несравненно значительнѣе его названія: въ немъ заключалось освобожденіе русскаго народа отъ прежнихъ позорныхъ и истязательныхъ наказаній, пышно расцвѣтшихъ въ эпоху существованія въ Россіи классовъ населенія, которые, по тогдашнимъ взглядамъ, можно было удерживать въ повиновеніи закону однимъ страхомъ истязаній. Кнутъ и плеть разсматривались какъ необходимыя орудія для охраны правопорядка отъ преступленій «черни».

Освобожденіе крестьянъ уничтожило рѣзкую грань между сословіями; дѣленіе на свободныхъ и несвободныхъ исчезло; вмѣстѣ съ этимъ стала несомнѣннымъ анахронизмомъ и карательная система. Она не могла быть согласована и съ духомъ судебной реформы, основанной на совершенно противоположныхъ началахъ — уваженіи къ личности и равенствѣ всѣхъ передъ закономъ. Примѣненіе прежнихъ наказаній по приговорамъ новыхъ судовъ было невозможно; устраненіе тѣлесныхъ наказаній естественно должно было предшествовать введенію въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ.

Нравственное значеніе отмѣны тѣлесныхъ наказаній было очень велико: оно знаменовало собою признаніе человѣческаго достоинства въ каждомъ русскомъ, уничтожало примѣненіе грубой физической силы и удовлетворяло лучшія чаянія русскаго общества, ясно сказывавшіяся уже за нѣсколько десятилѣтій до закона 17 апрѣля 1863 г.

Правда, отмѣна тѣлесныхъ наказаній оказалась неполной, но, по крайней мѣрѣ, ею былъ произнесенъ принципіальный приговоръ надъ тѣлесными наказаніями и сдѣлано неизбѣжнымъ ихъ исчезновеніе, не смотря на временныя отклоненія, замедленія и колебанія законодательства.

Открыто высказываться противъ тѣлесныхъ наказаній стало возможнымъ только въ началѣ царствованія Александра II. Въ «Морскомъ Вѣстникѣ», оффиціальномъ журналѣ вѣдомства, подчиненнаго великому князю Константину Николаевичу, горячо поддерживалась мысль объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, доказывалась ихъ практическая безполезность и необходимость очищенія отъ нихъ по крайней мѣрѣ военно-уголовныхъ законовъ, пересмотръ которыхъ производился въ концѣ 50 годовъ XIX стол. Вопросъ ставился здѣсь, однако, лишь относительно арміи и флота. Толчокъ къ его расширенію былъ данъ однимъ изъ приближенныхъ Царя-Освободителя—кн. Николаемъ Алексѣевичемъ Орловымъ.

Кн. Орловъ происходилъ изъ богатой семьи; его отецъ занималъ при Николаѣ I и Александрѣ II высшія должности въ государственномъ управленіи. Людямъ, находящимся въ такихъ условіяхъ, открытъ, безъ особыхъ трудовъ, путь почестей и успѣховъ. Если къ этому прибавляются способности и знанія, тогда легко создается и совершенно исключительное положеніе. Въ 1845 г., 18 лѣтъ отъ роду, кн. Н. А. Орловъ былъ произведенъ въ офицеры и поступилъ на службу въ лейбъ-гвардіи конный полкъ; въ слѣдующемъ году, будучи корнетомъ, онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ къ Его Величеству; въ 1849 г. участвовалъ въ Венгерской кампаніи и черезъ 7 лѣтъ службы, въ 1852 г., получилъ чинъ полковника. Въ 1854 г., подъ Силистріей, во время штурма форта Арабъ-Табіе, онъ былъ тяжело раненъ: онъ потерялъ лѣвый глазъ, у него были раздроблены лѣвая челюсть и кисть руки. Его здоровье было подорвано *); онъ долженъ былъ отказаться отъ продолженія военной службы. Въ 1859 г. онъ былъ назначенъ чрезвычайнымъ посланникомъ и полномочнымъ министромъ при дворѣ короля Бельгійскаго, въ 1871 г. — посланникомъ въ Парижъ. Послѣдніе два года жизни кн. Н. А. Орловъ занималъ мѣсто посла въ Берлинѣ (скончался онъ въ 1885 г.). На дипломатическомъ поприщѣ кн. Н. А. Орловымъ были оказаны Россіи значительныя услуги: самое назначеніе его въ Берлинъ, вопреки его личнымъ желаніямъ и симпатіямъ, было вызвано необходимостью устранить возникшія въ то время недоразумѣнія между Берлиномъ и С.-Петербургомъ.

Вотъ краткая схема служебной дѣятельности кн. Н. А. Орлова; для очень многихъ этой схемой исчерпывалась бы вся біографія. Но среди служебныхъ успѣховъ кн. Н. А. Орловъ весьма рано началъ интересоваться общественными вопросами. Объ отношеніи его къ дѣйствительности еще въ очень молодые годы свидѣтельствуетъ его работа: «Очеркъ трехнедѣльнаго похода Наполеона противъ Пруссіи въ 1806 году», написанная въ 1852-мъ году. Авторъ выдвигаетъ здѣсь на первый планъ, какъ главнѣйшую причину пораженія Пруссіи, систему прус-

*) «Смотря на него и бесѣдуя съ нимъ, никто не могъ бы подумать—говорится въ одномъ некрологѣ—сколько таилъ онъ въ себѣ страданій. Неизмѣнно сохранялъ онъ удивительную ясность и бодрость духа. Никто не слыхалъ отъ него ни жалобъ, ни ропота, ничего похожаго на уныніе. Только черная повязка на глазу свидѣтельствовала о катастрофѣ, постигшей его на зарѣ жизни. Онъ казался человѣкомъ полнымъ силъ и довольства, не опускался, не нѣжился».

ского управленія. «Тамъ, гдѣ отношенія подчиненныхъ къ власти—говоритъ кн. Н. А. Орловъ—основаны не на глубокой, истинной преданности, а только на выгодахъ и на страхѣ, никогда не можетъ быть успѣха...» Переходя къ спеціально военнымъ условіямъ, онъ указывалъ, что прусскіе «генералы и офицеры видѣли солдатъ только на учебномъ полѣ и взыскивали съ нихъ за стойку, маршировку, но не вникали въ ихъ нужды, въ ихъ потребности. Солдатъ былъ безмолвнымъ существомъ, о которомъ никто не заботился».

Перемѣна, происшедшая въ личномъ положеніи кн. Орлова, совпала какъ разъ съ началомъ царствованія императора Александра II. Прошлое оказалось несостоятельнымъ; подготовлялось и выяснялось новое. Общественное настроеніе дѣлалось повышеннымъ, предъявляло новыя требованія—и кн. Н. А. Орловъ, захваченный ими, проявилъ большое пониманіе потребностей наступившей эпохи, умѣнье критически отнестись къ условіямъ, которыя огромнымъ большинствомъ лицъ его общественнаго класса считались вполнѣ нормальными и даже полезными. Онъ примкнулъ къ немногочисленной группѣ высокопоставленныхъ лицъ, сознавшихъ необходимость коренныхъ преобразованій и искренне поддерживавшихъ ихъ. Доказательствомъ этого могутъ служитъ записка кн. Н. А. Орлова по вопросу о расколѣ («Мысли о расколѣ», 1858 г.) и замѣтка о евреяхъ, составленная въ томъ же году. Въ первой кн. Орловъ указываетъ, что «раскольники — не враги православной церкви; они только противники ея казенности и смѣшенія духовной власти со свѣтскою. Многія духовныя лица и государственные люди всѣхъ странъ совершенно одинаковаго мнѣнія съ ними. Они признаютъ, что если церковь не должна быть орудіемъ государства, то и государству не слѣдуетъ быть полиціею церкви». Дѣйствія раскольниковъ противъ власти авторъ объясняетъ въ большинствѣ случаевъ «крутостью или неосторожностью мѣстныхъ слѣдователей и властей», тѣмъ болѣе, что съ 1832 г. дѣла о раскольникахъ выведены изъ обыкновенной очереди, вслѣдствіе чего «на дѣла раскола опустилась та завѣса, которую доселѣ тщетно пытаются поднять и за которою нѣсколько милліоновъ русскихъ подданныхъ преданы необузданному корыстолюбію и произволу». Онъ приходитъ къ выводу, что «вопросъ о расколѣ прежде всего долженъ подвергнуться гласному, открытому обсужденію... Истина обнаружится тогда ясно предъ глазами правительства, и вѣротерпимость монарховъ возьметъ верхъ надъ гонительною политикою бюрократіи. Мы, Богъ дастъ, увидимъ тогда исполненіе основного закона Россійской Имперіи, который гласитъ: «свобода вѣры присвоена не только христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ».

Въ замѣткѣ о евреяхъ кн. Н. А. Орловъ рѣшительно высказывается за полное уравненіе ихъ съ прочими подданными. «Намъ кажется неумѣстнымъ — говоритъ онъ, — разсуждать о нравственномъ значеніи этого племени и весьма незанимательными аргументы, называть ли евреевъ іудеями или жидами. Главный вопросъ въ томъ, слѣдуетъ ли оставлять подъ дѣйствіемъ исключительныхъ законовъ цѣлое сословіе русскихъ евреевъ или должно подчинить ихъ дѣйствію общаго закона? Запрещеніе евреямъ селиться въ великороссійскихъ губерніяхъ имѣло въ свое время политическую цѣль, которая нынѣ не существуетъ. Намъ кажется, что вопросъ о евреяхъ можетъ разрѣшиться довольно просто, и что для этого слѣдовало бы: 1) предоставить евреямъ всѣ личныя и сословныя права, которыми пользуются прочіе русскіе подданные. 2) Дозволить иностраннымъ евреямъ пріѣздъ въ Россію и проживаніе въ ея предѣлахъ на правахъ прочихъ иностранцевъ. 3) Давать какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ евреямъ право безпрепятственнаго и повсемѣстнаго учрежденія торговыхъ и банкирскихъ домовъ».

Не слѣдуетъ упускать изъ вида эпоху, когда эти записки были представлены императору Александру II: это былъ какъ разъ періодъ, когда уже ставился оффиціально вопросъ объ освобожденіи крестьянъ — и, слѣдовательно, въ нихъ можно видѣть дальнѣйшее послѣдовательное развитіе идеи широкой эмансипаціи. Реальныхъ послѣдствій онѣ имѣли очень мало.

Важнѣйшей общественной заслугой кн. Орлова была записка объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній, способствовавшая ихъ отмѣнѣ.

Тѣлесныя наказанія были центромъ русской карательной системы въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій: кнутъ, плети, шпицрутены, розги охватывали всѣ области преступныхъ дѣяній и дисциплинарныхъ нарушеній. Постепенно, съ большою медленностью, сокращалась область ихъ примѣненія. Съ 1785 г. отъ тѣлесныхъ наказаній стали освобождаться привилегированныя сословія и группы населенія. Число такихъ изъятій къ половинѣ XIX стол. было весьма значительно, но на этомъ движеніе законодательства и остановилось. Между тѣмъ съ каждымъ годомъ, при измѣнившихся взглядахъ общества и условіяхъ русской жизни, тяжесть тѣлесныхъ наказаній, ихъ полное несоотвѣтствіе элементарнымъ требованіямъ права и справедливости становились все яснѣе и яснѣе. Необходимость реформы чувствовалась въ широкихъ кругахъ общества, но нуженъ былъ вліятельный и рѣшительный починъ, чтобы изъ сферы теоретическихъ разсужденій и пожеланій поставить этотъ вопросъ на практическую почву. Такой починъ и взялъ на себя князь Н. А. Орловъ, представившій въ 1861 г. императору Александру II записку «объ уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній въ Россійской имперіи и Царствѣ Польскомъ». Въ составленіи этой записки вѣроятно принимали участіе юристы П. Н. Глѣбовъ и А. В. Пассекъ.

Кн. Орловъ устанавливаетъ прежде всего положеніе, что «нѣтъ христіанскаго равенства, нѣтъ христіанскаго братства тамъ, гдѣ рядомъ, въ одномъ храмѣ, могутъ стоять два человѣка, совершившіе одинъ и тотъ же поступокъ, но наказанные: одинъ—легкимъ арестомъ, а другой—розгами. Въ христіанскомъ государствѣ не можетъ быть лицепріятій и правосудіе верховной власти должно быть подобно правосудію Божію, т. е. равнымъ для всѣхъ». Далѣе указывается на всеобщее признаніе тѣлесныхъ наказаній «безнравственными и безполезными истязаніями. Посмотрѣвъ вокругъ себя, мы легко убѣдимся въ этой истинѣ: у насъ бьютъ всякаго, кто только даетъ себя бить. Это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ правильному развитію человѣческой личности». Въ тѣлесныхъ наказаніяхъ заключается и «великая опасность», такъ какъ, по мѣрѣ распространенія просвѣщенія въ народѣ, они будутъ приводить «къ открытому сопротивленію или къ самоубійству». Наказанія наши и безъ того достаточно строги. Въ заключеніе кн. Орловъ останавливается подробно на розгахъ и шпицрутенахъ и доказываетъ, что эти карательныя мѣры могутъ быть безъ труда уничтожены. «Приближается тысячелѣтіе Россіи — такъ заключаетъ свою записку кн. Орловъ,— крѣпостное право уже уничтожено. Остается дополнить спасительное преобразованіе совершенною отмѣною тѣлесныхъ наказаній». Императоръ Александръ II согласился съ кн. Орловымъ и передалъ его записку въ комитетъ, образованный при II отдѣленіи Собственной Его Величества канцеляріи для обсужденія

военныхъ законовъ. Благодаря запискѣ, дѣло было раздвинуто за предѣлы военнаго законодательства, и комитетъ представилъ свои соображенія объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній какъ въ военномъ, такъ и въ гражданскомъ быту. Но комитетъ не нашелъ возможнымъ сразу совершенно уничтожить тѣлесныя наказанія; онъ предположилъ отсрочить полную ихъ отмѣну до преобразованія мѣстъ заключенія и вообще временно кое-что удержать отъ прежней системы. Заключенія комитета были по Высочайшему повелѣнію переданы на разсмотрѣніе кн. Н. А. Орлова, который въ своихъ замѣчаніяхъ еще разъ рѣшительно высказался за полную отмѣну тѣлесныхъ наказаній. По поводу предположенія комитета ставить вмѣсто клеймъ на лицѣ знаки на плечѣ кн. Орловъ замѣтилъ, что и такая мѣра представляется совершенно безполезной. Особенно подробно кн. Орловъ остановился на предположеніи комитета сохранить тѣлесныя наказанія для ссыльныхъ женщинъ: «Женщины — писалъ онъ, — по самому полу своему должны быть избавлены отъ тѣлесныхъ наказаній. Эта истина указывается самою природою и подтверждается повсемѣстнымъ чувствомъ омерзѣнія нашего народа ко всякому роду наказаній женщины рукою палача. Преступницы суть тѣ же женщины. Предлагаемое комитетомъ исключеніе изъ общаго правила не оправдывается необходимостью. Кромѣ того, оно легко можетъ сдѣлаться орудіемъ безнравственности, предавая ссыльныхъ женщинъ на произволъ мѣстныхъ властей. Можетъ ли высшее сибирское начальство поручиться, что не публичныя тѣлесныя наказанія женщинъ будутъ всегда правосудно исполняться?» Это мнѣніе кн. Орлова тогда не получило осуществленія на практикѣ: потребовалось еще 30 лѣтъ для того, чтобы женщины были освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній безъ всякихъ исключеній (законъ 1893 г.).

Обсуждая мнѣніе комитета, что розги нельзя отмѣнить немедленно по недостатку мѣстъ заключенія, кн. Орловъ высказался въ томъ смыслѣ, что тюремная реформа, при участіи общественныхъ силъ, можетъ быть проведена весьма скоро и требовалъ, чтобы для полной отмѣны розогъ былъ назначенъ опредѣленный срокъ. «Внимательно изучивъ положенія комитета—таковъ былъ заключительный выводъ замѣчаній,—кн. Орловъ пришелъ къ убѣжденію, что они вполнѣ справедливы и сообразны съ современными требованіями законодательства. Онъ считалъ, однако, полезными слѣдующія измѣненія: 1) полное уничтоженіе клеймъ. 2) Полное освобожденіе женщинъ, даже ссыльныхъ, отъ всякаго рода тѣлесныхъ наказаній. 3) Призывъ, въ теченіе двухлѣтняго срока, частной дѣятельности къ устройству достаточнаго количества мѣстъ заключенія. 4) Отмѣну шпицрутеновъ даже для ссыльныхъ преступниковъ. 5) Опредѣленіе двухлѣтняго срока для изысканія мѣръ къ замѣнѣ розогъ другими наказаніями, преимущественно денежными пенями».

Мнѣніе кн. Н. А. Орлова, поддержанное и другими видными сторонниками преобразованій, дало возможность комитету расширить свои первоначальныя предположенія. Правда, тѣлесныя наказанія сохранились для крестьянъ и штрафныхъ нижнихъ чиновъ до Всемилостивѣйшаго манифеста 11 августа 1904 года, а для уничтоженія ихъ какъ замѣнительныхъ наказаній и какъ спеціальнаго наказанія для ссыльныхъ женщинъ потребовались цѣлыя десятилѣтія; для ссыльныхъ мужчинъ оно не вполнѣ еще закончено и въ настоящее время. Тѣмъ не менѣе закономъ 1863 г., появленіе котораго было вызвано благородной иниціативой кн. Н. А. Орлова, сдѣлано очень много, и еслибы предусмотрительность кн. Орлова, выразившаяся въ требованіи установленія двухлѣтняго срока для уничтоженія тѣлесныхъ наказаній, имѣла практическіе результаты, то Россія уже давнымъ давно была бы освобождена отъ тѣлесныхъ наказаній, примѣненіе которыхъ глубоко противно современному русскому правосознанію. Сторонникамъ старыхъ, отжившихъ порядковъ удалось отсрочить осуществленіе реформы, но рѣшительный ударъ былъ нанесенъ, и заслуга въ этомъ дѣлѣ князя Н. А. Орлова не должна быть забыта потомствомъ.

Василій Васильевичъ Капнистъ.

Е. А. Ляцкаго.

ПРИНАДЛЕЖА къ поколѣнію писателей послѣдней четверти XVIII вѣка, свидѣтелей и участниковъ сложной и трудной борьбы новыхъ понятій и идеаловъ съ консервативными, мнимо-патріархальными началами, В. В. Капнистъ явился выразителемъ благородныхъ стремленій къ общественному благу, къ развитію въ обществѣ идей справедливости, долга и чести.

Бо́льшая часть произведеній Капниста отошла уже въ область спеціальнаго вѣдѣнія исторіи литературы, устарѣвъ по содержанію и отчасти по языку; но, какъ авторъ сатиръ и въ особенности сатирической комедіи «Ябеда», онъ не утратилъ своего значенія до сихъ поръ, благодаря правдивости и яркости, съ которою онъ изобразилъ темныя стороны современнаго ему общества. Капнисты вели свой родъ отъ венеціанскихъ графовъ Капниссисъ. Дѣдъ писателя переселился въ Россію, посвятивъ себя военной службѣ. Къ 1757 г., когда родился В. В., отецъ его, Василій Петровичъ, состоялъ въ чинѣ бригадира и владѣлъ обширными помѣстьями въ Миргородскомъ уѣздѣ Полтавской губ., пожалованными ему имп. Елизаветой Петровной. Раннее дѣтство В. В. провелъ въ усадьбѣ отца; въ семидесятыхъ годахъ служилъ сначала въ Измайловскомъ полку, потомъ въ Преображенскомъ; вскорѣ оставивъ военную службу, исполнялъ обязанности уѣзднаго, позже—губернскаго предводителя дворянства въ Кіевскомъ намѣстничествѣ. Во второй половинѣ 90-хъ годовъ Капнистъ, будучи въ отставкѣ, пріѣхалъ въ Петербургъ для хлопотъ по тяжебному дѣлу съ своимъ сосѣдомъ по имѣнію Тарновскимъ, и здѣсь, чтобы не быть высланнымъ изъ Петербурга въ качествѣ неслужащаго дворянина, вновь поступилъ на службу. Онъ былъ причисленъ къ театральной дирекціи и получилъ въ завѣдываніе русскую труппу, которую пытался оживить и обновить, чтобы вернуть къ ней

сочувствіе публики, увлекавшейся въ то время французскимъ театромъ. При Александрѣ I Капнистъ занималъ должность генеральнаго судьи 1-го департамента Полтавскаго генеральнаго суда, потомъ состоялъ предводителемъ дворянства Полтавской губ. Умеръ 28 октября 1823 г.

На поприще литературной дѣятельности Капнистъ выступаетъ во всеоружіи доступнаго въ то время образованія. Классики, французскіе (по преимуществу) и нѣмецкіе, изъ отечественныхъ писателей—Ломоносовъ, Петровъ, Сумароковъ, развили въ немъ любовь къ литературѣ. Мотивы общественнаго характера съ раннихъ поръ становятся преобладающими въ его поэзіи:

«Пріемлю лиру мной забвенну,
Отру лежащу пыль на ней:
Простерши руку отягченну
Желѣзныхъ бременемъ цѣпей,
Для пѣсней жалобныхъ настрою;
И, соглася съ моей тоскою,
Унылый, темный звукъ пролью
Отъ струнъ, рукой омытыхъ слезной:
Отчизны моея любезной
Порабощенье воспою».

Эти слова, взятыя изъ «Оды на Рабство», написанной по поводу закрѣпощенія Малороссіи, можно было бы поставить эпиграфомъ къ первому періоду поэтической дѣятельности Капниста. Въ ней не было свободомыслія Новикова или протестующаго духа Радищева; Капнистъ не шелъ дальше трогательнаго обращенія къ императрицѣ, отъ которой, по его мнѣнію, зависѣло сдѣлать Россію свободной. Тогдашняя русская жизнь, по убѣжденію лучшихъ людей, страдала всего больше отъ двухъ коренныхъ недостатковъ: отъ отсутствія свободы въ массахъ народныхъ и отъ недостатка чувства гражданскаго долга, гуманности и правды въ дѣятеляхъ, призванныхъ блюсти правосудіе и законность. Первая часть этого взгляда нашла выраженіе въ одахъ Капниста, вторая—въ его сатирахъ и особенно въ знаменитой «Ябедѣ».

Превосходнымъ вступленіемъ къ этой пьесѣ могутъ служить начальныя строки сатиры Капниста, въ которыхъ онъ указалъ на причины, побудившія его взяться за перо:

«Кто сколько не сердись, а я начну браниться;
Съ бездѣльствомъ, съ глупостью людской мнѣ не ужиться:
Вездѣ предерзостный безпутство кажетъ видъ;
Безчестіе въ чести, изъ моды вышелъ стыдъ.
Почти съ кѣмъ ни сойдусь, съ кѣмъ рѣчь ни начинаю
Или невѣжество, или порокъ встрѣчаю;
Куда ни кинь, такъ клинъ: тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ плутъ, ханжа, обманщикъ,-льстецъ;
И словомъ въ свѣтѣ семъ такъ рѣдки Аристиды,
Какъ гладкіе стихи въ творцѣ Телемахиды».

На сценѣ «Ябеда» появилась впервые въ 1798 г. и имѣла блистательный успѣхъ всѣ четыре раза, когда была дана; пятое представленіе ея было неожиданно запрещено, по повелѣнію импер. Павла, и самый текстъ пьесы былъ изъятъ изъ продажи. Очевидно, мѣткое обличеніе неправосудія попало въ цѣль и сразу создало писателю много враговъ среди чиновной знати, которые и представили автора пьесы человѣкомъ опаснымъ для государственнаго спокойствія. При Александрѣ I опала была снята, и пьеса долго не сходила съ репертуара. Не смотря на условность построенія, вызванную сценическими требованіями вѣка, не смотря на нѣкоторое подчиненіе ложноклассической теоріи, «Ябеда» и до нашего времени сохранила извѣстныя литературныя достоинства, между прочимъ—языкъ, точный, мѣткій, мѣстами сильно и сжато выражающій мысль; многія выраженія перешли въ разрядъ пословицъ и живутъ въ обиходномъ языкѣ, утративъ всякую связь съ произведеніемъ.

Въ посвященіи Капнистъ такъ опредѣлилъ содержаніе и цѣль своей комедіи:

«Я кистью Таліи порокъ изобразилъ,
Мздоимства, ябеды всю гнусность обнажилъ
И отдаю теперь на посмѣянье свѣта».

Дѣйствительно, читая комедію или присутствуя при ея представленіи, мы видимъ нравы, въ самое существованіе которыхъ было бы трудно повѣрить, если бы оно не находило подтвержденія въ подлинныхъ историческихъ свидѣтельствахъ. Можно сказать, что въ судебной практикѣ того времени беззаконіе было закономъ; нарушеніе правосудія было возведено въ принципъ, съ своей вѣками выработанной теоріей и практикой, этикой и своего рода философіей. Сюжетъ «Ябеды»—покушеніе нѣкоего Праволова на имѣніе Прямикова. Мы не знаемъ, какія дѣйствія предпринималъ упомянутый выше Тарновскій, ведя тяжбу съ Капнистомъ, но весьма вѣроятно, что эта тяжба дала Капнисту немало матеріаловъ для его комедіи.

Въ первой сценѣ «Ябеды» повытчикъ Добровъ, прямая противоположность, по нравственнымъ качествамъ, своему начальнику Кривосудову, предсѣдателю гражданской палаты, объясняетъ Прямикову, въ какую «пасть» попадаетъ онъ, ведя дѣло въ гражданской палатѣ, да еще противъ Праволова, извѣстнаго сутяги и ябедника. Добровъ такъ характеризуетъ этотъ, въ сущности не умирающій, но въ разныя эпохи разнообразный типъ профессіональнаго сутяги, грабителя-крючкотворца, для процвѣтанія котораго дореформенный судъ создавалъ особенно благопріятныя условія:

...«Какъ знаетъ онъ всѣхъ стряпчихъ наповалъ!
Какъ регламентъ нагнуть, какъ вывернуть указы!
Какъ всѣ подъячески онъ вѣдаетъ пролазы!
Какъ забѣжать къ судьѣ, съ котораго крыльца;
Кому бумажекъ пукъ, кому пудъ серебреца;
Шестерку проиграть, четверку гдѣ, иль тройку;
Какъ залучить кого въ пирушку, на попойку;
И словомъ: дивное онъ знаетъ ремесло,
Неправду мрачную такъ чистить, какъ стекло.
Такъ вамъ возможно ли съ симъ молодцомъ тягаться?»

Предсѣдатель палаты, Кривосудовъ, по словамъ Доброва—«есть сущій истины Іуда и предатель»: онъ никогда не рѣшалъ еще дѣлъ по совѣсти; законами онъ лишь «беззаконье удитъ»—«и безъ наличнаго дохода дѣлъ не судитъ». Его супруга собираетъ «вящшую дань» и ничѣмъ не брезгуетъ, изъ принципа: даянье всяко благо.

Прямиковъ отказывается вѣрить. А члены палаты?—спрашиваетъ онъ. Увы—отвѣчаетъ Добровъ: «у нихъ все на одинъ салтыкъ заведено»: одинъ изъ членовъ вѣчно пьянъ, другой—страстный охотникъ, и его (какъ позже Гоголевскаго судью) всегда можно подкупить сворой добрыхъ псовъ. Засѣдатели тоже не надежны: у одного есть что-то похожее на совѣсть, да, къ сожалѣнію, онъ круглый невѣжда—«не гораздъ читать»; другой гибнетъ отъ картежной страсти, ради которой онъ готовъ душу поставить на карту. На нихъ расчитывать нечего.

Невѣжество блюстителей правосудія составляло великое и медленно поправимое зло стараго порядка. У одного судьи, разсказываетъ «Трутень», пропали часы, и онъ, заподозривъ ни въ чемъ неповиннаго подрядчика, заключилъ его въ оковы и сталъ истязать. «Видно, что сей судья, замѣчаетъ по этому

поводу авторъ разсказа,—никогда не читывалъ книги *о преступленіяхъ и наказаніяхъ* (des délits et des peines), которую бы всѣмъ судьямъ наизустъ знать надлежало. Видно, что онъ никогда не заглядывалъ въ тѣ указы, кои безпристрастнымъ быть повелѣваютъ. Разсуждая по сему и по многимъ другимъ подобнымъ судьямъ, кажется, что они такіе люди, кои уреченные только часы въ приказахъ просиживаютъ, а о прямыхъ своихъ должностяхъ, какъ о Сирскомъ и о Халдейскомъ языкахъ, не знаютъ. О просвѣщеніе, даръ небесный! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества».

Порядокъ, изображаемый «Ябедой», могъ держаться лишь при полномъ попустительствѣ со стороны прокурорскаго надзора. Трудно повѣрить, чтобы прокуроръ, это всевидящее око суда, могъ допустить столь явно-возмутительное злоупотребленіе своими обязанностями и властью. Однако, если вѣрить комедіи, и прокуроръ оказывается не выше, если только не ниже, предсѣдателя палаты и членовъ:

«О! Прокуроръ,
Чтобъ въ рѣчи мнѣ сказать, существеннѣйшій воръ.
Вотъ прямо въ точности всевидящее око:
Гдѣ плохо что лежитъ, тамъ мѣтитъ онъ далеко.
Не цапнетъ лишь того, чего не досягнетъ.
За праведный доносъ, за *ложный*, онъ беретъ;
Щечитъ за пропускъ дѣлъ, за голосъ, предложенья,
За нерѣшеніе рѣшимаго сомнѣнья,
За поздній въ судъ приходъ, за пропущенный срокъ,
И даже онъ деретъ съ колодниковъ оброкъ.

Картина стараго дореформеннаго суда была бы неполна, если бы Капнистъ не вывелъ на сцену «пружину всѣхъ пружинъ «прежняго судопроизводства, секретаря, это «крапивное сѣмя», «дьявола отродье», по опредѣленіямъ нашихъ предковъ. Онъ изображенъ Капнистомъ въ типичномъ образѣ «Кохтина», который можно было бы обставить, при желаніи, огромнымъ количествомъ параллелей.

У Сумарокова есть изображеніе двухъ подъячихъ, изъ которыхъ одинъ былъ—

...«добрый человѣкъ,
Чего не слыхано во вѣкъ:
Умъ рѣзвой
Имѣлъ,
Мужикъ былъ трезвой,
И сверхъ того еще писать умѣлъ.
Читатель этому, конечно, не повѣритъ»...

Послѣдняя фраза свидѣтельствуетъ, насколько рѣдкимъ явленіемъ были въ ту эпоху честные судьи, подобные повытчику Доброву или секретарю Правдину изъ комедіи Судовщикова, носящей характерное заглавіе: «Неслыханное дѣло или честный секретарь».

Другой подъячій Сумароковской басни былъ во всемъ противоположенъ первому: онъ «взятки бралъ, былъ пьяница, дуракъ и грамотѣ не зналъ»... Это былъ распространенный типъ.

Капнистъ, устами Доброва, такъ характеризуетъ секретаря:

«Хотъ голъ будь какъ ладонь, онъ что-нибудь да схватитъ.
Указы знаетъ всѣ, какъ пальцевъ пять своихъ,
Экстрактецъ сочинитъ безъ точекъ, запятыхъ,
Подчиститъ протоколъ, или листъ прибавитъ смѣло,
Иль стибритъ документъ—его все это дѣло;
И съ Праволовымъ онъ запазушны друзья.
Онъ вамъ накаверзитъ, весьма увѣренъ я.
И дѣльцо, знать, къ себѣ онъ прибралъ по секрету;
По крайности, его въ моемъ повытьѣ нѣту».

«Изрядно эту мнѣ ты шайку описалъ!» восклицаетъ Прямиковъ, выслушавъ эту характеристику. «Я вамъ истину сказалъ», отвѣчаетъ Добровъ—и дѣйствительно, отдѣльныя черты, собранныя Капнистомъ въ живую и яркую картину, мы можемъ встрѣтить во множествѣ современныхъ ему и позднѣйшихъ литературныхъ памятниковъ, вплоть до Гоголевской и Щедринской сатиры. Судьи были *жестокосердны* и *неправедны*, и эти свойства стали отличительными признаками дореформеннаго суда, порожденнаго столько же нескладицей общественной жизни, основанной на рабствѣ народныхъ массъ, сколько и низкимъ уровнемъ нравовъ и просвѣщенія.

Понятіе права, основаннаго на чувствѣ элементарной справедливости, не было чуждо судебнымъ дѣятелямъ Екатерининскаго царствованія, но оно не имѣло надъ ними нравственной власти, растворяясь почти безъ остатка въ понятіи закона, приказанія свыше, «указа». При несогласованности законодательныхъ актовъ и многочисленныхъ, нерѣдко противорѣчивыхъ административныхъ распоряженій, пристрастіе судьи легко могло принять видъ самой строгой законности. Усилія судейской практики направлялись на согласованіе формальнаго слѣдованія «уставамъ» съ самымъ широкимъ, по преимуществу своекорыстнымъ произволомъ. Дѣйствіе закона парализовалось исполнителями, и въ концѣ концовъ создалось положеніе, столь мѣтко охарактеризованное Капнистомъ въ выраженіи, ставшемъ пословицей: «законы святы, да исполнители лихіе супостаты».

Взяточничество было главнѣйшимъ зломъ стараго судопроизводства. Оно настолько укоренилось въ нравахъ и понятіяхъ русскаго общества, что считалось, въ нѣкоторыхъ формахъ, допустимымъ и на половину признавалось свыше, изъ разнаго рода административныхъ и государственныхъ соображеній. Такъ, имп. Екатерина, особенно въ началѣ своего царствованія, смотрѣла снисходительно на поборы высокопоставленныхъ лицъ. Въ запискахъ Державина мы находимъ любопытное предположеніе, что императрица назначала его на разныя доходныя мѣста не безъ разсчета доставить ему возможность имѣть незаконные доходы. Честный повытчикъ Добровъ, отказываясь принять деньги отъ Прямикова «впредь до рѣшенья дѣлъ, за предлежащій трудъ», признаетъ возможнымъ принять «признательность» за содѣйствіе къ правильному рѣшенію дѣла:

«А если правое чье дѣло верхъ беретъ,
И правый мнѣ за трудъ въ признательность даетъ,
То, признаюсь, беру. Мнѣ совѣсть не пеняетъ:
Я принимаю даръ»...

Слова Доброва находятъ нѣкоторое оправданіе въ томъ скудномъ содержаніи, какое чиновники въ его время получали отъ казны. Фонвизинъ, въ своемъ «Разговорѣ у кн. Халдиной» сомнѣвался въ возможности «пресѣчь взятки», пока чиновники не будутъ лучше обезпечены правительствомъ. «Сверхъ того,—писалъ онъ,—что, кажется, сама природа одарила всякаго судью взяколюбивою душою, многіе изъ нихъ съ *честными правилами* принуждены брать взятки»: получая 450 рублей въ годъ, судья не можетъ прожить съ семьей, съ дѣтьми, которыхъ нужно воспитывать, при установившейся дороговизнѣ и въ кругѣ общества, предъявляющемъ извѣстныя внѣшнія требованія. Безкорыстъ у того же Фонвизина «взятокъ никогда ни съ кого не беретъ, но за то, можно сказать, умираетъ съ голоду».

Умѣренность во взяточничествѣ встрѣчалась рѣдко; гораздо обычнѣе были разсужденія въ родѣ тѣхъ, какія вложилъ

Капнистъ въ уста своего Кривосудова. Послѣдній, въ отвѣтъ на просьбу подписать протоколъ и развязаться съ челобитчикомъ, возражаетъ:

«Не должно это васъ, повѣрьте мнѣ, тревожить.
До рода, до чиновъ какая нужда тутъ?
Давайте тѣмъ, сударь, которые берутъ.
А чтобъ предохранить ихъ отъ уничтоженья,
То придержитеся вы только умноженья:
Чтобъ чина предъ другимъ вамъ не уничтожать,
То по чинамъ лишь имъ извольте прибавлять».

Прямиковъ на отрѣзъ отказывается идти кривыми путями, какъ ни доказываетъ ему Добровъ горькую необходимость «съ ябедой сойтиться». Въ это время противникъ его, Праволовъ, «подъ фортецію суда подкопъ ужъ роетъ», не останавливаясь ни передъ чѣмъ: пускаются въ ходъ и подкупъ, и подлогъ, практикуются всевозможныя ухищренія и обманы, до мнимаго обѣщанія жениться на дочери предсѣдателя палаты. Въ развитіи дѣйствія много тонкихъ и глубоко-жизненныхъ чертъ. Въ VIII явленіи слуга Праволова, Наумычъ, плутъ и пройдоха до мозга костей, раскладываетъ передъ Кривосудовымъ и его супругой Ѳеклой, охотницей до подношеній со стороны тяжущихся, многочисленные подарки и въ бѣглыхъ, словно ненарокомъ бросаемыхъ замѣчаніяхъ, освѣдомляется о положеніи дѣла. Притязанія Праволова настолько мало обоснованы, что даже такой опытный крючкотворъ, какъ Кривосудовъ, задумывается, недоумѣвая, какъ повернуть законы и указы, чтобы «прибрать, чѣмъ виноватаго могли бы оправдать». Достойная супруга разрѣшаетъ недоумѣніе:

«Да вѣдь законъ прибрать секретарево дѣло.
А ваше лишь рѣшить; и я ручаюсь смѣло,
Что секретарь прибралъ законъ ужъ для него:
Изъ пропасти такой не выбрать одного»!

Участіе Ѳеклы кладетъ конецъ колебаніямъ Кривосудова, тѣмъ болѣе, что Праволовъ уже хлопочетъ у членовъ суда, а имъ—и «море по колѣно». Со всѣхъ сторонъ подготовляется единомысліе суда къ предстоящему разбору дѣла, и дѣйствіе развертывается стройно и быстро, лишь изрѣдка нарушаясь неискусно прилаженной къ пьесѣ любовной интригой между Прямиковымъ и Софьей. Въ дѣлѣ Прямикова искусство секретаря проявилось въ полномъ блескѣ. Требовалось найти основаніе, по которому претензія Праволова могла бы быть признана подлежащей удовлетворенію. И вотъ, въ рукахъ Кохтина оказалась яко бы «найденная имъ въ архивѣ бумага, разрѣшающая споръ: изъ нея явствуетъ, что имѣніе, служащее предметомъ Праволовскаго иска, по завѣщанію принадлежало дѣйствительно Прямикову, но не отвѣтчику, Богдану, а Ѳедоту, давно умершему. Больше ничего и не надо суду: его постановленіемъ претензія Праволова признается справедливой, искъ—доказаннымъ, а для соблюденія формы приводится нѣсколько пеидущихъ къ дѣлу справокъ и соображеній: вѣдь «если регламентъ да согласить съ наказомъ, то сходно будетъ все съ помянутымъ указомъ». Въ пьесѣ приводится и текстъ постановленія суда, длинный, безсвязный, но со всѣми внѣшними признаками канцелярскаго стиля; намѣренно-безпорядочная разстановка знаковъ препинанія (намекъ на столь же намѣренно-безсвязное чтеніе секретарями дѣлъ въ судахъ) дѣлаетъ пониманіе истиннаго смысла рѣшенія еще болѣе затруднительнымъ.

Въ «Ябедѣ» изображается, между прочимъ, впечатлѣніе, произведенное на судейскій міръ слухомъ о назначеніи губернаторомъ Правдолюба. Чиновники вначалѣ приходятъ въ ужасъ. «О, упаси, Владыко!» восклицаетъ Кривосудовъ:

«Вотъ тутъ-то, милые, ужъ въ строку каждо лыко:
Правдивъ, какъ страшный судъ, безмезденъ копотунъ,
И человѣчества онъ общій опекунъ;
Во всяку входитъ дрянь, кто-бъ съ просьбой не втесался»...

Обсуждаются возможныя послѣдствія такого назначенія, но въ концѣ концовъ все сводится на знаменитую формулу «авось-либо», предложенную прокуроромъ Хватайко, послѣ чего слѣдуетъ приглашеніе къ водкѣ и закускѣ. Тревога унялась, но не надолго. За превосходно написанной сценой пиршества въ домѣ Кривосудова, гдѣ, подъ видомъ ссуды и проигрыша въ карты, Праволовъ расплачивается взятками за неправедно присужденное имѣніе, слѣдуетъ, въ духѣ времени, финалъ съ «deus ex machina» и торжествомъ нравственнаго начала. Указомъ сената повелѣвается грабителя и ябедника Праволова взять подъ стражу, а весь составъ гражданской палаты отдать подъ судъ. Принимавшая близкое участіе въ продѣлкахъ мужа Ѳекла Кривосудова, возмущенная, вопитъ:

...«Какъ? на пустыхъ словахъ
Сенатъ увѣрился? Сенатъ насъ обвиняетъ?
Да кто-жъ намъ взятки далъ? кто насъ изобличаетъ?
Безъ права, безъ суда честь тронуть, осуждать,
Ограбить, разорять, срамить насъ, убивать!
Да что? зачѣмъ ему мѣшаться въ эти вздоры?
Въ одномъ лишь развѣ здѣсь судѣ засѣли воры»?

Общая паника: всѣ мечутся, всѣ поражены, и впечатлѣнія этого ужаса передъ отвѣтственностью не можетъ испортить даже искусственная заключительная сцена, въ которой обиженный Прямиковъ появляется снова у Кривосудовыхъ съ выраженіемъ своего участія и просьбой выдать за него дочь ихъ Софью.

Всѣ вздыхаютъ съ облегченіемъ и начинаютъ вѣрить, что и на этотъ разъ «авось-либо и все намъ съ рукъ сойдетъ слегка». Общую надежду раздѣляетъ и Добровъ:

«Впрямь: моетъ, говорятъ, вѣдь руку-де рука;
А съ Уголовною Гражданская палата
Ей, ей частехонько живетъ за панибрата;
Не то при торжествѣ уже какомъ ни есть
Подъ милостивый васъ подвинутъ манифестъ».

Такъ кончается комедія, оставшаяся литературнымъ памятникомъ судебныхъ обычаевъ и порядковъ «добраго стараго времени».

Сатирическая литература Екатерининской эпохи оказала немаловажное вліяніе на ходъ законодательныхъ работъ и вызвала рѣшительную перемѣну во взглядахъ самой императрицы. Еще болѣе плодотворно было вліяніе литературы, вдохновлявшейся стремленіями Новикова, Фонвизина, Радищева, на умственное развитіе молодыхъ поколѣній. Обличеніе продажнаго суда и администраціи производило переворотъ въ общественныхъ понятіяхъ и подготовляло побѣду людямъ новой породы, смѣло выступавшимъ на арену общественной дѣятельности въ «дней Александровыхъ прекрасное начало». Въ эти-то годы «Ябеда» Капниста и сдѣлала свое дѣло. Временная побѣда надъ нею людей, задѣтыхъ обличительнымъ смѣхомъ и реализмомъ ея изображеній, показала, что она была сильнымъ и мѣткимъ снарядомъ, пущеннымъ, на рубежѣ новаго вѣка, въ темныя силы отживавшаго порядка.

Гоголь.

Николай Васильевичъ Гоголь.

С. С. Хрулева.

Въ новѣйшей исторіи нельзя указать другой народъ, въ развитіи общественнаго самосознанія котораго художественная литература играла бы такую выдающуюся роль, какая выпала ей на долю въ жизни русскаго народа. Благодаря своеобразнымъ, можно сказать исключительнымъ условіямъ историческаго развитія Россіи, русской литературѣ пришлось нести чуть ли не съ первыхъ же дней ея сознательной и самостоятельной жизни двойную службу: ярко отражая, насколько это позволяли внѣшнія условія ея существованія, окружающую родную дѣйствительность въ художественныхъ образахъ и формахъ, она въ то же время служила почти единственнымъ факторомъ пробужденія и укрѣпленія нашего молодого общественнаго самосознанія, только что начинавшаго складываться и опредѣляться. Воспроизводя дѣйствительность, она намѣчала, вмѣстѣ съ тѣмъ, новые пути, прокладывала новыя дороги къ достиженію и осуществленію новыхъ, болѣе совершенныхъ формъ общественной жизни. Принявъ на себя роль какъ бы посредницы между русскимъ обществомъ и другими, болѣе старыми и болѣе культурными народами Западной Европы, русская литература неустанно напоминала обществу о различныхъ несовершенствахъ и темныхъ сторонахъ его жизни, и—увлекая впередъ за собой его наиболѣе отзывчивые элементы—оказывалась могучей силой въ дѣлѣ усовершенствованія окружающей жизни, часто далекой отъ намѣчавшагося впереди свѣтлаго идеала.

Среди такихъ писателей гражданъ, въ самомъ благородномъ значеніи этихъ словъ, первое мѣсто принадлежитъ Н. В. Гоголю.

Болѣе полувѣка прошло послѣ смерти Гоголя. За это время сочиненія его успѣли разойтись по русской землѣ въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, имя его пріобрѣло широкую извѣстность, проникнувъ въ самые глухіе уголки нашего отечества, а общественное самосознаніе русскаго народа выросло и окрѣпло; однако, общественное значеніе этого русскаго генія все еще недостаточно разъяснено и недостаточно оцѣнено тѣмъ самымъ обществомъ, пробужденію и духовному росту котораго такъ сильно содѣйствовали его геніальныя произведенія. Современники Гоголя, даже наиболѣе цѣнившіе его, смотрѣли на него какъ на талантливаго писателя, и только послѣ смерти его—мало по малу—общество начало сознавать, что въ лицѣ Гоголя оно потеряло не талантливаго писателя, а генія, произведенія котораго для Россіи имѣли бо́льшее значеніе, чѣмъ произведенія какого-либо другого писателя, что для Россіи Гоголь является болѣе великимъ геніемъ, чѣмъ Шекспиръ для Англіи.

Такое отношеніе русскаго общества къ Гоголю объясняется единственно особенностью творческаго генія Гоголя, такъ рѣзко отличающею его отъ другихъ писателей, русскихъ и иностранныхъ.

Глубокое пониманіе комизма, юмора и ироніи,—составляющихъ основную черту духовной индивидуальности Гоголя—доступно далеко не всѣмъ, какъ это приходится наблюдать на каждомъ шагу. Не только для толпы, но даже для многихъ людей болѣе или менѣе развитыхъ, доступенъ пониманію лишь внѣшній комизмъ, вызывающій непосредственный смѣхъ, такъ какъ толпа не можетъ сразу понять, что за этимъ веселымъ смѣхомъ таится другой смѣхъ—горькій, болѣзненный. Для большинства людей, для толпы, все комическое, все, что возбуждаетъ смѣхъ, кажется гораздо ниже того, что возбуждаетъ возвышенные восторги души. Прекрасныя леди, короли, герои и лорды, изображенные геніальнымъ перомъ Шекспира, сразу глубоко затрогивали, возбуждали душевное волненіе читателя или зрителя своимъ трагическимъ положеніемъ, легко понимаемымъ каждымъ; обыватели Миргорода и всѣ сѣренькіе герои Гоголя вызывали смѣхъ, нисколько не волнуя читателей.

Вотъ почему поэтъ, который стремится въ смѣшномъ и юмористическомъ видѣ изобразить пошлое и обыденное содержаніе жизни и тѣмъ возбудить въ читателѣ «тоску по прекрасномъ идеалѣ», никогда не можетъ стать въ глазахъ толпы сразу столь же высоко, какъ поэтъ, изображающій великое и страданіе прекраснаго. Даже въ глубокомъ юморѣ толпѣ по первому впечатлѣнію будетъ казаться простой смѣхъ, потому что за явленіями пошлой мелочной жизни, отразившимися въ твореніи, она не въ состояніи разглядѣть сразу незримо присутствующіе тутъ же свѣтлые образы. Для того, чтобъ толпа могла понять глубину юмора, нужно время, время и время...

Гоголь прекрасно понималъ это и не тѣшилъ себя напрасными иллюзіями относительно людского приговора—суда современной толпы. «Счастливъ писатель,—говоритъ онъ въ VII главѣ «Мертвыхъ Душъ»,—который изъ великаго омута ежедневно вращающихся образовъ избралъ одни немногія исключенія, который не измѣнялъ ни разу возвышеннаго строя своей лиры, не ниспускался съ вершины своей къ бѣднымъ ничтожнымъ своимъ собратьямъ и, не касаясь земли, весь повергался въ свои далеко отторгнутые отъ нея и возвеличенные образы. При одномъ имени его уже объемлются трепетомъ молодыя пылкія сердца; отвѣтныя слезы ему блещутъ во всѣхъ очахъ... Но не таковъ удѣлъ и другая судьба писателя, дерзнувшаго вызвать наружу все, что ежеминутно передъ его очами и чего не зрятъ

равнодушные очи,—всю страшную потрясающую тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь... Ему не собрать народныхъ рукоплесканій; ему не зрѣть признательныхъ слезъ и единодушнаго восторга взволнованныхъ имъ душъ; ему не избѣжать, наконецъ, современнаго суда, который назоветъ ничтожными и низкими имъ лелѣянныя созданія, отведетъ ему презрѣнный уголъ въ ряду писателей, оскорбляющихъ человѣчество: ибо не признаетъ современный судъ, что равно чудны стекла, озирающія солнцы и передающія движенія незамѣченныхъ насѣкомыхъ; ибо не признаетъ современный судъ, что высокій восторженный смѣхъ достоинъ стать рядомъ съ высокимъ лирическимъ движеніемъ и что цѣлая пропасть между нимъ и кривляніемъ балаганнаго скомороха»...

Такъ понималъ Гоголь отношеніе къ своимъ твореніямъ литературной критики и критики толпы, и до нѣкоторой степени онъ имѣлъ основаніе къ такому заключенію, что видно изъ его «Театральнаго Разъѣзда», рисующаго отношенія современнаго общества къ «Ревизору». «До нѣкоторой степени»—такъ какъ въ дѣйствительности сила его геніальнаго смѣха была такъ велика, такъ могуча, что онъ, этотъ смѣхъ, проникалъ въ души людей гораздо глубже, чѣмъ сами они о томъ думали (и чѣмъ думалъ о томъ Гоголь), и производилъ глубокое, неизгладимое впечатлѣніе.

И до Гоголя въ Россіи существовала сатира, но она не производила на общество того впечатлѣнія, на которое расчитывали авторы ея, за исключеніемъ сатиры Грибоѣдова.

Какъ протестъ противъ сложившагося уклада общественнаго порядка, сатира впервые возникла въ то время, съ котораго начался поворотъ въ нашей общественной и государственной жизни—съ Петра Великаго. Самъ Петръ поддерживалъ сатиру въ видѣ интермедій; сатира же звучитъ и у Ѳеофана Прокоповича и Посошкова. Затѣмъ она жила въ лицѣ Кантеміра, Сумарокова, Екатерины II, Фонвизина, Капниста, Грибоѣдова, Крылова и многихъ другихъ. Но характеръ этихъ сатириковъ, за исключеніемъ Грибоѣдова, былъ безобидный и не затрогивалъ общества болѣе или менѣе глубоко. Въ своихъ сатирахъ авторы, касаясь золъ своего времени, не стремились создать реальные типы. Они брали ту или другую сторону человѣческой жизни, возводили ее въ отвлеченное понятіе, облекали въ званіе и фамилію придуманнаго лица и заставляли это лицо говорить хорошія слова на тему окружающей дѣйствительности. Притомъ, главнымъ образомъ, они осмѣивали «слабости» человѣческія или пороки въ ихъ отвлеченныхъ представленіяхъ.

Фонвизинъ ближе подходилъ въ своихъ сатирахъ къ дѣйствительности, но и онъ въ «Бригадирѣ» не рисовалъ типовъ. Герои его говорятъ хорошія вещи, но они говорятъ, а не дѣлаютъ чего-нибудь наглядиаго для читателя. «Паче всего изволь читать уложеніе и указы, говоритъ совѣтникъ; кто ихъ, будучи судьей, толковать умѣетъ, тотъ нищимъ быть не можетъ»... «Я самъ былъ судьей. Виноватый, бывало, платитъ за свою вину, а правый за свою правду, и такъ въ мое время всѣ довольны были, и судья, и истецъ, и отвѣтчикъ»... «Что касается до казны, пишетъ надворный совѣтникъ, то по моему глупому разуму, нѣсть грѣха къ ней время отъ времени прикасаться, ибо не вы, такъ другой, а казна никогда отъ рожденія въ цѣлости не бывала, да и быть не можетъ. Таковъ ей положенъ предѣлъ, его же не прейде»... Кого же эти безобидныя сатиры могли затронуть, когда всѣмъ и безъ того было извѣстно, что казна существуетъ для того, чтобъ «къ ней прикасались», когда называли дуракомъ каждаго, кто къ ней не прикасался, и когда нельзя было придти въ судъ безъ должнаго приношенія?...

Болѣе глубокой сатирой является «Горе отъ Ума». Рисуя образы и типы, списанные съ натуры, по преимуществу съ московскаго общества, и притомъ рисуя дивнымъ языкомъ, дивными стихами, которые звучатъ и по настоящее время, она приподняла завѣсу общественной жизни, но приподняла только одинъ край ея...

Совсѣмъ иного характера сатира Гоголя.

Прежде всего она представляла жизнь, дѣйствительную жизнь, можетъ быть нѣсколько прикрашенную, потому что по условіямъ цензуры врядъ ли представлялось возможнымъ изобразить ее во всей ея неприглядной наготѣ, но тѣмъ не менѣе вѣрную въ своей основѣ. Затѣмъ, она представляла эту жизнь во всей ея полнотѣ, во всемъ ея объемѣ, почему каждому она была понятна, и была изображена въ такой изящной, понятной и смѣхотворной формѣ, что каждому была доступна, даже и не культурному человѣку. У всѣхъ одинаково она вызывала смѣхъ, всѣ одинаково смѣялись. Притомъ, характеръ сатиры Гоголя являлся совершенно новымъ и оригинальнымъ: онъ давалъ типы.

Всѣ эти Антонъ Антоновичи, праздновавшіе свои именины не только на Антона, но и на Онуфрія, Ляпкины-Тяпкины, дошедшіе своимъ умомъ до сотворенія міра, Земляники, у которыхъ больные выздоравливаютъ не столько отъ медикаментовъ, сколько отъ честности и порядка, Собакевичи, ругавшіе всѣхъ подлецами, но приписывавшіе въ спискѣ проданныхъ душъ «Елисаветъ Воробей», Чичиковы, страдавшіе черезъ свое благородство отъ навѣта враговъ и придумывавшіе покупку мертвыхъ душъ, зная настроеніе мѣстнаго общества, Хлестаковы, сочинявшіе «другого» Юрія Милославскаго и ѣвшіе супъ, пріѣхавшій въ кастрюлѣ прямо на пароходѣ изъ Парижа, и прочіе, и прочіе, всѣ эти извѣстные всѣмъ герои, вдругъ, безъ грима и прикрасъ, предстали передъ очами общества. Очевидно, общество должно было быть поражено такой картинной галлереей, о богатствѣ которой оно даже и не мечтало. Это не были карикатуры,—это были портреты, но портреты неизвѣстнаго дотолѣ письма. Каждый портретъ изображалъ не только одно лицо, но цѣлый рядъ лицъ, типъ; онъ былъ написанъ не съ одного лица, а съ цѣлаго ряда лицъ, принадлежавшихъ какъ бы къ одному семейству, носившихъ однѣ и тѣ-же черты и потому удивительно похожихъ одинъ на другого. Портреты Хлестакова, Чичикова, Сквозника-Дмухановскаго, Собакевича, Земляники, Кувшиннаго Рыла и всѣхъ остальныхъ героевъ были портретами типовъ, которые составляли общество и которые живутъ и до днесь, хотя—слава Богу—и не въ такомъ количествѣ и измѣнивъ нѣсколько свой обликъ подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни. Взглянувъ на эти портреты, каждый говорилъ: «Ба! Знакомыя все лица! Вотъ это Петръ Петровичъ, это Сидоръ Сидоровичъ, это Карпъ Ивановичъ»!.. Каждый находилъ среди этихъ портретовъ всѣхъ своихъ знакомыхъ и невольно смѣялся, смѣялся отъ души... Смотря на эти портреты, на эти типы, общество не могло оторвать глазъ отъ нихъ, какъ художникъ Чартковъ не могъ оторвать глазъ отъ купленнаго имъ на рынкѣ портрета старика,—а вглядываясь все глубже, общество, разумѣется, не могло не искать за ними другихъ портретовъ, другихъ образовъ, лучшихъ, чистыхъ.

По мѣрѣ того, какъ увеличивался кругъ читателей и зрителей веселаго смѣха Гоголя, увеличивался и кругъ понимавшихъ всю глубину, всю силу этого смѣха, и кругъ людей, понимавшихъ самого Гоголя и оцѣнившихъ его. На смѣну невольнаго

веселаго смѣха являлся другой смѣхъ, болѣе сознательный, заставлявшій все большее и большее число лицъ задумываться, и задумываться глубоко. Съ другой стороны и лица, портреты которыхъ были выставлены на публичное осмѣяніе, должны были смутиться. И вотъ, начался незримо процессъ перевоспитанія общества, который сначала привелъ къ прояснению самосознанія общества, а затѣмъ и къ укрѣпленію его.

Пройдутъ вѣка, промелькнетъ немало поколѣній, а Гоголь, великій геніальный смѣхотворецъ Гоголь, будетъ продолжать жить среди русскаго народа и будетъ всегда его любимымъ писателемъ, изъ-подъ пера котораго вышли безсмертные типы людей, типы не только русскіе, но присущіе отчасти и другимъ народностямъ...

Чѣмъ же можно объяснить такую громадную силу смѣха Гоголя и обширность галлереи типовъ, осмѣянныхъ имъ? Почему только въ Россіи могло появиться такое поразительное количество типовъ, подпавшихъ публичному осмѣянію?

Объясняется это исключительно своеобразными условіями государственной и общественной жизни Россіи.

Непроглядная тьма, царившая въ обществѣ, и развращенность его, поддерживавшаяся крѣпостнымъ правомъ, принявшимъ въ XVIII столѣтіи (когда были раздарены милліоны свободныхъ дотолѣ людей разнымъ вельможамъ и фаворитамъ) такія твердыя и опредѣленныя формы, породили условія, при которыхъ никто не гнушался развратомъ, мошенничествомъ и взяточничествомъ, при которыхъ никто не встрѣчалъ въ обществѣ порицанія ни за какое дѣяніе, при которыхъ только власть и богатство давали право на почетъ и уваженіе. Взяточничество развилось до такой степени, что оно проявлялось совершенно открыто, и брали одинаково и маленькій писецъ, и канцлеръ Россійской Имперіи, и жена этого писца, и жена канцлера, и все сводилось лишь къ тому, чтобъ не спять съ нуждающагося просителя послѣдней рубашки, такъ какъ въ этомъ случаѣ проситель, по совѣсти, уже не могъ назвать ограбившаго его своимъ благодѣтелемъ.

Развращенность общества была настолько велика, что никакія мѣры не могли измѣнить установившагося строя жизни: ни дубинка Петра Великаго, ни благія пожеланія Великой Екатерины. Отвѣдавъ этой дубинки, князь Меншиковъ, на глазахъ Петра, грабилъ казну, принималъ «подарки» отъ пословъ иностранныхъ государствъ и обиралъ каждаго, обращавшагося къ нему, а вельможи Екатерины, восторженно выслушавъ рѣчь о равенствѣ людей, спѣшили заручиться «крѣпостными», чтобы затѣмъ выжать изъ нихъ послѣднія силы, послѣдній сокъ, и точно также грабили направо и налѣво.

Екатерина хорошо сознавала, что творилось вокругъ нея и въ особенности въ провинціи. «Мы... дѣломъ самимъ увидѣли, говоритъ манифестъ 1762 года, до какой степени въ государствѣ нашемъ лихоимство возросло, такъ что едва ли есть самое малое мѣсто правительства, въ которомъ бы божественное сіе дѣйствіе (судъ) безъ зараженія сей язвы отправлялося»... Предоставляя дворянству «вольности», Екатерина хотѣла привлечь дворянъ, болѣе культурный классъ людей, къ упорядоченію государственнаго управленія и общественной жизни и потому даровала дворянству широкое право самоуправленія и суда. Она предоставила дворянству права административныя въ лицѣ исправниковъ и право суда въ лицѣ судей, засѣдателей и предсѣдателей гражданскихъ палатъ, избираемыхъ дворянствомъ изъ своей среды. Казалось бы, что такія громадныя права, дарованныя дворянству, налагали на него обязанность серьезно заботиться о внесеніи въ общественную жизнь болѣе правильныхъ началъ. Это было тѣмъ болѣе легко, что губернскимъ предводителямъ дворянства предоставлялось также исключительное право личнаго ходатайства передъ Престоломъ о своихъ нуждахъ, слѣдовательно и о нуждахъ ввѣреннаго дворянству суда. Но эти права, «вольности» дворянства не принесли плодовъ. Дворянство, вмѣсто того, чтобъ заботливо отнестись къ своимъ новымъ правамъ и обязанностямъ, съ самаго же начала отнеслось къ исполненію высокихъ задачъ суда брезгливо и на мѣста исправниковъ и судей выбирало людей разорившихся, которымъ нужно было прокормиться и возстановить свое благосостояніе.

Новое вино было влито въ сгнившіе мѣха, и образовалось совсѣмъ негодное питье...

Тяжелое было это время для всего общества, для всего населенія. Единственное, что могло измѣнить этотъ сложившійся порядокъ жизни, это—лучъ свѣта, который озарилъ бы общество и далъ бы лучшимъ людямъ возможность вліять на него. Этимъ лучемъ свѣта могла быть только гласность, но ни одинъ голосъ не раздавался среди этого мрака, да и не могъ раздаться.

И такое положеніе тянулось долго, томительно долго, почти до тридцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, когда не смотря на цензурные кордоны блеснулъ наконецъ этотъ лучъ свѣта...

Что творилось въ то время, когда всесильнымъ руководителемъ всей общественной жизни являлось чиновничество и притомъ чиновничество крѣпко сплоченное, распоряжавшееся всѣмъ безотвѣтственно и «по своему усмотрѣнію»—видно изъ живыхъ картинъ, нарисованныхъ Гоголемъ. А что эти картины представляли существовавшую дѣйствительность, даже въ нѣсколько прикрашенномъ видѣ—это извѣстно всѣмъ дѣятелямъ добраго стараго времени, разсказывавшимъ и нынѣ еще разсказывающимъ, чему они были свидѣтелями.

Судья Ляпкинъ-Тяпкинъ являлся несомнѣнно образцомъ честности и порядочности среди другихъ чиновниковъ, потому что онъ только охотился на поляхъ тяжущихся и бралъ взятки борзыми щенками, но эта честность была слѣдствіемъ исключительныхъ обстоятельствъ: судья былъ философъ, дошедшій до сотворенія міра собственнымъ умомъ, почему онъ, въ свободное отъ охоты время, и сидѣлъ у мадамъ Добчинской, изъ дѣтей которой «ни одно не было похоже на Добчинскаго, но всѣ, даже маленькая дѣвочка, какъ вылитый судья». И если правосудіе въ судѣ страдало, то только потому, что «самъ Соломонъ не могъ разрѣшить, что въ докладной запискѣ правда, а что неправда». По словамъ Собакевича, «весь городъ такой: мошенникъ на мошенникѣ сидитъ и мошенникомъ погоняетъ. Всѣ христопродавцы. Одинъ тамъ только и есть порядочный человѣкъ—прокуроръ, да и тотъ, если правду сказать, свинья», но за то стрянчій Золотуха «первѣйшій хлыщъ въ мірѣ». А Плюшкинъ увѣрялъ, что приказные такіе безсовѣстные, что ихъ не проймешь и душеспасительнымъ словомъ, противъ котораго, вообще, не устоишь.

И какъ могло «пронять» чиновниковъ того времени какое-нибудь слово, не только «душеспасительное», когда все дѣлалось просто, открыто: проситель (Чичиковъ), «вынувъ изъ кармана бумажку, положитъ ее передъ Иваномъ Антоновичемъ Кувшинное Рыло, которую тотъ совершенно не замѣтитъ, но накрестъ тотчасъ книгою», а предсѣдатель ради дружбы прикажетъ отнести половину пошлинныхъ денегъ на счетъ другого просителя; когда чиновники знали, что они безотвѣтственны, ибо въ случаѣ надобности всѣ сплотятся въ непроницаемую стѣну вокругъ винов-

наго и—поцапавъ его какъ слѣдуетъ ради принципа—спасутъ его во что бы то ни стало, вырвутъ его изъ рукъ правосудія. Да правосудія, собственно говоря, и не существовало. Нужно было только заплатить чуть не по таксѣ и, затѣмъ — быть вполнѣ спокойнымъ. «Тридцать тысячъ на всѣхъ и ничего больше», — говоритъ Самосвитовъ Чичикову, когда тотъ послѣ неудачной манипуляціи съ духовнымъ завѣщаніемъ былъ заключенъ въ промозглый сырой чуланъ. «Тутъ ужъ всѣмъ вмѣстѣ,— и нашимъ (т. е. судейскимъ), и генералъ-губернаторскимъ, и секретарю»...

Эти поразительныя по своей яркости и по своей точности и правдивости картины Гоголя представлялись не исключительными явленіями, а явленіями обыденными, встрѣчавшимися на каждомъ шагу каждому обывателю, котораго злая судьба ставила въ необходимость обратиться къ предержащей власти или къ суду. Эти картины, извѣстныя всѣмъ и каждому если не по личному опыту, то по разсказамъ близкихъ людей, сначала вызывали «веселый смѣхъ», охватывавшій читателей Гоголя, а затѣмъ — наводили на грустныя размышленія, потому что не только переживаемое было мрачно, но и будущее не давало надежды на лучшее.

Неправда всегда существовала и всегда будетъ существовать, но если неправда существуетъ только какъ исключительное явленіе, и притомъ оканчивающееся возстановленіемъ нарушенныхъ правъ, тогда общество можетъ дышать свободно. А въ то время?.. Въ то время общество и все населеніе томилось, задыхалось... И правда жизни, такъ ярко отразившаяся въ геніальной комедіи и геніальной поэмѣ Гоголя, вызывала горькое сознаніе полной безнадежности, безвыходности того положенія, въ какомъ находилась страна. Генералъ-губернаторъ грозитъ всѣмъ замѣшаннымъ въ дѣло Чичикова лишеніемъ чиновъ, имущества и отрѣшеніемъ отъ мѣстъ, но тутъ же замѣчаетъ, что это будетъ «даже и не въ урокъ другимъ, потому что на мѣсто выгнанныхъ явятся другіе, и тѣ самые, которые дотолѣ были честны, сдѣлаются безчестными, и тѣ самые, которые удостоены будутъ довѣренности, обманутъ и продадутъ»...

Тотъ, кто ходилъ по горамъ, хорошо помнитъ, какое тяжелое чувство охватываетъ, когда облака окутаютъ его густымъ туманомъ. Сквозь плотную сѣрую пелену не видно тропинки, которая была ясна еще за минуту передъ тѣмъ; товарищъ, шедшій впереди за нѣсколько шаговъ, исчезъ, и голосъ его, повторяемый эхомъ, вводитъ въ заблужденіе, призывая совсѣмъ въ другую сторону. Путникъ идетъ на голосъ и совсѣмъ сбивается съ пути, карабкается по утесамъ и — наконецъ — безнадежно опускается на камень, такъ какъ ежеминутно можетъ слетѣть въ пропасть, откуда слышится бушующій потокъ, а сырая мгла окутываетъ его все больше и больше. И вотъ, когда ему уже начали представляться нивѣсть какія картины, а минуты казаться чуть не вѣчностью, вдругъ порывъ вѣтра разорвалъ облака и онъ видитъ сначала свѣтлую даль, освѣщенную солнцемъ, гдѣ на зеленой нивѣ работаютъ люди и откуда ему чудятся даже пѣсни, а затѣмъ, по мѣрѣ того, какъ раздвигаются облака—и мѣсто, гдѣ онъ стоитъ, и потерянный товарищъ. Путникъ нашелъ дорогу, онъ увидѣлъ ее, онъ зоветъ товарища и вмѣстѣ съ нимъ спѣшитъ, чтобъ скорѣе выбраться туда, гдѣ могутъ отдохнуть его усталые члены, гдѣ онъ можетъ согрѣться отъ пронизавшей его сырости. И какое сладкое, пріятное чувство разливается по всему человѣку! Онъ еще не дошелъ до мѣста и даже путь его еще далекъ, но онъ не чувствуетъ усталости и бодро, весело идетъ впередъ, все впередъ!..

То же самое должно было случиться съ обществомъ, когда оно взглянуло на нарисованныя Гоголемъ картины, на выведенные имъ типы.

Вся общественная жизнь была покрыта сѣрой пеленой непроницаемаго тумана, сквозь который никто не видѣлъ своего товарища и не видѣлъ пути, по коему слѣдовало идти. Голосъ замиралъ въ этомъ туманѣ, а каждый сознавалъ, что пропасть и страшная пропасть лежитъ подъ ногами. И вдругъ, эта пелена раздвинулась и изумленнымъ очамъ общества блеснулъ лучъ солнца: представились картины Гоголя! Общество увидѣло, передъ какой пропастью оно стояло, нашло свой путь и пошло впередъ, все впередъ!..

Смѣхъ сдѣлалъ свое дѣло!

Все общество смѣялось и вмѣстѣ съ тѣмъ, боясь этого смѣха, понемногу перевоспитывалось и дѣлалось лучше. На тѣхъ, кто вызывалъ этотъ смѣхъ, онъ производилъ такое впечатлѣніе, которое не дай Богъ испытывать никому... И общество съ ужасомъ отвернулось отъ того, что наканунѣ находило обычнымъ или возможнымъ, допустимымъ.

Правду сказалъ Гоголь: «На сцену ихъ, на сцену! Пусть видитъ весь народъ! Пусть посмѣется онъ! О, смѣхъ великое дѣло! Ничего болѣе не боится человѣкъ такъ, какъ смѣха! Онъ не отнимаетъ ни жизни, ни имущества, но онъ силы связываетъ и—боясь смѣха—человѣкъ удержится отъ того, отъ чего бы его не удержала никакая сила»...

Но Гоголь умѣлъ не только смѣяться. Подъ конецъ своей жизни онъ началъ скорбѣть. Писатель-юмористъ, начавшій свое общественное служеніе съ изображенія невинныхъ картинъ наивнаго диссонанса, подошелъ въ своей геніальной поэмѣ, оказавшейся лебединой пѣснью его творчества, къ самымъ основамъ русской жизни, къ ея устоямъ. Писатель-комикъ, еще такъ недавно смѣшившій общество, превратился въ сатирика, перомъ котораго водило возмущенное чувство гражданина. Въ общемъ эта была мучительная, но неизбѣжная эволюція смѣха. Анализъ мелочей жизни привелъ Гоголя роковымъ образомъ, можетъ быть и помимо его воли, къ критикѣ общаго. Жажда добра и блага для всѣхъ, мучившая его съ юношескихъ лѣтъ, невольно приводила его къ мысли о необходимомъ для этого общественномъ строѣ. Писатель-эстетикъ и моралистъ, созерцатель-художникъ очутился, такимъ образомъ, лицомъ къ лицу передъ великимъ вопросомъ общественно-государственной жизни Россіи, трудности рѣшенія котораго онъ самъ можетъ быть не подозрѣвалъ ранѣе, вступая на избранный путь. Передъ такимъ вопросомъ нельзя было не остановиться въ глубокомъ раздумьѣ...

Мы знаемъ, какъ трагически кончилось для Гоголя это раздумье. Измученный терзаніями, онъ палъ подъ тяжестью великой ноши, оказавшейся непосильной.

Но дѣло было уже сдѣлано!

Вѣщее слово, сказанное имъ въ минуты высокаго духовнаго подъема, не пропало безслѣдно. Оно разнеслось по всей русской землѣ, глубоко потрясши человѣческія сердца, всколыхнувъ сонную, вялую мысль. Все зло, которое вѣками скоплялось надъ русской землей въ густую тучу, было выставлено на всенародное осмѣяніе, и такъ смѣло, такъ ярко, что общество не могло не задуматься надъ пропастью, надъ которой оно стояло. Севастопольскій разгромъ только болѣе наглядно, реально подтвердилъ несостоятельность крѣпостныхъ устоевъ общественной и государственной жизни. Національное самосознаніе поднялось

на такую высоту, на какую оно не поднималось съ 1812-го года. При общемъ подъемѣ всѣхъ общественныхъ силъ страны, слово перешло въ дѣло, сознаніе—въ дѣйствительность. Въ этомъ смыслѣ могучая работа общественнаго самосознанія, вылившаяся въ реформахъ 60-хъ годовъ, имѣетъ въ лицѣ Гоголя безспорно одного изъ самыхъ главныхъ своихъ вдохновителей. Грозное слово обличенія было вмѣстѣ съ тѣмъ и вдохновеннымъ призывомъ, звавшимъ на великую работу...

Гоголь далъ общественному самосознанію готовую формулу въ своихъ произведеніяхъ. Они указали, что весь общественный строй никуда не годенъ, что въ этомъ строѣ прежде всего негодны крѣпостное право и суды, долженствующіе регулировать общественную жизнь, и что обществу недостаетъ пониманія правды. Они явились какъ бы эпитафіей, намогильной надписью и крѣпостному праву, и судебнымъ порядкамъ, которые еще жили, но находились въ агоніи, поражен-ные страшнымъ смѣхомъ Гоголя. Общественное сознаніе признало ихъ полную несостоятельность, и реформа крѣпостного права и судебнаго строя страны стала отнынѣ неизбѣжной. Весь вопросъ былъ теперь лишь во времени.

«Судъ правый, скорый и милостивый», который дали Россіи Судебные Уставы Императора Александра II, былъ неизбѣжной антитезой той вопіющей неправды, волокиты и ненужной, вредной жестокости, которыя составляли отличительныя черты стараго дореформеннаго суда... «Правда и милость», которыя, по словамъ великаго законодателя, должны были царствовать въ новыхъ судахъ, данныхъ Имъ русскому народу, были лишь отвѣтомъ на запросы времени, на чаянія и ожиданія лучшихъ людей, давно уже сознававшихъ весь ужасъ неправды и давно уже страстно молившихъ объ этой человѣческой правдѣ и милости, во имя другой высшей Правды, высшей Человѣчности...

Иванъ Сергѣевичъ Аксаковъ.

В. Д. Набокова.

ИВАНА Сергѣевича Аксакова нельзя, конечно, причислить къ *дѣятелямъ* судебной реформы, въ точномъ смыслѣ слова. Онъ былъ лишь *поборникомъ* основныхъ ея началъ—поборникомъ краснорѣчивымъ, убѣжденнымъ и тѣмъ болѣе убѣдительнымъ, что въ своей оцѣнкѣ этихъ началъ и въ сопоставленіи ихъ съ началами до-реформенными онъ исходилъ не изъ отвлеченныхъ только посылокъ, юридическихъ и историческихъ, а изъ пережитыхъ и видѣнныхъ имъ фактовъ, неизгладимо отпечатлѣвшихся въ его чуткой и пылкой душѣ. Ему пришлось быть дѣятелемъ дореформенной юстиціи: болью и ужасомъ повѣяла она на него, сдѣлавъ его на всю жизнь горячимъ ненавистникомъ того, что онъ называлъ «старой кривдой», и побудивъ его всей силой крупнаго публицистическаго дарованія встать на защиту судебныхъ уставовъ въ эпоху наибольшей для нихъ опасности. Оттого-то въ исторіи, еще не написанной, перваго двадцатипятилѣтія жизни судебныхъ уставовъ—имя Аксакова не можетъ быть забыто; съ *этой* лишь стороны мы и коснемся его дѣятельности, при чемъ намъ придется предоставлять слово чаще всего самому Аксакову.

I.

Окончивъ курсъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія въ 1842 г., И. С. Аксаковъ девятнадцатилѣтнимъ юношей поступилъ на службу въ Министерство Юстиціи, гдѣ и оставался до 1848 г. Подобно Арцимовичу, Стояновскому, Ровинскому и др., онъ принадлежалъ къ тѣмъ первымъ поколѣніямъ правовѣдовъ, которыя сыграли такую крупную роль въ исторіи нашей общественной жизни. По мысли принца П. Г. Ольденбургскаго, Училище Правовѣдѣнія должно было быть разсадникомъ нравственно-безупречныхъ, умственно-развитыхъ и всесторонне образованныхъ людей, которые, поступая на службу государственную, съумѣли бы внести въ темное царство «подъячихъ» свѣтъ своего облагораживающаго, сдерживающаго и обуздывающаго вліянія. Въ особенности необходимо было это вліяніе въ судебномъ вѣдомствѣ, въ которомъ обязательно и проходили первые шаги юные питомцы училища. Аксаковъ началъ службу во 2-мъ отдѣленіи 6-го департамента Правительствующаго Сената въ Москвѣ, гдѣ онъ черезъ три недѣли по вступленіи былъ назначенъ исправляющимъ должность секретаря. Въ концѣ слѣдующаго года онъ эту должность временно оставилъ, отправившись, при ревизующемъ сенаторѣ князѣ П. П. Гагаринѣ, въ Астраханъ. Тамъ онъ прожилъ почти цѣлый годъ и имѣлъ возможность близко присмотрѣться къ бытовой и чиновничьей жизни захолустнаго провинціальнаго города,—а ревизуя уѣздный судъ и уголовную палату долженъ былъ познакомиться съ порядками судебными. Ревизія уѣзднаго суда, состоявшая въ просмотрѣ всѣхъ текущихъ дѣлъ, уголовныхъ и гражданскихъ, рѣшенныхъ за три года, сданныхъ въ архивъ и приготовляемыхъ къ сдачѣ *), будучи работой медленной и однообразной, сводилась къ отыскиванію главнымъ образомъ внѣшнихъ упущеній: медленности, несоблюденія формальностей и проч. Тѣмъ не менѣе, истинная подкладка дѣла уже тогда была ясна Аксакову. «Разумѣется, пишетъ онъ отцу, *я не говорю здѣсь объ исправленіяхъ невозможныхъ*, напр. *исправленіи взяточничества* и т. п.». Къ самой ревизіи онъ относился довольно отрицательно, хорошо сознавая, что кончится она—и все пойдетъ по старому. Вообще онъ постепенно проникался убѣжденіемъ, которое выразилъ уже въ 1845 г., вернувшись въ Москву и занявъ прежнюю должность въ Сенатѣ, въ письмѣ къ князю Д. А. Оболенскому, своему товарищу по училищу: «На службѣ можно приносить только двѣ пользы: 1) отрицательную, т. е.

*) См. Письма И. С. Аксакова, I, стр. 79.

не брать взятки, 2) частную, и то только тогда, когда позволишь себѣ нарушить законъ. Что проку, что законъ соблюдается, когда это соблюденіе закона не уничтожаетъ зла, не вознаграждаетъ невинность»?

Отвращеніе къ служебной дѣятельности, которое можно было уже предсказать у двадцатилѣтняго автора «мистеріи въ трехъ періодахъ», носящей заглавіе «Жизнь чиновника», въ особенности усилилось, когда Аксаковъ получилъ назначеніе въ Калугу, товарищемъ предсѣдателя уголовной палаты. Это было осенью 1845 г. Въ Калугѣ онъ пробылъ почти два года и за это время вполнѣ позналъ темныя стороны тогдашняго суда. Правда, въ своихъ письмахъ онъ касается этихъ сторонъ рѣдко, какъ бы эпизодически; но за то онѣ отразились въ его литературномъ творчествѣ. Пять лѣтъ спустя послѣ оставленія имъ Калуги, Аксаковъ вылилъ свою желчь и свое негодованіе въ «судебныхъ сценахъ», озаглавленныхъ: «Присутственный день уголовной палаты». Въ это время Аксаковъ уже не служилъ больше. Министерство Юстиціи онъ покинулъ въ сентябрѣ 1848 г. Назначенный въ 1848 г. оберъ-секретаремъ 1-го отдѣленія 6-го департамента въ Москвѣ, онъ вскорѣ—черезъ годъ—оставилъ эту должность, столкнувшись съ такимъ яркимъ проявленіемъ лицепріятія и беззаконія, котораго стерпѣть не могъ. Въ одной своей статьѣ въ «Руси», о которой будетъ рѣчь ниже, онъ упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ, не называя себя его героемъ. «Помнимъ—говоритъ онъ,—какъ однажды молодой оберъ-секретарь Сената, опираясь на забытую и никогда не примѣнявшуюся статью свода законовъ, отказался скрѣпить истинно неправедное постановленіе, благопріятствовавшее людямъ, занимавшимъ очень видное положеніе въ обществѣ, и съ какимъ шумомъ, съ какимъ гнѣвомъ встрѣтили сановные старики такое необычайное дерзновеніе».

Дѣло, о которомъ здѣсь говорится, представляетъ одну изъ самымъ мрачныхъ и постыдныхъ страницъ въ исторіи стараго суда. Оно цѣликомъ напечатано во второмъ томѣ сборника русскихъ уголовныхъ процессовъ, изданнаго Любавскимъ, подъ заглавіемъ: «дѣло о помѣшательствѣ и смерти несовершеннолѣтней фигурантки московскихъ театровъ Авдотьи Аршининой». Главное дѣйствующее лицо этой трагедіи, князь Че—скій, молодой московскій аристократъ, обвинялся въ томъ, что, напоивъ возбуждающимъ растворомъ несчастную молодую дѣвушку, фигурантку, роднымъ ея отцомъ ему проданную, въ компаніи со своими достойными пріятелями довелъ ее до такого состоянія, что по доставленіи ея въ больницу съ признаками остраго помѣшательства и мѣстными тяжкими поврежденіями, она черезъ нѣсколько дней умерла. Московскій совѣстный судъ 9 февраля 1848 г. заключилъ: подсудимаго Че—ского *отдать въ солдаты съ выслугою и безъ лишенія правъ*, а при неспособности къ строевой службѣ—въ писцы военнаго вѣдомства, также съ выслугой и безъ потери правъ. Изъ суда дѣло въ сентябрѣ того же 1848 г. перешло въ Сенатъ и въ концѣ концовъ, послѣ ряда мытарствъ, переходя изъ инстанціи въ инстанцію, доходило до императора Николая Павловича. Приговоръ по отношенію къ князю Че—скому былъ окончательно утвержденъ Сенатомъ уже въ 1852 г., именно въ приведенномъ размѣрѣ, съ прибавленіемъ церковнаго покаянія... Въ настоящее время, по прошествіи полувѣка, трудно удержать чувство ужаса и негодованія при чтеніи этого страшнаго дѣла. Какое-же впечатлѣніе должна была произвести тогда на душу правдиваго, чистаго юноши вся эта кровавая грязь, съ которой онъ вошелъ въ близкое соприкосновеніе!.. Удивляться ли тому, что возгорѣвшаяся въ немъ ненависть къ старому суду тридцать пять лѣтъ спустя съ такой же силой пылала въ его душѣ?..

Въ «предувѣдомленіи» къ своимъ судебнымъ сценамъ И. С. Аксаковъ старался подчеркнуть ихъ болѣе документальное, чѣмъ литературное значеніе. «Не изъявляя притязаній на художественное достоинство, эти сцены, какъ вѣрная докладная записка, имѣютъ все грустное достоинство истины, все печальное значеніе дѣйствительнаго факта». Въ «сценахъ» не изображена самая трагическая сторона судебнаго быта, не разоблачены тѣ вопіющія злоупотребленія и страшныя злодѣйства, которыя хотя и случались, но все же носили характеръ исключительности, и къ тому же не всегда избѣгали наказанія по закону. Въ этомъ отношеніи существуетъ громадная пропасть между произведеніемъ Аксакова и піесами Сухово-Кобылина: «Дѣло» и «Смерть Тарелкина». Въ этихъ послѣднихъ трагизмъ положенія злосчастныхъ жертвъ дореформеннаго правосудія стоитъ на первомъ планѣ и обрисованъ съ такой страшной силой, что теперь, когда дореформенные ужасы отошли въ область преданій, невольно является мысль о преувеличеніи, о шаржѣ. Напротивъ того, Аксаковъ бичуетъ «тѣ грѣхи, которые чествуются *грѣшками*, тѣ пороки, которые извиняются легко, уживаются съ снисходительною совѣстью, живутъ рядомъ съ хорошими свойствами души, принимаютъ даже какую-то вполнѣ искреннюю, добродушную физіономію, убаюкиваютъ самое сознаніе какою-то особенно простосердечною логикою». «Въ вѣрности моего изложенія, говоритъ Аксаковъ, поручится всякій, кому извѣстенъ судебный бытъ не только столичный, но и провинціальный, не по однимъ книгамъ и законамъ, но на самомъ дѣлѣ и по опыту». И дѣйствительно, читая «сцены», едва ли кто заподозритъ автора въ шаржѣ, въ утрировкѣ. Онъ не сгущаетъ красокъ, онъ выводитъ не отъявленныхъ мерзавцевъ, а людей, по мнѣнію окружавшей ихъ среды вполнѣ порядочныхъ, съ «благородными» понятіями. Тѣмъ правдивѣе и ярче получается впечатлѣніе, тѣмъ болѣе безотрадные напрашиваются выводы.

Читая «сцены», мы начинаемъ понимать, что̀ это была за почва, на которой могли вырости такіе ядовитые цвѣтки, какъ вышеприведенное дѣло Аршининой. Дикія и несообразныя представленія о своихъ обязанностяхъ и о своемъ значеніи, грубое невѣжество, сословные предразсудки, наивное безсердечіе, откровенное до цинизма кумовство и, въ результатѣ, плохо замаскированное, полу-безсознательное кривосудіе и беззаконіе: вотъ характерныя черты той коллегіи судей-дворянъ, которая фигурируетъ передъ нами,—черты, сказывающіяся въ ихъ безхитростно-добродушныхъ рѣчахъ.

«Мы съ вами что такое? Развѣ мы не правительство?»—«Какое мы правительство, мы просто судебное мѣсто, да и все тутъ».—«Нѣтъ, нѣтъ, Семенъ Ивановичъ, Алексѣй Александровичъ правъ. Мы (это говоритъ предсѣдатель) какъ-то намедни считались съ управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, какъ же! Выходитъ, что я чуть ли не четвертое лицо въ губерніи... Совершенно такъ; слѣдовательно, я понимаю, мы должны въ этомъ дѣлѣ руководствоваться болѣе или менѣе правительственными соображеніями, высшими, административными, понимаете»?

«Первое дѣло, это чтобы секретарь былъ хорошій и добрый, ну и не очень корыстный. Коли секретарь человѣкъ знающій, дѣло то и ладно, онъ ужъ присутствующихъ ни подъ выговоръ, ни подъ штрафъ не подведетъ... Я вѣдь вотъ какъ разсуждаю: вѣдь на что-нибудь секретарь да заведенъ, вѣдь коли бы и мы и дѣла стали читать, и законы пріискивать, и резолюціи всѣ сочинять, такъ тогда зачѣмъ и секретарь»?

«Конечно такъ, однакожъ для чего нибудь мы здѣсь да сидимъ»?

«Да такъ, для порядку».

«У насъ оттого и заведеніе такое, коли прокурору что въ рѣшеніи не нравится, или губернатору, такъ мы домашнимъ образомъ и переправляемъ дѣла».

«Ну, а захочетъ кто жаловаться, такъ не много возьметъ: и губернаторъ пріятель, и жандармскій—пріятель»..

«Вотъ вы говорите: законы, законы! Да вѣдь законовъ то что? Просто гибель. Да еще каждый годъ все прибавленія да добавленія; выдумали какое-то новое уголовное уложеніе, чтобы изъ степени въ степень переводить... ну я васъ спрашиваю, досугъ ли намъ этимъ заниматься? Вѣдь наше дѣло дворянское: у васъ есть крестьяне, ну и меня Богъ ими не обидѣлъ. Стало, уже забота есть»... «Вотъ на этотъ то предметъ и заведены подъячіе. Ужъ они на этомъ и стоятъ, на законахъ то. Ну, а всякое дѣло мастера боится». «Еслибъ и вздумалъ кто изъ насъ законамъ то поучиться, все уже противъ канцеляріи не будетъ, да и не дворянское это дѣло»...

Иногда, впрочемъ, этотъ беззаботный индифферентизмъ приходится стряхнуть. «Судьи» проявляютъ инициативу, высказываютъ мнѣніе, настаиваютъ на немъ... Это случается чаще всего тогда, когда-кто нибудь «изъ своихъ» *попроситъ*.

«Спроси у Крикунова записку по дѣлу Кондратьевой. Просила меня кузина моя... Дѣло у ней есть въ Палатѣ, человѣкъ ея въ кражѣ попался. Такъ вотъ она и проситъ: нельзя ли его не наказывать, а оставить въ подозрѣніи, знаете, чтобы человѣкъ то не пропадалъ даромъ, чтобы она могла его еще съ зачетомъ въ солдаты отдать»...

«Прошу покорно, совсѣмъ не то сдѣлалъ, что я приказалъ. Я велѣлъ ему сдѣлать записку изъ дѣла, да подвести законы такъ, чтобы выходило подозрѣніе, хотѣлъ кузинѣ показать, а онъ чортъ знаетъ, что нагородилъ: не то, совсѣмъ не то»!

Еще рѣшительнѣе поступаютъ «судьи», когда обращенныя къ нимъ просьбы исходятъ отъ власть имѣющихъ, напр. отъ губернатора. Въ этихъ случаяхъ бываютъ и «передѣлыванія» домашнимъ порядкомъ рѣшеній, уже подписанныхъ, если губернатору «хочется», чтобы того или другого подсудимаго «присудили» построже или помягче...

Наибольшую «самостоятельность» и независимость — отъ закона—проявляютъ «судьи» тогда, когда дѣло касается «нашего брата» дворянина.

«Помилуйте! свой братъ дворянинъ, а я его губить стану»! «Не по дворянски разсуждаете: стану я крѣпостныхъ людей слушать»!

«Генералъ врать не станетъ, а коли совретъ, значитъ ужъ должно было такъ соврать, не даромъ»...

«По моему, этакія дворянскія дѣла и до Палаты - то доводить не слѣдуетъ. Это бы надо, знаете, порядкомъ домашнимъ, семейнымъ, черезъ предводителя».

Рѣчь идетъ о цѣломъ рядѣ преступныхъ подвиговъ отставного полковника, богатаго помѣщика, обвиняемаго и уличаемаго: «во 1-хъ въ томъ, что высѣкъ своими людьми губернантку, представленную имъ же къ его дѣтямъ, да еще вымазалъ ее купоросным масломъ; во 2-хъ въ томъ, что засѣкъ чуть не до смерти крестьянина своего; въ 3-хъ, въ продажѣ фальшивыхъ ассигнацій».

И когда этотъ герой—нахальный, фамиліарный, по вмѣстѣ съ тѣмъ льстецъ и угодникъ, — является въ Палату, предварительно зарекомендовавъ себя крупнымъ проигрышемъ въ карты предсѣдателю, которому «везло», надо видѣть, какъ привѣтливо его встрѣчаютъ, какъ заранѣе готовы его оправдать, потому что онъ «человѣкъ хорошій... и по физіономіи, и по манерамъ», потому что онъ *свой*, своего поля ягода и, наконецъ потому, что готовъ отдать пару лошадей, «а деньги, какъ случится, хоть послѣ»...

Характерными чертами обрисована въ «сценахъ» и чисто-процессуальная сторона тогдашняго правосудія. Формальная теорія доказательствъ, съ ея предпочтеніемъ показанія «знатнаго» свидѣтеля показанію «незнатнаго»,—безконечная волокита, постоянное обращеніе дѣла «къ дослѣдованію»,—канцелярскія отписки, отсутствіе самой элементарной добросовѣстности, наряду съ чудовищнымъ развитіемъ кляузъ: все это сильной и мѣткой иллюстраціей проходитъ передъ глазами читателя. Непосредственнымъ наблюденіемъ, правдой жизни вѣетъ отъ нея.

Какъ и можно было ожидать, аксаковскія «сцены» не были пропущены цензурой и появились, повидимому противъ воли автора, въ лондонскомъ изданіи, въ 1854 г. Свободный доступъ въ русскую читающую публику онѣ получили только въ 1892 г., будучи включены въ приложеніе къ третьему тому писемъ Ивана Сергѣевича.

Можно было-бы подумать, что, извѣдавъ горькимъ опытомъ дореформенные судебные порядки, И. С. Аксаковъ сразу станетъ въ ряды горячихъ поклонниковъ преобразованія. На самомъ дѣлѣ этого не случилось, и уже только на склонѣ дней своихъ Аксаковъ сдѣлался апологетомъ реформы. Начало реформы относится къ той эпохѣ въ публицистической дѣятельности Аксакова, когда въ немъ произошелъ рѣшительный переломъ. Съ началомъ изданія газеты «День» Аксаковъ круто переходитъ въ лагерь славянофиловъ. До этого времени многія изъ его писемъ показываютъ въ немъ человѣка, вполнѣ объективно и не слишкомъ дружелюбно относящагося къ нѣкоторымъ пунктамъ славянофильскаго ученія. Еще въ 1856 г., въ письмѣ къ отцу, онъ пишетъ: «требованія эманципаціи, желѣзныхъ путей и проч., сливающіяся теперь въ одинъ общій гулъ по всей Россіи, первоначально возникли не отъ насъ, а отъ западниковъ, и я помню время, когда, къ сожалѣнію, славянофилы, хотя и не всѣ, противились и желѣзнымъ дорогамъ, и эманципаціи — послѣдней потому только, что она формулирована была подъ вліяніемъ западныхъ идей». Въ томъ же году, въ письмѣ И. С. къ брату его Константину, мы читаемъ: «будьте, ради Бога, осторожны со словами «народность и православіе». Они начинаютъ производить на меня тоже болѣзненное впечатлѣніе, какъ и «русскій баринъ», «русскій мужичекъ» и т. д. Будьте умѣрены и безпристрастны и не навязывайте насильственныхъ неестественныхъ сочувствій къ тому, чему нельзя сочувствовать, къ до-Петровской Руси, къ обрядовому православію, къ монахамъ и т. д. До-Петровской Руси сочувствовать нельзя».

Та перемѣна, послѣ которой Аксаковъ, вѣроятно, отрекся бы отъ этихъ строкъ, произошла въ немъ тогда, когда, со смертью Константина, онъ счелъ себя призваннымъ поднять и крѣпкой рукой удержать славянофильское «знамя», выпавшее изъ рукъ любимаго брата.

II.

Въ статьѣ, помѣченной 13-мъ Октября 1862 года («День»), И. С. Аксаковъ не раздѣляетъ «общаго увлеченія» нашей печати по поводу обнародованія основныхъ положеній судебной реформы. «Телеграфическія нити всюду, куда только простираются онѣ, разнесли по Россіи извѣстіе, что ей ассигнованы самыя новѣйшія либеральныя судебныя учрежденія, что старой судебной кривдѣ, полтораста лѣтъ въѣдавшейся и наконецъ въѣвшейся въ народную жизнь, сказанъ конецъ, и что неуклюжій судебный порядокъ, клейменный нѣмецкимъ штемпелемъ

довольно низкой пробы, смѣненъ порядкомъ высшаго качества, аттестованнымъ за наилучшій всею Европою». Прямолинейный славянофилъ, какимъ сталъ тогда Аксаковъ, не могъ сразу помириться съ «заимствованнымъ» характеромъ новыхъ учрежденій, этого *новаго* новшества, чуждаго народу, смѣнившаго *старое*, Петровское новшество. Врагъ Петербурга, его бюрократіи, съ ея высокомѣрнымъ отношеніемъ къ народу, Аксаковъ готовъ былъ съ недовѣріемъ отнестись къ тому, что досталось «не дорогой цѣной, не долговременными заботами, не постепенно, а одновременно, разомъ, такъ сказать въ нѣсколько дней, усиліями и попеченіями немногихъ избранныхъ въ Петербургѣ, безъ всякихъ хлопотъ и безпокойствъ со стороны остального народонаселенія». Ему не нравилась стремительность, внезапность реформы, заставшей общество врасплохъ, общественное сознаніе—не приготовленнымъ, почву—не очищенною и не распаханною. Въ этомъ, а также въ своемъ преклоненіи передъ тѣми «созидательными народными силами», которыя до Петра участвовали въ законодательствѣ, а послѣ, благодаря «цивилизаторскимъ операціямъ» перваго императора, были оттѣснены, Аксаковъ оставался вѣренъ славянофильскому credo. Но также вѣренъ былъ онъ своему призванію и долгу публициста, когда сѣтовалъ на ту таинственность, которою была окружена реформа, на отсутствіе свободной критики и *предварительнаго* обсужденія, — и этими обстоятельствами объяснялъ нѣкоторыя неудовлетворительныя стороны реформы.

Оттого онъ приступилъ къ обсужденію проекта реформы со «строгимъ вниманіемъ», чуждымъ пристрастія, хотя, быть можетъ, и не чуждымъ нѣкоторой односторонности. Онъ находилъ, что для труда самостоятельнаго созиданія, послѣ великаго акта 19 февраля 1861 г., еще не было достаточно времени; жизнь народа «еще не успѣла сказать свое слово и явиться въ могуществѣ свободныхъ органическихъ отправленій». При такихъ условіяхъ, вопросъ для Аксакова ставился такъ: «въ какой степени новыя формы лучше старыхъ или, вѣрнѣе сказать менѣе чужды, менѣе старыхъ жмутъ и тѣснятъ свободу народной жизни, въ какой степени допускаютъ просторъ для ея органической производительности». Конечно, вопросъ этотъ могъ относиться только къ техническимъ, такъ сказать, формамъ новаго суда. Основныя идеи, на которыхъ онъ покоится — принципы гласности, устности, подзаконности, отдѣленія власти судебной отъ обвинительной, участія народнаго элемента,—все это и на континентѣ Зап. Европы не было національнымъ, самобытнымъ, и странно было бы по отношенію ко всему этому, составляющему главнѣйшее, огромнѣйшее пріобрѣтеніе судебной реформы, ставить вопросъ въ такой условной формѣ, въ какой его ставилъ Аксаковъ. Въ сущности, онъ и самъ это сознавалъ, когда въ той же статьѣ, уже безъ всякихъ оговорокъ, привѣтствовалъ въ новомъ порядкѣ «тѣ начала, которыя, даруя большій просторъ общественной самодѣятельности, даютъ тѣмъ самымъ возможность народной Русской стихіи выработать свои юридическія основы и пересоздать, или претворить, или свободно усвоить то, что въ новомъ порядкѣ есть общечеловѣческаго и истиннаго». Если въ преобразованіи и содержатся нѣкоторыя противорѣчія съ «требованіями народнаго духа», по славянофильской терминологіи, то панацеей противъ нихъ является, по мнѣнію Аксакова, прежде всего открытость и гласность суда. «Это такой переворотъ въ нашемъ общественномъ быту, что трудно даже обхватить мыслью весь объемъ его послѣдствій».

Тотъ смутный и туманный идеализмъ, который такъ характеренъ для политическихъ убѣжденій Аксакова, проявляется въ отношеніи его къ каждому общественному или государственному вопросу. Немудрено, что и въ судебномъ вопросѣ онъ остается вѣренъ себѣ, утверждая, что «основной элементъ суда— элементъ нравственный. Судъ есть выраженіе общественной нравственности, это голосъ бытовой *совѣсти*. Судъ вообще долженъ твориться по разуму и по совѣсти, и только уже при невозможности примѣнить совѣсть ко всѣмъ условнымъ явленіямъ гражданской жизни, или къ средѣ чисто условныхъ отношеній,—общество прибѣгаетъ къ опорѣ внѣшняго закона.... Живой обычай выше мертвой буквы закона, совѣсть выше справедливости внѣшней. Таковъ принципъ, который долженъ господствовать въ судопроизводствѣ». По существу едва ли есть надобность доказывать, до какой степени неправильны и произвольны всѣ эти положенія; но они вполнѣ понятны какъ реакція противъ той формальной теоріи доказательствъ, которая представляла собою едва ли не характернѣйшую черту стараго процесса. Они естественны для человѣка съ горячимъ сердцемъ, во-очію убѣдившагося въ томъ, что чаще всего именемъ закона прикрывалось грубое и жестокое беззаконіе.

Нѣкоторое предубѣжденіе противъ немедленнаго успѣха реформъ проявляется также въ той настойчивости, съ которой Аксаковъ рекомендовалъ *постепенное*, въ видѣ опыта, введеніе реформъ на пространствѣ, ограниченномъ нѣсколькими губерніями. Онъ требовалъ немедленнаго и безотлагательнаго приступа къ осуществленію этой мысли, не подозрѣвая, конечно, что «опытъ» будетъ тянуться до самаго конца девятнадцатаго вѣка, и съ довѣрчивостью ожидая, что при такомъ постепенномъ введеніи реформа все же можетъ быть осуществлена въ теченіе какихъ-нибудь трехъ лѣтъ!

Мы видимъ, слѣдовательно, что Аксакова никакъ нельзя было причислить къ слѣпымъ поклонникамъ судебной реформы при самомъ ея введеніи, хотя критика его не касалась, въ сущности, новыхъ институтовъ и порядковъ, а сводилась къ довольно нерѣшительному проявленію недовѣрія къ источникамъ, такъ сказать, реформы. Тѣмъ разительнѣе перемѣна въ его тонѣ, послѣдовавшая уже пять лѣтъ спустя, когда новые суды и новые судьи уже успѣли себя показать и когда уже по ихъ адресу стали раздаваться въ извѣстномъ лагерѣ раздраженные вопли и пареканія. Оказалось, что никакое другое преобразованіе, кромѣ уничтоженія крѣпостного права, не принялось такъ быстро на нашей почвѣ, не пустило такъ глубоко корни въ народное и даже простонародное сознаніе, какъ новыя судебныя учрежденія. «Правый судъ, пишетъ Аксаковъ («Москва», 2 февраля 1867 г.), судъ самостоятельный, независимый и равный для всѣхъ, призванъ обновить русскую жизнь во всѣхъ ея отправленіяхъ, государственныхъ, соціальныхъ, бытовыхъ, и поднять общій уровень народной нравственности. Народъ, который пѣснями и пословицами, въ теченіе долгихъ вѣковъ, свидѣтельствовалъ о неправдѣ и кривдѣ русскаго суда и русскихъ судей, который, казалось, извѣрился въ правду и сжился съ кривдой, какъ съ неизбѣжнымъ зломъ,—начинаетъ вѣрить въ возможность правды, уже не боится ни суда, ни судей, и не только не пугается новизны, но, такъ сказать, ограждаетъ эту новизну своимъ единодушнымъ сочувствіемъ. Это одно уже такое нравственное благо, котораго нельзя ни взвѣсить, ни измѣрить и которое должно плодотворно сказаться на всемъ ходѣ нашей гражданской жизни. Поддержать и оправдать эту вѣру въ народныхъ массахъ, дать просторъ и движеніе юридическому разуму въ народѣ, утвердить въ немъ уваженіе къ положительному закону, безъ потрясенія въ немъ вѣры въ законъ нравствен-

ный,—въ тоже время искоренить закоренѣлыя привычки къ произволу и одолѣть вѣковыя предубѣжденія въ другихъ классахъ, не совсѣмъ мирящихся съ идеей равенства передъ закономъ, вотъ задача новаго суда и новыхъ судей—задача громадная и тяжелая..... Такому труду нужны, конечно, не оппозиція и не страхъ; всего этого было на вѣку его довольно,—да и довольно, даже болѣе чѣмъ нужно, осталось еще и въ настоящемъ положеніи дѣлъ. Ему, напротивъ, нужны ободреніе, доброе наставленіе и общественная поддержка».

Оттого Аксаковъ и возсталъ сразу противъ всѣхъ тѣхъ, которые стремились не помочь дѣлу, но его подкопать, обезславить и затормозить, которые раскапывали одни только промахи и ошибки и даже сочиняли ихъ тамъ, гдѣ ихъ недоставало, а въ то же время не хотѣли знать всего, что было сдѣлано безукоризненнаго, честнаго и дѣльнаго. Аксаковъ страшился послѣдствій этого похода въ двухъ отношеніяхъ: нападки могли ослабить напряженный трудъ дѣятелей судебныхъ и подорвать въ обществѣ спасительную вѣру не только въ прочность новыхъ учрежденій, но и въ поддержку ихъ со стороны тѣхъ, которыхъ самъ законъ приставилъ къ нимъ блюстителями и оберегателями. А между тѣмъ, для дѣйствительнаго преуспѣянія коренныхъ реформъ, русскимъ людямъ необходимѣе всего на свѣтѣ *глубочайшее убѣжденіе въ ихъ несокрушимой прочности*,—убѣжденіе въ томъ, что онѣ устоятъ даже при какихъ бы то ни было частныхъ недостаткахъ, уклоненіяхъ или ошибкахъ, и что никто изъ непризванныхъ реакціонеровъ не дерзнетъ посягнуть на чистоту началъ, положенныхъ въ основу этихъ преобразованій. Аксаковъ забылъ прибавить, что такое убѣжденіе едва ли могло бы опереться тогда, какъ и теперь, на какія-нибудь твердыя логическія или историческія данныя.....

Годы шли. Нападки на новые суды, проникнутыя тѣмъ загораживающимъ теченіе жизни псевдо-консерватизмомъ, который Самаринъ назвалъ «революціоннымъ», все продолжались, временно ослабѣвая, временно, подъ перомъ Каткова, принимая характеръ разнузданной травли. «Неожиданный исходъ нѣкоторыхъ процессовъ,—говоритъ А. Ѳ. Кони,—исходъ, не удовлетворившій спокойнымъ ожиданіямъ, далъ поводъ начать кричать «Hannibal ante portas», и ядовитые въ своей умышленной несправедливости эпитеты «судебная республика», «судъ улицы» и «антиправительствующій сенатъ» были наклеены дрожащими отъ гнѣвнаго волненія руками, какъ ярлыкъ, на трудовую и столь часто самоотверженную дѣятельность обновленнаго русскаго суда». Аксакову довелось три раза участвовать въ судѣ въ качествѣ присяжнаго засѣдателя и принимать участіе въ засѣданіяхъ окружного суда въ качествѣ почетнаго мирового судьи. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ продолжалъ внимательно наблюдать за жизнью судебныхъ учрежденій, вдумываться въ результаты ихъ дѣятельности, сопоставлять и сравнивать новое со старымъ, столь хорошо ему знакомымъ и столь ненавистнымъ. И когда въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ «Московскія Вѣдомости» съ новой силой ополчились противъ ненавистныхъ имъ судебныхъ уставовъ, когда хоръ ихъ подголосковъ сталъ глумиться, ругаться, метать грязь, со свистомъ и хохотомъ, во весь судебный персоналъ, не выдѣляя никого, во весь судебный институтъ, съ его прошедшимъ и настоящимъ,—«какъ будто кто имъ задалъ задачу не только поколебать его авторитетъ, не только подорвать въ народѣ довѣріе къ отправленію правосудія въ Россіи, но и омерзить его, сдѣлать ненавистнымъ въ народныхъ понятіяхъ»,—тогда вновь заговорилъ Аксаковъ. Его статья, озаглавленная: «о старыхъ судахъ (по поводу усилившихся нападеній въ газетахъ и въ обществѣ на новый судъ)» *), принадлежитъ не только къ лучшимъ и сильнѣйшимъ, которыя онъ когда-либо писалъ, но и во всей русской публицистической литературѣ достойна занять по силѣ выраженія и глубинѣ мысли одно изъ первыхъ мѣстъ.

Обрисовавъ картину той травли, которой подвергся новый судъ, Аксаковъ спрашиваетъ: «Неужели же въ самомъ дѣлѣ такъ мы забывчивы, что у насъ совсѣмъ уже и изъ памяти вонъ—во что обратился, чѣмъ былъ старый, еще недавній, еще и четвертью вѣка отъ насъ неотдѣленный прежній судъ, ввѣренный Высочайшею властью дворянскому сословному охраненію, поставленный подъ эгиду дворянской корпоративной чести? Старый судъ! При одномъ воспоминаніи о немъ волосы встаютъ дыбомъ, морозъ деретъ по кожѣ..... Тогдашнее уголовное правосудіе было во истину мерзость запустѣнія на мѣстѣ святѣ! Со всѣмъ пыломъ юношескаго негодованія ринулись мы вмѣстѣ съ товарищами по воспитанію въ неравную борьбу съ судейской неправдой,—и точно такъ же, какъ и теперь, встревоженная этимъ натискомъ стая кривосудовъ поднимала дикій вопль: «вольнодумцы! бунтовщики! революціонеры»! Передъ нами невольно встаютъ воспоминанія одно возмутительнѣе другого. Какія муки, какія терзанія испытывала душа, сознавая безсиліе помочь истинѣ, невозможность провести правду сквозь пути и сѣти тогдашняго формальнаго судопроизводства! Тамъ внизу старый крючковѣдъ-слѣдователь снуетъ фальшивую основу, по всѣмъ внѣшнимъ правиламъ закона, для будущаго судебнаго приговора; затѣмъ, въ уѣздной инстанціи, при корыстномъ участіи или при совершенномъ, не менѣе преступномъ, безучастіи выборныхъ дворянъ - судей, взяточникъ - секретарь стряпаетъ изъ дѣла «записку» и подсказываетъ имъ безобразную, не по формѣ, а по существу, резолюцію; вотъ, наконецъ, послѣ многолѣтней иногда проволочки, дѣло въ уголовной палатѣ, гдѣ ждетъ его та же участь... Но тамъ, въ этомъ дворянскомъ судѣ высшей инстанціи, сидитъ, положимъ, уже правовѣдъ—тоже, вѣдь, дворянинъ, но по назначенію «отъ короны». «Запиской» конечно, какъ это чинилось прежде, онъ уже руководиться не станетъ, а берется за подлинное дѣло; но тщетно читаетъ его отъ доски до доски, всматривается въ почеркъ, допрашиваетъ настойчиво бумагу, ищетъ какого-нибудь живого указанія въ живомъ человѣческомъ явленіи, подвергнутомъ его суду: молчитъ бумага,—бездушно, мертвенно оффиціальное изложеніе показаній преступника! Надо бы его допросить, надо бы его видѣть, надо бы войти во всѣ фактическія и психическія подробности совершеннаго преступленія. Надо бы! Но старый судъ не давалъ на то ни права, ни возможности; но юридическія данныя, требуемыя тогдашнимъ закономъ, всѣ на лицо, безукоризненны по формѣ,—и какъ бы ни вопіяла внутренняя совѣсть, ничего не остается, какъ сотворить судъ и... неправду»! Въ видѣ иллюстраціи, Аксаковъ приводитъ случай присужденія къ наказанію ста ударами плетей и къ каторгѣ бабъ, задушившихъ помѣщика, который пятнадцать лѣтъ сряду занимался въ своемъ уѣздѣ систематическимъ обезчещеніемъ (конечно, насильственнымъ или подъ угрозою наказанія) *всѣхъ* лицъ женскаго пола въ своей деревнѣ, по порядку, переходя отъ одной семьи къ другой, по ревизской сказкѣ, не разбирая ни степеней родства, ни возраста. «Возможно-ли было бы такое правосудіе, спрашиваетъ Аксаковъ, при настоящихъ формахъ судопроизводства и

*) «Русь», 15 февраля 1884 г.

при судѣ присяжныхъ»? «Не всегда, говоритъ онъ далѣе,—неправда была послѣдствіемъ грубо-корыстныхъ побужденій, но часто и очень часто происходила отъ преступно-небрежнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ выборныхъ судей,—отношенія, взлелѣяннаго замкнутостью судилища, гдѣ были всѣ *свои*, гдѣ все было по домашнему, куда не проникалъ глазъ посторонняго наблюдателя, гдѣ все, даже по закону, ограждалось канцелярскою тайною и не опасалось проклятой гласности». «Никакого просвѣта не было въ этой тьмѣ. Въ судахъ черна неправдой черной, Россія не смѣла и уповать, что когда либо убѣлится. Судъ и неправда въ понятіяхъ народа были синонимами... Неправосудіе представлялось какимъ-то неизбѣжнымъ элементомъ жизни, чуть не основою русскаго общежитія.... Какъ ни мечтали мы о лучшемъ будущемъ, но самыя дерзновенныя наши мечты даже и не досягали до предположенія, что когда-либо станетъ возможенъ въ нашемъ отечествѣ судъ *совсѣмъ безъ взятокъ*, хотя бы только *безъ взятокъ*!...

«И такой судъ сталъ возможенъ! Что за чудо? Какимъ чародѣйствомъ могло это совершиться? И не только возможенъ, но онъ существуетъ,—существуетъ уже цѣлыхъ двадцать лѣтъ! Это не предположеніе, это не сонъ, это наша дѣйствительность, проникшая въ сознаніе всего народа! О томъ, что настоящіе русскіе судьи не берутъ взятокъ, что къ судьямъ можно теперь явиться безъ приношеній, что бѣдность въ глазахъ суда не порокъ, что бѣдному и всякому приниженному судъ теперь равенъ съ богатымъ и знатнымъ, о томъ вѣдаетъ въ настоящее время изъ конца въ конецъ вся Россія, каждый мужикъ на всемъ неизмѣримомъ пространствѣ нашей земли,—въ этомъ убѣжденіи возрастаютъ теперь юныя поколѣнія цѣлаго сто-милліоннаго народа... Какой неисчислимый капиталъ нравственнаго добра перешелъ въ народное обращеніе! О, благословенно имя Того, отъ Кого мы получили такое богатство,—сотнями лѣтъ благодарности не расплатиться народу за избавленіе его отъ бытовой заматорѣлой духовной язвы! И мы теперь сами, вдругъ, точно ужаленные, вопимъ, ругаемъ, оплевываемъ, топчемъ въ грязь орудіе нашего нравственнаго перерожденія—то самое учрежденіе, которое вытащило насъ изъ смраднаго болота, гдѣ мы чуть-чуть было не увязли совсѣмъ съ головой... тотъ «новый судъ», который въ теченіе только двухъ десятковъ лѣтъ успѣлъ уже заслонить, даже вышибъ изъ нашей памяти старое безбожное кривосудіе... Да, коротка наша память»!

Трудно себѣ представить болѣе краснорѣчивую реабилитацію—если можно такъ выразиться—новаго суда. То священное негодованіе противъ его клеветниковъ, которымъ пылалъ Аксаковъ, вполнѣ вылилось въ приведенной блистательной страницѣ.

«Кричатъ и голосятъ,—такъ заканчиваетъ Аксаковъ,—о нѣкоторыхъ частныхъ, исключительныхъ или выдающихся неправильностью случаяхъ, и молчатъ о десяткахъ тысячъ рѣшеній правыхъ, молчатъ о той обильной дѣятельности правосудія, которая водворилась теперь на нашей, такъ еще недавно неправосудной, землѣ! Забываютъ и объ этомъ множествѣ честныхъ, скромныхъ, истинно доблестныхъ труженикахъ, которые неутомимо воспитываютъ въ народѣ сознаніе законности и справедливости... Изъ десятковъ тысячъ приговоровъ ни одинъ не запятнанъ *корыстью*... Сладкая, благодатная увѣренность! Россія ли отплатитъ за нее неблагодарностью? Или же соскучились мы по доброму старому времени? Будьте благонадежны, станете какъ теперь травить судъ, пошатнете его прочность, его независимость,—все вернется: и взятки, и мошенничество, и всякое кривосудье».

Какъ и можно было ожидать, статья Аксакова еще болѣе раздразнила гусей и вызвала новыя нападки, на которыя имъ былъ немедленно же данъ отпоръ. Развивая въ новой статьѣ тѣ выводы, которые онъ ранѣе высказалъ, вновь указывая на то, что судебные уставы сняли съ русскаго правосудія позоръ взяточничества, Аксаковъ въ заключеніе спрашивалъ: «Это ли не великое нравственное благо, пущенное въ оборотъ жизни народной? И достанетъ у насъ духу это вымолвить въ то самое время, когда посулы, подкупъ, хищенія практикуются въ такомъ громадномъ размѣрѣ почти всюду кромѣ суда, въ вѣдомствахъ хозяйственныхъ, административныхъ, не исключая и духовнаго, хотя бы и къ сердечному огорченію ихъ начальниковъ»...

Болѣе Аксакову не пришлось возвращаться къ вопросу о новомъ судѣ. Весною 1885 г. онъ пріостановилъ «Русь», возобновилъ ее не надолго въ концѣ года, а 27 января 1886 г. его горячее, благородное сердце перестало биться.

Михаилъ Ефграфовичъ Салтыковъ.

К. К. Арсеньева.

Въ обширной картинной галлереѣ, созданной нашимъ великимъ сатирикомъ, изображенія до-реформенныхъ порядковъ занимаютъ сравнительно небольшое мѣсто. Выступивъ—или, лучше сказать, возвратясь—на литературную сцену въ ту минуту, когда приближалось ихъ паденіе, онъ скоро перешелъ къ борьбѣ съ ихъ упорными переживаніями, съ печальнымъ наслѣдствомъ, оставленнымъ ими русскому обществу. Мѣтки и тяжки были, однако, и тѣ немногіе удары, которые онъ нанесъ одряхлѣвшему, вымиравшему строю. Вынужденная служба въ провинціи поставила его лицомъ къ лицу съ самыми мрачными сторонами тогдашней дѣйствительности—и, между прочимъ, съ выработанными ею пріемами и формами судебнаго производства. Хорошъ уже самъ по себѣ розыскной процессъ, устраняющій непосредственное соприкосновеніе между судьей и подсудимымъ, заслоняющій жизненные факты грудою бумагъ, вносящій въ судейскую работу служеніе мертвящей буквѣ; чѣмъ же онъ долженъ былъ стать въ до-реформенной Россіи, съ ея невѣжественными, иногда безграмотными, часто продажными судьями, съ ея голодными и жадными подъячими, съ ея полицейскими чинами, облеченными слѣдовательскою властью и нашедшими въ ней неизсякаемый источникъ вкуснаго кормленья? Поразительно яркій отвѣтъ на этотъ вопросъ даютъ «Губернскіе Очерки» Салтыкова, который, въ

качествѣ чиновника особыхъ порученій при губернаторѣ и совѣтника губернскаго правленія, производилъ дознанія, провѣрялъ слѣдствія, ревизовалъ земскіе суды. Уже въ введеніи къ «Очеркамъ» идиллія сельской тишины и убаюкивающей дороги нарушается сценой, невольнымъ слушателемъ которой становится путникъ. «Какъ тебя зовутъ?»—спрашиваетъ кто-то за стѣною. «Кого?—Тебя.—Меня-то?—Ну да, тебя.—Зовутъ-то?—Ахъ, чтобъ тебя... Раздаются аплодисменты.—Акимъ, Акимъ Сергѣевъ—торопливо отвѣчаетъ голосъ. Ваше любопытство заинтересовано: вы посылаете узнать, что происходитъ у васъ въ сосѣдяхъ, и узнаете, что пріѣхалъ становой для производства слѣдствія, *да вотъ такъ-то день-деньской и мается*». Чрезвычайно характерны послѣднія слова: въ нихъ слышится сочувствіе аборигеновъ къ «аплодирующему» становому, а не къ объекту его «аплодисментовъ». Мимолетное наблюденіе чуткаго автора бросаетъ свѣтъ на цѣлое міросозерцаніе, сложившееся на почвѣ безправія народной массы и безотвѣтственности большихъ и маленькихъ сатраповъ.

«Аплодисменты» — самая простая, самая грубая форма розыска «съ пристрастіемъ». Съ другими, сложными до тонкости его видами знакомитъ «Первый разсказъ подъячаго» (засѣдателя земскаго суда). «А вотъ какой у насъ еще фортель былъ»—читаемъ мы здѣсь,—«это обыскъ повальный. Эти дѣла мы приберегали къ лѣту, къ самой страдной порѣ. Выѣдешь это на слѣдствіе и начнешь весь окольный народъ сбивать: мало одной волости, такъ и другую прихватишь—всѣхъ тащи—сотскіе же у насъ были народъ живой, тертый—какъ есть на всѣ руки. Сгонятъ человѣкъ триста, ну и лежатъ они на солнышкѣ. Лежатъ день, лежатъ другой; у иного и хлѣбъ, что изъ дому взялъ, на исходѣ; ты себѣ сидишь въ избѣ, будто взаправду занимаешься. Вотъ какъ видятъ, что время уходитъ—полевая-то работа не ждетъ,—ну, и начнутъ засылать сотскаго: нельзя ли, дескать, явить милость, спросить, въ чемъ слѣдуетъ? Тутъ и смекаешь: коли ребята сговорчивые, отчего жъ имъ удовольствія не сдѣлать; а коли больно много артачиться станутъ—ну, и еще погодятъ денекъ, другой. Главное тутъ дѣло характеръ имѣть, не скучать бездѣльемъ, не гнушаться избой да кислымъ молокомъ. Увидятъ, что человѣкъ-то дѣльный, такъ и поддадутся, да и какъ еще: прежде цо гривенкѣ, можетъ, просилъ, а тутъ—шалишь! по три пятака, дешевле не моги и думать. Покончивши это, и переспросишь ихъ всѣхъ скопомъ: каковъ, молъ, такой-то, Трифонъ Сидоровъ? мошенникъ?—Мошенникъ, батюшка, что и говорить, мошенникъ.—А вѣдь онъ лошадь-то у Мокея укралъ? онъ, ребята?—Онъ, батюшка, онъ должно.—А грамотные изъ васъ есть?—Нѣтъ, батюшка, какая грамота (это говорятъ мужички уже повеселѣе; знаютъ, что, значитъ, *отпускъ сейчасъ* имъ будетъ).—Ну, ступайте съ Богомъ, да впередъ будьте умнѣе. И отпустилъ черезъ полчаса. Оно, конечно, дѣла немного, всего на нѣсколько минутъ, да вы посудите, сколько тутъ вытерпишь: сутки двое, трое сложа руки сидишь, кислый хлѣбъ жуешь... другой бы и жизнь-то всю проклялъ». Подобно тому, какъ привычные зрители «аплодисментовъ» соболѣзнуютъ о раздающемъ ихъ становомъ, разсказчикъ-подъячій умиляется при мысли объ испытанныхъ лишеніяхъ—о душной избѣ, о кисломъ хлѣбѣ,—нимало не думая о мужикахъ, потерявшихъ и деньги, и рабочее время и, въ добавокъ, взявшихъ на свою душу грѣхъ опороченія ни въ чемъ, быть можетъ, неповиннаго Трифона Сидорова. Съ *этой точки* зрѣнія простодушный разсказъ подъячаго принимаетъ размѣры обвинительнаго акта противъ «добраго стараго времени», такъ страшно извращавшаго понятія и чувства—извращавшаго ихъ «и въ тѣхъ, кто бьетъ, и въ тѣхъ, кого колотятъ». Припомнимъ, что добытый вышеописаннымъ способомъ повальный обыскъ механически, безъ повѣрки и безъ колебаній, вносился въ пассивъ баланса, на которомъ какой-нибудь псовый охотникъ, именуемый судьею, или, еще чаще, крючкотворъ, именуемый секретаремъ, съ легкимъ сердцемъ строилъ осужденіе обвиняемаго!

Въ томъ же «Первомъ разсказѣ подъячаго» мы встрѣчаемся съ теоріей, пытавшейся примирить набиваніе кармана съ своеобразно понятымъ служеніемъ правосудію. Вотъ что совѣтовалъ своимъ товарищамъ по розыскному дѣлу «учитель ихъ и заводчикъ», уѣздный лекарь Иванъ Петровичъ: «убійца-то онъ одинъ, да знакомыхъ, да сватовей у него чуть не цѣлый уѣздъ; ты вотъ и поди перебирать всѣхъ этихъ знакомыхъ, да и преступника-то подмасли, чтобъ онъ побольше народу оговаривалъ: былъ, молъ въ такомъ-то часу у такого-то крестьянина? не пошелъ ли отъ него къ такому-то?.. ну и привлекай, и привлекай. Если умѣнъ, да дѣло знаешь, такъ много тутъ Божьяго народа спутать можно, а потомъ и начинай распутывать. Разумѣется, всѣ эти оговоры—вздоръ и кончатся пустяками, да ты-то свое дѣло сдѣлалъ: и мужичка отъ напраслины очистилъ, и самъ сердечную благодарность получилъ, и преступника уличилъ». Рядомъ съ этой теоріей процвѣтала, однако, и другая, рекомендовавшая снисхожденіе даже къ профессіональному преступнику, пока у него есть средства откупаться отъ суда: это называлось «пользоваться обстоятельствами дѣла». До чего доходило такое пользованіе—видно, напримѣръ, изъ этюда: «Въ острогѣ. Посѣщеніе первое». Въ рѣкѣ найденъ былъ трупъ богатаго фабриканта, съ связанными назадъ руками. Дознано было, что погибшій, имѣвшій при себѣ много денегъ, ѣхалъ на лодкѣ съ двумя гребцами, рабочими на его фабрикѣ. Когда ихъ потребовали къ отвѣту, одинъ изъ нихъ (очевидно—зачинщикъ преступленія; его товарищъ былъ только орудіемъ въ его рукахъ) показалъ, что хозяинъ самъ просилъ ихъ связать ему руки и затѣмъ бросился въ воду—а становой, производившій слѣдствіе, нашелъ это показаніе совершенно правдоподобнымъ...

И не на однѣхъ только низшихъ ступеняхъ чиновной іерархіи попадались столь «легковѣрные» слѣдователи и судьи. Въ «Провинціальныхъ сценахъ», озаглавленныхъ «Просители», дѣйствіе происходитъ въ пріемной князя Чебылкина, очевидно—высшаго должностного лица въ губернскомъ городѣ Крутогорскѣ. Появляется помѣщикъ Налетовъ, богатый, «образованнѣйшій», состоящій, по выраженію одного изъ присутствующихъ, «въ духовномъ свойствѣ» со всѣми мѣстными властями. Онъ привлеченъ къ слѣдствію «по дѣлу объ умертвіи мѣщанской дѣвки Пучеглазовой». Между нимъ и домашнимъ докторомъ князя, Шифелемъ, идетъ слѣдующая бесѣда. «*Налетовъ*. Хорошо ваше губернское начальство! Изъ-за какой-нибудь дѣвки столько стѣвагга подняли, точно сыръ-боръ загорѣлся! *Шифель*. Шалунъ! а зачѣмъ же было поступить такъ неосторожно? *Налетовъ*. Помогите хоть вы мнѣ какъ-нибудь! Сами согласитесь, за что я тутъ страдаю? ну, умерла дѣвка, ну и похоронили ее: стоитъ ли изъ-за этого благороднаго человѣка цѣлый годъ безпокоить! *Шифель* (грозя пальцемъ). Шалунъ! а что по свидѣтельству-то оказалось? *Налетовъ*. Нѣтъ, позвольте, свидѣтельствъ было два: по одному точно что «оказалось», а по другому ровно ничего не оказалось. По моему слѣдуетъ вѣрить послѣднему свидѣтельству; его производилъ человѣкъ благонамѣренный. *Шифель* (смѣется). Ну да, ну да; а скажите-ка по

совѣсти, wie viel haben Sie—за послѣднее-то свидѣтельство»?.. А вотъ разговоръ Налетова съ другимъ довѣреннымъ лицомъ князя, чиновникомъ особыхъ порученій Разбитнымъ, «*Разбитной*. А вы все по этому дѣлу... Какъ бишь его? *Налетовъ*. Да, объ этой дѣвкѣ... est-ce que ça vaut la peine d'en parler! *Разбитной*. Да... eh bien mon cher, je dois vous dire que votre cause est perdue... Князь просто неумолимъ. Это очень, очень непріятно, а тѣмъ болѣе мнѣ, который до сихъ поръ помнитъ вашъ милый пріемъ въ вашемъ великолѣпномъ château. *Налетовъ*. Да нельзя ли какъ-нибудь *направить* дѣло? *Разбитной*. Mais je vous dis qu'il est inexorable. *Налетовъ*. Но нельзя же меня какъ какого-нибудь послѣдняго каналью... Я самъ служилъ и слѣдовательно знаю, что нѣтъ такого дѣла, котораго нельзя было бы *направить*... Нѣтъ, вы не то, что бы не могли, вы не хотите сдѣлать мнѣ снисхожденіе! Я, наконецъ, малолѣтній былъ, когда это сдѣлалъ, мнѣ не было двадцати лѣтъ! Я сдѣлалъ это по глупости, по неопытности. *Разбитной*. Ayez donc conscience, mon cher, вѣдь это случилось всего полгода тому назадъ,—какое же тутъ малолѣтство! *Налетовъ*. Наконецъ, это дѣло мнѣ денегъ стоило! Я это докажу! Что жъ въ самомъ дѣлѣ, развѣ ужъ правосудія добиться нельзя!.. Это, наконецъ, гнусно! Я жаловаться буду, я дворянинъ»!.. Успокоиваетъ Налетова вопросъ Разбитного: «будете вы у Шифеля? Приходите запросто, прямо къ обѣду... Мы, знаете, люди не церемонные. Тамъ, можетъ быть и изыщемъ какіе-нибудь способы... Такъ придете»?—«Помилуйте, за величайшую для себя честь почту»—отвѣчаетъ повеселѣвшій Налетовъ. И вотъ, когда появляется князь Чебылкинъ—старецъ, на половину впавшій въ дѣтство,—Разбитной напоминаетъ ему о чудныхъ ананасахъ, которыми угостилъ ихъ, во время объѣзда ими губерніи, Налетовъ, а на вопросъ князя, не производится ли о Налетовѣ какого-то дѣла, отвѣчаетъ отрицательно... Для насъ становится ясно, что преступникъ останется безнаказаннымъ; пострадаетъ еще разъ только его карманъ, которому «содѣйствіе» Шифеля и Разбитного, вслѣдствіе близости ихъ къ источнику власти, обойдется много дороже, чѣмъ «услуга» уѣзднаго врача и станового... Не всегда, конечно, «стражъ надъ стражами закона» былъ похожъ на князя Чебылкина; но, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, до-реформенные «помпадуры» стояли еще пониже пореформенныхъ, хорошо извѣстныхъ намъ изъ позднѣйшихъ произведеній Салтыкова.

Во что обращались, при господствѣ Ивановъ Петровичей и Разбитныхъ, кое-какія бумажныя гарантіи правъ обвиняемаго—это мы узнаемъ изъ разсказа: «Матушка Мавра Кузьмовна». При слѣдствіи долженъ былъ, по закону, находиться такъ называемый депутатъ—представитель сословія, къ которому принадлежалъ обвиняемый; ему ввѣрялось попеченіе о законности и правильности слѣдственныхъ дѣйствій. И вотъ, слѣдователь по дѣлу Мавры Кузьмовны приглашаетъ очереднаго депутата, ратмана *) Половникова—но тотъ, заслышавъ о предстоящемъ депутатствѣ, «сбѣжалъ изъ дома и неизвѣстно куда скрылся». Его наконецъ, разыскиваютъ—«на чердакѣ, за старымъ хламомъ»—и приводятъ къ слѣдователю «на веревочкѣ», какъ арестанта. Оказывается, что онъ и выбранъ-то ратманомъ въ наказанье, какъ безнадежный недоимщикъ—а секретарь, «питающій противъ него злобу», назначаетъ его депутатомъ внѣ очереди, отрывая его отъ «работишки» (ковырянья ложечекъ), которою питается онъ съ семьею. Понятно, что приведенный насильно депутатъ умоляетъ отпустить его, предоставляя въ полное распоряженіе слѣдователя свою *тамгу*, т. е. печать, прикладываньемъ которой, за его безграмотствомъ, замѣняется его подпись. Исполненію его просьбы мѣшаетъ «капризъ» обвиняемой, требующей личнаго присутствія Половникова, «хотя ей очень хорошо было извѣстно, что печать Половникова имѣла здѣсь точно тоже значеніе, какъ самъ онъ». «Ѣдма ѣдятъ насъ эти шельмы! цѣлую зиму, почитай, чиновники изъ городу не выѣзжали, все по ихней милости!.. анаѳемы»!—восклицаетъ несчастный депутатъ malgré lui, и, оглядываясь въ ту сторону, гдѣ стояла Мавра Кузьмовна, прибавляетъ: «ну, да ладно же»! Нѣтъ надобности объяснять, на сколько присутствіе такого депутата могло сдержать произволъ слѣдователя и способствовать охранѣ правъ обвиняемаго.

Болѣе дѣйствительнымъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, «ограниченіемъ чиновническаго полновластія» служило въ тѣ времена... ябедничество! Ябедникъ, по выраженію Салтыкова, «былъ сосудомъ, въ которомъ общественная скорбь находила единственное и всегда готовое убѣжище. За двугривенный человѣкъ рисковалъ, что его и въ бараній рогъ согнутъ, и туда зашвырнутъ, куда воронъ костей не заносилъ!.. Полки можно было бы изъ этихъ ревнителей поруганной общественной совѣсти сформировать»! Одинъ изъ такихъ ревнителей выведенъ на сцену въ «Губернскихъ Очеркахъ» («Непріятное посѣщеніе» и «Въ острогѣ. Посѣщеніе второе»). Передъ пріѣзжимъ ревизоромъ трепещетъ городничій, трепещетъ исправникъ, но не трепещетъ господинъ Перегоренскій. Начинаетъ онъ свою рѣчь просьбою о защитѣ, но кончаетъ—угрозою жалобы министру. Даже тюрьма безсильна смирить Перегоренскаго; не онъ боится смотрителя, а смотритель боится его; боятся его и другіе, поставленные гораздо выше. Онъ называетъ себя поклонникомъ правды и ненавистникомъ лжи—и какъ ни дико звучатъ эти слова въ устахъ доносчика и ябедника, они не вовсе лишены основанія. Перегоренскіе говорили среди всеобщаго молчанія—вотъ въ чемъ заключалась ихъ сила; но хорошо положеніе вещей, при которомъ слово было монополіей Перегоренскихъ!

До чего доходилъ въ тѣ времена у простыхъ, беззащитныхъ людей страхъ передъ всякимъ соприкосновеніемъ съ полиціей и судомъ—это показываетъ разсказъ «Аринушка». Мужикъ пустилъ въ свою избу несчастную, полу-замерзшую, больную старуху, которую «управительница» помѣщика заставляла ходить по міру, чтобы потомъ отбирать отъ нея собранное ею подаяніе. Легла она на печку—а встать не можетъ; приходитъ, по видимому, ея послѣдній часъ. Хозяиномъ овладѣваетъ ужасъ при мысли, что у него въ избѣ окажется мертвое тѣло. Сосѣдъ, котораго онъ зоветъ на совѣщаніе, говоритъ ему: «жалко мнѣ тебя, парень ты добрый, душа въ тебѣ христіанская, а поди какую самъ подъ собою бѣду состроилъ! Чай теперь и себя въ полонъ отдай, такъ и то тутотка добромъ отъ начальниковъ не отъѣдешь!.. Какъ стануть на дворѣ сумеречки, вынесите вы эту Оринушку полегонько за околицу... все одно преставляться-то ей, что здѣсь, что въ полѣ». Старуха умираетъ прежде наступленія сумерекъ. Когда стемнѣло, хозяинъ уложилъ трупъ на санки, обвязавъ его вожжами, чтобы не болтался — и свалилъ его въ полѣ, да забылъ, въ попыхахъ, снять вожжи, которыя, когда наѣхалъ становой, и послужили противъ него уликой. И вотъ, съ тѣхъ поръ сидитъ «добрый парень» «въ острогѣ каменномъ, за рѣшетками за желѣзными, о грѣхахъ своихъ размышляючи»,—сидитъ, а разные Налетовы прогуливаются на

*) Ратманами назывались члены ратуши—первой судебной инстанціи по дѣламъ городскихъ обывателей.

волѣ, благо хватило средствъ на сдѣлку съ правосудіемъ... Сидятъ вмѣстѣ съ нимъ, конечно, и дѣйствительно виновные—или, лучше сказать, дѣйствительно совершившіе преступленіе: дальше факта тогдашніе слѣдователи не заглядывали, опредѣлить его причины, а вмѣстѣ съ тѣмъ наличность и степень *вины*, они не считали нужнымъ. «Богъ свидѣтель»—говоритъ посѣтителямъ острога арестантъ, обвиняемый въ убійствѣ изъ ревности,—«Богъ свидѣтель, не чуялъ я въ эту пору и самъ, что дѣлаю; не знаю и теперь. Помню только, что выхватилъ я топоръ изъ-за пояса (дѣло происходило въ лѣсу, гдѣ мужику безъ топора быть нельзя) и билъ имъ, куда попало, билъ дотолѣ, доколѣ самъ съ ногъ не свалился. Потемнѣло у меня въ глазахъ, и вся кровь въ голову такъ и хлынула! Однако, я тутъ уснулъ и спалъ этакъ съ полсутки. Только выспавшись и увидѣвши подлѣ себя Парашку ужъ мертвую, я будто очнулся и началъ припоминать все какъ было. Сначала я было испужался и хотѣлъ бѣжать, а потомъ махнулъ рукой и объявился становому».—«Что жъ, объяснялъ ты объ этомъ подробно при слѣдствіи»?—спрашиваетъ одинъ изъ посѣтителей.—«Сначала объяснялъ, а потомъ бросилъ.—Отчего же?—*Да становой сказываетъ, что это все лишнее: ты, говоритъ, дѣло показывай, а околесицу-то не городи*»! Въ этихъ словахъ—цѣлая теорія розыскного процесса, какимъ онъ сталъ въ рукахъ невѣжественныхъ и грубыхъ слѣдователей.

Въ атмосферѣ, созданной первобытными слѣдственными пріемами и канцелярскимъ, бумажнымъ судомъ, задыхались, сплошь и рядомъ, и такіе люди, которые приступали къ дѣлу съ яснымъ пониманіемъ его важности и чуткимъ нравственнымъ чувствомъ. Превосходнымъ этюдомъ въ области психологіи этихъ людей служитъ очеркъ: «Надорванные». Филоверитовъ—человѣкъ долга, честный, неподкупный, суровый, желчный, но, по природѣ, страдательный и добрый. Вся бѣда въ томъ, что среда, въ которой ему приходится дѣйствовать, глубоко извратила въ немъ самую идею долга. Онъ дошелъ до убѣжденія, что человѣкъ оффиціальный не имѣетъ права обладать ни однимъ изъ пяти чувствъ, составляющихъ неотъемлемую принадлежность обыкновеннаго человѣка. «Что я такое и что значу въ этой громадѣ администраціи, которая пугаетъ глаза, поражаетъ разумъ сложностью и цѣпкостью всѣхъ частей своего механизма? Я не больше какъ ничтожный атомъ, который фаталистически осужденъ на тѣ или другія отправленія и который ни на пядь не можетъ выйти изъ очарованнаго круга, начертаннаго для него невидимою рукой». Это убѣжденіе онъ вноситъ въ производство слѣдствій – и подавляетъ въ себѣ голосъ совѣсти, чтобы остаться вѣрнымъ формальной, узко и близоруко понятой правдѣ. Онъ видитъ, что «преступленіе содержитъ въ себѣ много наивныхъ, много симпатичныхъ сторонъ»—но «голосъ долга и службы вопіялъ, что онъ, какъ слѣдователь, не имѣетъ права разсуждать и, тѣмъ менѣе, соболѣзновать». «Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ»?—спрашиваетъ онъ собесѣдника. Можетъ быть, оправили бы виновныхъ или, по крайней мѣрѣ, придумали для нихъ такой исходъ, который значительно бы облегчилъ ихъ участь? Я самъ былъ на волосъ отъ этого, но восторжествовалъ»... Въ другомъ случаѣ преступленіе очевидно было совершено въ одномъ изъ тѣхъ болѣзненныхъ состояній, которыя хотя и уничтожаютъ вмѣняемость, но не подходятъ подъ опредѣленную рубрику помѣшательства, умопомраченія или безпамятства—и Филоверитовъ, «не умствуя и не вдаваясь въ даль», ограничился раскрытіемъ, что преступленіе совершено, и совершено преднамѣренно. Понятно, что онъ возненавидѣлъ слѣдственную часть: она приводитъ въ соприкосновеніе съ «живымъ матеріаломъ», «заставляетъ слышать вздохи и стоны, стѣсняющіе свободу мысли». «То ли дѣло—восклицаетъ онъ,—судейская часть? Тутъ имѣешь дѣло только съ бумагою; сидишь себѣ въ кабинетѣ, никто тебя не смущаетъ, никто не мѣшаетъ; сидишь и дѣйствуешь согласно съ здравою логикой и строгой законностью. Я не схожу въ свою совѣсть, я не совѣтуюсь съ моими личными убѣжденіями: я смотрю только, соблюдены ли всѣ формальности. Если есть у меня въ рукахъ два свидѣтельскія показанія, надлежащимъ порядкомъ оформленныя, я доволенъ и пишу: *есть*; если нѣтъ ихъ, я тоже доволенъ и пишу: *нѣтъ*. Какое мнѣ дѣло до того, совершено ли преступленіе въ дѣйствительности, или нѣтъ! Я хочу знать, *доказано* ли оно, или *не доказано*—и больше ничего».

Трудно было въ немногихъ словахъ яснѣе показать ужасъ стараго судебнаго порядка, на все и на всѣхъ дѣйствовавшаго тлетворно, на однѣхъ своихъ ступеняхъ производившаго взяточничество и вымогательство, на другихъ—бездушный формализмъ. Въ то время, когда появились «Губернскіе Очерки», въ среднія и высшія судебныя инстанціи начиналъ проникать элементъ болѣе просвѣщенный и болѣе гуманный, но вліяніе его оставалось и не могло не оставаться ничтожнымъ, пока производство слѣдствій (за рѣдкими исключеніями) находилось въ рукахъ полиціи, первоначальное судебное разбирательство—въ рукахъ подъячихъ, а дальше громоздились только бумаги и бумаги. Не случайно возведеніе новаго зданія началось снизу—учрежденіемъ, въ 1860-мъ г., судебныхъ слѣдователей, положившимъ предѣлъ полицейскому полновластію и произволу. Это былъ, однако, только первый шагъ, за которымъ неизбѣжно должны были послѣдовать другіе, также предугаданные Салтыковымъ. Въ преобразовательной работѣ, закончившейся изданіемъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., «Губернскіе Очерки» несомнѣнно сыграли ту малозамѣтную, но не маловажную роль, которая въ эпохи реформъ всегда принадлежитъ литературѣ. «Глася во всѣ концы» (выраженіе Салтыкова), литература, въ лицѣ лучшихъ представителей своихъ, колеблетъ своими властными звуками устои, на которыхъ держится зло, и, дѣлая его для всѣхъ очевидимымъ и ненавистнымъ, приближаетъ моментъ его окончательнаго паденія.

Въ 82 полутомахъ: 40000 страницъ текста. 5000 картъ, рисунк. и хромолитогр.

ОКОНЧЕНЪ ИЗДАНІЕМЪ

Разсрочка платежа отъ **5** р. въ мѣсяцъ.

Задатокъ отъ 20 р. Выдаются всѣ вышедшіе полутомы.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

БРОКГАУЗА и ЕФРОНА.

82 полутома. Цѣна за полутомъ ТРИ руб. безъ перес.

Учен. Комит. М-ва Народн. Просв. допущенъ въ учит. библ. семинарій, городскихъ и двухклассныхъ приходскихъ училищъ.

Энциклопедическій Словарь вмѣщаетъ въ себѣ **всѣ безъ исключенія отрасли человѣческаго знанія**, изложенныя въ возможно широкомъ объемѣ, достаточномъ для основательнаго съ ними ознакомленія и притомъ въ формѣ, наиболѣе удобной для пользованія. Составленіе „Энциклопедическаго Словаря“ строго распредѣлено по спеціальностямъ. Содержаніе его носитъ совершенно **самостоятельный**, независимый отъ иностранныхъ образцовъ характеръ, причемъ **все, что касается Россіи, разработано съ возможно большей полнотой и точностью.** Въ „Энциклопедическомъ Словарѣ“ Брокгауза и Ефрона помѣщено множество крупныхъ статей, носящихъ характеръ изслѣдованій и монографій. Слово „РОССІЯ“ занимаетъ 874 стр. текста (55 рисунковъ, картъ и иллюстрацій).

ОБЩАЯ РЕДАКЦІЯ К. К. Арсеньева и заслуж. проф. **Ѳ. Ѳ. Петрушевскаго.**

РЕДАКЦІЯ ДЕВЯТИ ГЛАВНЫХЪ ОТДѢЛОВЪ:

С. А. Венгеровъ—исторія литературы. Проф. А. И. Воейковъ—географія. Проф. Н. И. Карѣевъ—исторія. Проф. В. Т. Шевяковъ—біологическія науки. Проф. Д. И. Менделѣевъ—химико-технич. и фабрично-заводскій отдѣлъ. Э. Л. Радловъ—философія. Проф. Н. Ѳ. Соловьевъ - музыка. А. И. Сомовъ—изящныя искусства. Академикъ И. И. Янжулъ—политическая экономія и финансы.

☞ СВЫШЕ 500 СОТРУДНИКОВЪ. ☜

Роскошное, обильно иллюстрирован. изданіе.

БИБЛІОТЕКА ВЕЛИКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

Роскошное, обильно иллюстрирован. изданіе.

ПОЛНЫЯ СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ КЛАССИКОВЪ всемірной поэзіи. Вступительныя статьи и историко-литературные комментаріи. Редакція С. А. ВЕНГЕРОВА.

„Библіотека Великихъ Писателей“ представляетъ собою рядъ отдѣльн. собраній сочиненій лучшихъ представителей всемірной поэзіи. Въ ближайшемъ времени будутъ изданы сочиненія: **Байрона, Мольера, Гете, Гейне.** Позднѣе въ „Библіотеку“ войдутъ сочиненія: **Гомера, Эсхила, Эврипида, Софокла, Данте, Сервантеса, Пушкина, Лермонтова, Гоголя.**

Изъ существующихъ переводовъ взяты лучшіе, но многое переведено вновь современными поэтами, особенно, когда прежніе переводы не представляли достаточной точности.

Въ составленіи вступительныхъ этюдовъ и примѣчаній приняли участіе:

Е. В. Аничковъ, почет. акад. К. К. Арсеньевъ, проф. Ѳ. Д. Батюшковъ. Ѳ. А. Браунъ, П. И. Вейнбергъ, З. А. Венгерова, С. А. Венгеровъ, акад. А-дръ Веселовскій, проф. Алексѣй Н. Веселовскій, Юрій Веселовскій, Д. Г. Горнфельдъ, проф. Н. П. Дашкевичъ, проф. Ѳ. Ѳ. Зѣлинскій, проф. Н. И. Карѣевъ, проф. А. И. Кирпичниковъ, акад. А. Ѳ. Кони, проф. Ф. Г. Мищенко, проф. Всеволодъ Миллеръ, П. О. Морозовъ, Л. А. Полонскій, Э. Л. Радловъ, В. Д. Спасовичъ, В. Стасовъ, проф. Н. И. Стороженко, А. А. Рейнгольдъ, проф. И. Р. Тархановъ, проф. А. С. Трачевскій, проф. Л. Ю. Шепелевичъ, Л. И. Шестовъ, проф. Е. Ф. Шмурло и др.

ИЛЛЮСТРАЦІИ: Множество рисунковъ въ текстѣ. Большое количество **геліогравюръ** и **фотогравюръ**, исполненныхъ **въ лучшихъ художественныхъ** заведеніяхъ Германіи: Брукмана, въ Мюнхенѣ, Брокгауза въ Лейпцигѣ и др. **Автотипіи** на отдѣльныхъ листахъ.

ЗАКОНЧЕНЫ:

ШИЛЛЕРЪ Полное собраніе сочиненій

въ 4-хъ томахъ, цѣна 20 р., въ перепл. 24 р.

Большая часть произведеній дана въ новомъ переводѣ.

ИЛЛЮСТРАЦІИ къ **Шиллеру** состоятъ: 1) изъ **21 фотогравюры** на отдѣльныхъ листахъ, 2) **3 таблицы снимковъ** съ гравюръ **Ходовецкаго**, 3) **34 автотипіи** на отдѣльн. листахъ и 4) **421 рисунк.** и **портретовъ** въ текстѣ. **ФОТОГРАВЮРЫ** даютъ полное повтореніе знаменитой «Schiller-Gallerie», изданной **Брукманномъ** въ Мюнхенѣ и извѣстной подъ именемъ **Каульбаховской.** Фотогравюры исполнены тѣмъ же самымъ издателемъ—**Брукманномъ** въ Мюнхенѣ и являются полнымъ новымъ изданіемъ «Schiller-Gallerie».

ШЕКСПИРЪ Полное собраніе сочиненій

въ 5-ти томахъ, цѣна 25 р., въ перепл. 30 р.

ИЛЛЮСТРАЦІИ: 1) **Вся** (около 100 картинъ) знаменитая большая **Бойделевская галлерея.** 2) Около **50 картинъ**, приложенныхъ **къ роскошному Бойделевскому** изданію Шекспира in folio. 3) Наиболѣе замѣчательныя **изъ роскошныхъ изданій женскихъ типовъ** Шекспира. 5) Отдѣльныя **картины выдающихся художниковъ на Шекспировскіе сюжеты.**

БАЙРОНЪ (ПЕЧАТАЕТСЯ)

Первое **ПОЛНОЕ** собраніе сочиненій Байрона на русскомъ языкѣ, 150 отдѣльныхъ стихотвореній, впервые переведенныхъ. Заново переведены сверхъ того 12 крупныхъ произведеній и впервые проза Байрона.—**ИЛЛЮСТРАЦІИ** къ Байрону будутъ даны по тому-же плану, котораго придерживалась редакція при изданіи Шекспира, т.-е. здѣсь будетъ собрано все замѣчательное, чѣмъ когда-либо иллюстрировался Байронъ. Въ число иллюстрацій между прочимъ войдутъ: „Галлерея **„КРАСАВИЦЪ БАЙРОНА“** Гиза и Финдена, циклъ картинъ на Байроновскіе сюжеты Делакруа и др. **Вышелъ изъ печати томъ ПЕРВЫЙ.**

РАЗСРОЧКА:	Стоимость книгъ. Въ перепл.	Задатокъ отъ	Ежемѣсячная плата отъ	Высылка книгъ. Первоначальная.	Высылка книгъ. Дополнительная.	Вышли изъ печати.
Шиллеръ и Шекспиръ вмѣстѣ . . .	54 руб.	6 руб.	2 руб.	4 т. Шиллера и 5 т. Шекспира.	—	
Соч. Шиллера	24 »	5 »	1 »	Всѣ 4 тома.	По мѣрѣ выхода и уплаты взносовъ.	Законченъ.
Соч. Шекспира	30 »	5 »	1 »	Всѣ 5 томовъ.		Законченъ.
Соч. Байрона	18 »	3 »	1 »	1 томъ.	—	1 томъ.

52 №№ журнала — 3-й годъ изданія.

12 книгъ прилож. — 3-й годъ изданія.

Въ 1904 г. Философскій словарь. Нѣмец.-русскій словарь.

Въ 1903 г. Географическій атласъ. Франц.-русскій словарь.

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1905 годъ

НА ОБЩЕДОСТУПНЫЙ

Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія,

еженедѣльный иллюстрирован. журналъ

научно-популярный журналъ по всѣмъ отраслямъ знанія.

Цѣна на годъ **6** р. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЙ.

РАЗСРОЧКА:
при подпискѣ . . . . 2 р.
къ 1 Марта . . . . . 2 р.
и къ 1 Мая . . . . . 2 р.

Въ журналѣ и приложеніяхъ къ нему приняли участіе:

С.Ѳ.А. Адріановъ, поч. акад. К. К. Арсеньевъ, акад. Н. Н. Бенеманъ, акад. В. М. Бехтеревъ, Н. А. Бунге, проф. В. П. Бузескулъ, В. В. Ю. А. Вейнбергъ, проф. Н. А. Гезехусъ, прив.-доц. А. Г. Генкель, Г. Г. Генкель, проф. С. П. Глазенапъ, проф. М. С. Грушевскій, Я. Г. Гуревичъ, А. К. Дживелеговъ, проф. А. С. Догель, А. Д. Ефименко, прив.-доц. А. А. Ивановъ, проф. Н. Н. Иванюковъ, проф. гр. Л. А. Камаровскій, поч. акад. А. Ѳ. Кони, заслуж. проф. А. В. Клоссовскій, М. В. Клочковъ, проф. М. М. Ковалевскій, Е. А. Колтоновская, Н. И. Коробка, І. М. Кулишеръ, проф. Н. Н. Любовичъ, А. П. Нечаевъ, Л. Е. Оболенскій, проф. И. Г. Ортанскій, проф. А. А. Остроумовъ, проф. С. Ѳ. Платоновъ, А. Е. Прісняковъ, проф. В. И. Разумовскій, В. Л. Рапцовъ, проф. Л. А. Саккетти, проф. С. С. Салазкинъ, проф. И. Н. Смирновъ, акад. А. И. Соболевскій, прив.-доц. В. Н. Сперанскій, акад. кн. И. Р. Тархановъ, проф. К. А. Тимирязевъ, акад. Ѳ. И. Успенскій, проф. Р. А. Фаусекъ, проф. А. Ѳ. Фортунатовъ, проф. Н. А. Холодковскій, акад. И. И. Янжулъ, А. Е. Яковскій и мн. др.

52 нумера журнала. Матеріалъ для чтенія по **всѣмъ** отраслямъ науки, искусства и литературы, размѣщенный въ **систематическомъ** порядкѣ. **Общедоступное** изложеніе. Самостоятельныя статьи русскихъ ученыхъ. Критическое освѣщеніе новѣйшихъ теченій. Письма отъ **спеціальныхъ корреспондентовъ** въ Лондонѣ, Парижѣ, Берлинѣ, Нью-Іоркѣ о современныхъ теченіяхъ науки, литературы, искусства и общественной жизни. Въ **хроникѣ** научныя новости и научное освѣщеніе событій и вопросовъ международной жизни и политики (систематическія сообщенія проф. гр. Л. А. Камаровскаго). Открытія и изобрѣтенія. Въ **фельетонахъ** научно-популярные романы. **Литературное обозрѣніе** (характеристики новыхъ писателей, обзоръ новѣйшихъ произведеній русской и иностранной литературы и проч.). **Текущая журналистика** (обзоръ выдающихся статей русскихъ журналовъ). **Библіографическій листокъ самообразованія** (программы систематическаго чтенія по различнымъ наукамъ; обзоръ литературы по отдѣльнымъ вопросамъ; отзывы о новыхъ книгахъ). **Почтовый ящикъ** (отвѣты на запросы подписчиковъ). **Масса иллюстрацій.**

12 книгъ приложеній (**«Библіотека самообразованія»**), изъ которыхъ каждая представляетъ самостоятельное законченное цѣлое, постепенно составятъ **ЦѢННУЮ ДОМАШНЮЮ БИБЛІОТЕКУ** по всѣмъ отраслямъ научныхъ знаній, общедоступную по изложенію.

Въ 1905 году будутъ даны приложенія:

1. **Исторія древняго Востока,** проф. Гомель (*съ рис.*).
2—3. **Экономическая жизнь современныхъ народовъ,** ред. проф. И. И. Иванюкова, въ двухъ книгахъ.
4—5. **Родовой бытъ настоящемъ, недавнемъ и отдаленномъ прошломъ,** проф. М. М. Ковалевскаго, въ двухъ книгахъ.
6. **Хронологія всеобщей и русской исторіи.**
7. **Земля и животный міръ.** Географія животныхъ, проф. А. М. Никольскаго (*съ рис.*).
8—10. **Домашній лѣчебникъ,** въ трехъ книгахъ (*съ рис.*), ред. проф. Н. П. Гундобина.
11—12. **Словарь иностранныхъ словъ,** въ двухъ книгахъ.

Кромѣ того, лицамъ, внесшимъ полную подписную плату **ранѣе** 1 Января 1905 года (или часть ранѣе 1 Января, а остальное послѣ), будетъ дана еще безплатная премія — роскошный художественный альбомъ съ текстомъ:

РУССКАЯ ИСТОРІЯ ВЪ ЖИЗНЕОПИСАНІЯХЪ И ПОРТРЕТАХЪ.

Серія I: **Люди смутнаго времени.**

Послѣ 1 Января, по выясненіи числа экземпляровъ, подлежащихъ печати, альбомъ будетъ высылаться новымъ подписчикамъ только въ случаѣ свободнаго остатка экземпляровъ.

☞ Названіе БЕЗПЛАТНЫХЪ приложеній въ 1903—1904 гг. ☜

1. Проф. **В. Вундтъ.** Введеніе въ философію (1903 г.). Ц. . . . . 1 р.
2. Подъ ред. **Э. Л. Радлова.** Словарь философскихъ знаній (1904 г.).
3. Проф. **В. Оствальдъ.** Философія природы (1903 г.). Ц. . . . . 1 р.
4. Проф. **Нееведъ.** Физика въ общедоступн. изложк. (*284 рис.*; 1903 г.). Ц. 1 р. 25 к.
5. Проф. **Аренсъ.** Химія обыденной жизни (*46 рис.*; 1904 г.). Ц. . . . . 75 к.
6. Проф. **І. Поле.** Звѣздные міры и ихъ обитатели (*53 рис.*; 1903 г.). Ц. 75 к.
7. Подъ ред. проф. **В. А. Фаусека.** Сущность жизни (*59 рис.*; 1903 г.). Ц. 75 к.
8. Подъ ред. проф. **В. А. Фаусека.** Теорія развитія (*съ 16 табл. и 15 рис. въ текстѣ* 1904 г.). Ц. . . . . 1 р.
9. Проф. **А. Пизонъ.** Человѣкъ и животный міръ (*284 рис., въ т. ч. 18 раскрш. таблицъ*; 1903 г.). Ц. . . . 1 р. 25 к.
10. Акад. кн. **И. Р. Тархановъ.** Духъ и тѣло (*съ 27 рис.*; 1904 г.). Ц. . . . 75 к.
11. Подъ ред. проф. **А. С. Догеля.** Гигіена (*65 рис.*; 1903 г.). Ц. . . . . 75 к.
12. Прив.-доц. **А. Соколовскій.** Человѣкъ и его вѣрованія (*съ 32 табл.*; 1904 г.). Ц. 1 р. 20 к.
13. Проф. **М. Гернесъ.** Первобытная исторія человѣчества (*съ 47 рис.*; 1904 г.). Ц. . . . . 50 к.
14. Проф. **Н. И. Карѣевъ.** Общій ходъ всемірной исторіи (1903 г.). Ц. . . . 1 р.
15. Проф. **К. Бецольдтъ.** Ассирія и Вавилонія (*съ 84 рисунк. на 48 табл.*; 1904 г.). Ц. . . . . 75 к.
16. Подъ ред. проф. **Н. И. Карѣева.** Введен. въ изуч. соціальн. наукъ (1903 г.). Ц. . . . . 75 к.
17. Проф. **И. И. Иванюковъ.** Очерки экономической политики (1904 г.). Ц. 75 к.
18. **А. Студничка.** Принципы прекраснаго (*съ 106 рис.*; 1904 г.). Ц. . . . 50 к.
19. Подъ ред. проф. **Л. А. Саккетти.** Музыкальное образов. (*съ 500 нотными примѣр. и 80 рис.*; 1903 г.). Ц. 1 р. 25 к.
20. **Байе.** Очеркъ исторіи искусствъ (*съ 181 рис.*; 1904 г.).
21. **Японіяне обитатели** (*съ 2 картами и 46 рис.*; 1904 г.). Ц. . . . 1 р. 50 к.
22. **Географич. атласъ** (1903 г.) Ц. 1 р. 50 к.
23. **Франц.-рус. словарь** (1903 г.). Ц. 1 р. 50 к.
24. **Нѣм.-рус. словарь** (1904 г.).

Указанныя цѣны обозначаютъ стоимость книгъ въ отдѣльной продажѣ (цѣны не обозначены при названіяхъ книгъ, не разосланныхъ еще подписчикамъ ко времени составленія настоящаго объявленія). Полный комплектъ всѣхъ этихъ книгъ для подписчиковъ журнала стоитъ **ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ** безъ перес.

Кромѣ того, въ 1903 г. былъ данъ роскошный художественный альбомъ: **«Дѣятели освобожденія крестьянъ»** съ оригинальными статьями объ Импер. Александрѣ II, Некрасовѣ, Герценѣ, Радищевѣ, Милютинѣ, Тургеневѣ и др.; 15 портретовъ (4 фотогравюры, 3 фототипіи, 7 литографированныхъ портретовъ и 1 автотипія). Ц. **2** руб., съ пересылкою **2** руб. **50** коп.

Въ 1904 г. данъ альбомъ: **Главные дѣятели и предшественники судебной реформы.**

Подписчикамъ на 1905 годъ, пріобрѣтающимъ **при подпискѣ** полный комплектъ ежемѣсячныхъ приложеній 1903—1904 годы (24 сочиненія), онъ высылается **ЗА ЧЕТЫРЕ РУБЛЯ (вмѣсто 8 рублей),** причемъ деньги слѣдуетъ выслать одновременно со взносомъ на журналъ. За пересылку налагается платежъ по дѣйствительной стоимости.

Для подписчиковъ на 1905 годъ обѣ галлереи высылаются за половину цѣны. Пересылка по дѣйствительной стоимости.

ПРОСПЕКТЫ ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

Требованія и деньги адресовать въ контору **«Вѣстника и Библіотеки Самообразованія»,** *С.-Петербургъ, Пражешный, 6.* БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

Редакторъ-издатель проф. **П. И. Броуновъ.**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 12 Ноября 1904 года.

Тип. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ, Пражешный пер., 6.